

М.Зазнобин

**Современное
рабовладельческое
общество**

Давно пора мать умом Россию понимать! (Гарик Губерман)

Существует еще более ужасное оружие, чем ложь. Это - истина. (Талейран)

**ОШИБКИ К.Маркса
и «марксистов»**

От Составителя

Уважаемый читатель!

Если вы считаете себя марксистом (или по крайней мере не антикоммунистом), вам может быть полезно узнать, в чем и почему ошиблись К.Маркс, Ф.Энгельс и их последователи, и почему их "гениальные предвидения" оказались нереализованными.

Если вы разочаровались в марксизме как в экономическом учении только потому, что результаты его применения на практике имели столь печальные последствия, если вы считаете, что марксизм должен быть отброшен, вам также, возможно, окажутся полезными чисто научные обоснованные доказательства ошибочности политэкономических выводов марксизма.

Для многих людей даже сегодня, в начале нового тысячелетия, многомиллионные жертвы марксизма и сталинизма – это всего лишь "издержки становления" нового общества, и они убеждены, что сама-то идея – верная, а ошибочными были лишь методы претворения ее в жизнь.

НЕВЕРНА САМА ИДЕЯ!

Это показано в книге, которая перед вами. Но определенному кругу людей это надо строго научно доказать. (А некоторым и доказывать бесполезно).

Не нужно забывать, что книга написана задолго до "перестройки", а 1985 год на ее титульном листе – это лишь год, когда автор разрешил доверить ее очень узкому кругу лиц. Поэтому многие примеры и фразы могут показаться читателю несколько устаревшими. Однако тема книги и ее материал попрежнему актуальны. Казалось бы за 15 лет с начала "перестройки" уже все сказано о коммунистической идеологии. Однако чтение книги показывает нам, что настоящий политэкономический анализ эпохи развитого социализма (ЭРС) все еще не проведен.

К этому можно добавить, что капитализм есть *способ производства* материальных благ (равно как и предшествовавшие ему способы – феодальный, рабовладельческий). Социализм же не есть способ производства, как бы ни старались нам вбить нам это в головы его апологеты; социализм есть *способ распределения*. Способ же производства, господствовавший до 1985 года в СССР (и в значительной мере уцелевший и до нашего времени) совершенно другой, действительно уникальный в истории человечества – это

способ производства АРХИРАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ. Элементы же социализма как способа распределения материальных благ есть почти в любом современном обществе (так называемый "шведский социализм" – в одной из самых "капиталистических" стран Европы!; в 2000 году это уже "бывший шведский социализм"). Действительно, чем богаче общество в целом, тем при одном и том же проценте отчислений от его доходов в пользу беднейших слоев общества, эти бедные могут быть гораздо богаче членов общества, производящих продукцию архирабовладельческим способом. Что и показало развитие событий.

Эта книга составлена из материалов бесед и переписки с Михаилом Зазнобиным, жителем российской глубинки... И в память о нем. К великому сожалению его уже нет с нами. (Составитель)

СОДЕРЖАНИЕ

- **Обязательное предисловие**
- **ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Экономика простейшего капиталистического производства**
- **ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Рыночная экономика и социальная справедливость**
- **ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Действие закона стоимости в различных общественно-экономических формациях**
- **ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Действие закона стоимости в условиях отсутствия рынка**

Личная зависимость трудящихся от руководителей

Распространение рабской психологии на все общество

Общечеловеческие последствия победы коммунизма в СССР

Классики марксизма о действии закона стоимости при коммунизме

О чем эта книга

Анализ "Капитала" Маркса, проведенный в этой книге, показывает, что при попытке объяснить современную ему капиталистическую систему производства середины 19-го века, Маркс допустил грубейшую ошибку. Он *предположил*, что рабочая сила продается *по стоимости*, а не *по цене производства* (стоимость плюс прибыль), как все другие товары, и что именно это обстоятельство является источником прибавочной стоимости.

На самом деле это верно только для переходного периода от феодализма к капитализму, так как в процессе "капитализации" сельскохозяйственного производства и в результате сопутствующих этому процессу аграрных кризисов высвобождается большое количество малоквалифицированной рабочей силы, и эту рабочую силу использует промышленный капитал города. Избыток наличной рабочей силы действительно позволяет покупать рабочую силу по стоимости и даже ниже стоимости, а, следовательно, получать сверхприбыль. Но в *установившемся режиме* капиталистического производства, на который капитализм вышел только к середине XX-го века, рабочую силу для промышленности уже становится невозможно получать даром, "извне", из деревни. Она не удовлетворяет промышленный капитал ни по количеству, ни по качеству. Ее приходится в *массовом количестве производить* внутри самого промышленного сектора, как и любой другой товар в товарном производстве. По этой причине *рабочая сила как товар в общем случае должна продаваться по цене производства, то-есть с прибылью*. Эта прибыль тем больше, чем больше капитал, вложенный в производство рабочей силы той или иной

квалификации, и поэтому высококвалифицированная рабочая сила оплачивается выше, и ее производитель – квалифицированный работник – получает среднюю прибыль. В таком случае становится совершенно абсурдно говорить об эксплуатации рабочей силы.

Эта ошибка Маркса не позволила ему понять, что в общественном производстве действуют не два подразделения (производство средств производства и производство предметов потребления), а, как минимум, *три*, причем основное подразделение – это и есть как раз не обозначенный и не учтенный Марксом *сектор производства рабочей силы*. Только с такой точки зрения непротиворечиво объясняется вся система капиталистического производства для всех без исключения видов товаров, в том числе и для товара *рабочая сила*. Развитие этой точки зрения автором позволило объяснить возникновение и роль четвертого подразделения общественного производства – сферы производства знаний и технологий (науки) как производительной силы общества.

В действительности *все* товары (а не только рабочая сила и средства производства) потребляются производительно. Непроизводительного потребления *нет вообще*. Предметы потребления потребляются *с целью производства рабочей силы*.

Эти ошибки в свою очередь привели Маркса к выводу, что причиной экономических кризисов является частная собственность на средства производства, в то время как действительная причина кризисов – экстенсивное развитие производства и неизбежно следующий за этим дефицит необходимой рабочей силы. Переход же к интенсивному развитию производства стал возможен только при появлении достаточно крупного капитала и принятия соответствующих законов, которые позволили эффективно развивать сектор производства знаний и технологий – четвертый сектор общественного производства, который при Марксе был еще очень слабо развит. С этого и только с этого времени наука становится постепенно производительной силой. Поэтому кризисы являются неизбежным периодом саморазвития капиталистической системы производства на этапе перехода к крупному капиталистическому производству, и с развитием в нем четвертого подразделения постепенно сходят на-нет. Маркс же был свидетелем лишь переходного процесса.

Теоретическая ошибка Маркса повлекла за собой его ошибочные "оргвыводы" о необходимости ликвидации частной собственности на средства производства. Такая теория была подходящей основой для деятельности различных экстремистских группировок, так как указывала массам на "конкретного врага" (буржуев) – виновников тяжелого материального положения народа. Эта теория была взята на вооружение Лениным, который создал на ее основе боевую партийную организацию и, захватив с ее помощью власть в России, попытался построить экономическую систему производства на основе так называемой "общественной собственности", а по-существу – собственности, сосредоточенной в руках немногочисленной кучки членов Политбюро, полностью распоряжавшихся производством и потреблением в стране с трехсотмиллионным населением. (При этом каждый из членов Политбюро не был формальным собственником чего-бы то ни было, и даже собственной квартиры).

Неправильные представления о системе общественного производства, и, в первую очередь, отсутствие в марксовой схеме главного подразделения – сектора производства рабочей силы, производящего рабочую силу как товар (собственниками этого товара – рабочими), не позволили ему понять, что, отрицая частную собственность на средства производства вообще, его учение с неизбежностью должно иметь следствием и отрицание права рабочего – производителя рабочей силы – на свой товар "рабочая сила". *В схеме общества, построенного "по Марксу", рабочий теряет всякое право на собственную рабочую силу, он не может продать ее по своему желанию или не продавать вообще, поскольку эта рабочая сила не является его собственностью.* Она произведена с помощью ОБЩЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА (а реально – с помощью средств производства, принадлежащих кучке руководителей), и он обязан поэтому ОТДАВАТЬ ее этому "ОБЩЕСТВУ".

В результате на территории России (если смотреть с точки зрения классической политэкономии) было создано АРХИРАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО – общество, не имевшее аналогов в известной истории человечества. И именно огромные размеры России – страны с колоссальными природными ресурсами позволили этому обществу не только просуществовать 70 лет, но и пытаться конкурировать с более развитыми странами ценой разграбления и растраты колоссальных ресурсов народа и страны.

И, наконец, основываясь на всем этом, автор показывает, каким образом естественный (природный) закон общественного производства – *закон стоимости* – проявляет себя через рынок как регулятор общественного производства, действие которого направлено на непрерывное увеличение производительности труда. И как этот же закон, будучи лишен в коммунистической системе производства такой возможности из-за отсутствия рынка, проявляет свое разрушительное действие вследствие НЕПРЕРЫВНОГО СНИЖЕНИЯ ТЕМПА РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА – также естественного закона коммунистического способа производства. В книге показано, каким образом действие этого закона с необходимостью привело в конце концов к разрушению коммунистической системы производства в СССР.

(Книга закончена Составителем около 1985 г и слегка корректировалась впоследствии).

Обязательное предисловие

Целью настоящей книги является выяснение классовой, экономической и политической сущности "эпохи развитого социализма" (ЭРС) на основе учения Маркса о труде, капитале и законе стоимости. Эта цель возникла в результате того, что в течение многих лет работы в народном хозяйстве СССР автор на личном опыте и в результате обмена мнениями с представителями самых разных слоев общества убедился в справедливости ставшего уже ходячим выражения "всюду бардак", под которым понимается существование огромного количества всевозможных безобразий и злоупотреблений, кажущихся неустранимыми, ибо их количество и размеры непрерывно возрастают. Автору хотелось понять, что же такое действительная социальная справедливость и, как следствие, справедливо ли распределение общественных доходов в ЭРС, разумно ли построено общество ЭРС, и не являются ли все наблюдаемые экономические явления следствием какой-то одной причины?

Для полного и ясного понимания сути общества ЭРС необходимо ясное и четкое понимание основ политической экономии. Эти основы трудно усвоить, проходя обычный курс политэкономии в высшем учебном заведении (и в учебных заведениях уровнем пониже), и тем более трудно это сделать, пытаясь читать "Капитал" К.Маркса, как вследствие очень большого объема этой книги (что само по себе ограничивает круг ее добровольных читателей в наш век больших скоростей), так и вследствие несовременности изложения и оформления материала, что проявляется в большом количестве повторений, в трудности выделения главного материала из потока материалов второстепенных, а также в большом количестве случаев, когда Маркс показывает (вернее – иллюстрирует) действие экономических законов на многих примерах, в то время как их можно заменить одной строчкой математической формулы.

Необходимо, конечно, иметь в виду, что "Капитал" был написан 100 лет назад в значительной мере как полемико-критическое произведение (он так и назывался "Критика политической экономии"), а отнюдь не как учебник. Он был рассчитан на подготовленного читателя того времени, на возникновение у него определенных вопросов, на которые Маркс пытался тут же отвечать. Но у современного читателя возникают совершенно другие вопросы, так как при чтении книги мы интуитивно пытаемся связать ее идеи с отношениями в известном нам обществе.

В силу этого весьма многочисленные отклонения по ходу изложения материала в "Капитале" вызывают у читателя резко отрицательное отношение к самому предмету политической экономии. А это как раз то, что необходимо власти предрержащим. Это уводит интересующихся от источника проблемы, заставляет искать объяснение происходящего в обществе в другом месте. А где это место? Там где попроще, в учебниках политэкономии "для всех". Современные же советские учебники политэкономии имеют очевидную классовую направленность, что исключает возможность любой попытки исследования объективных законов развития общества с их помощью.

Но ведь не может же быть, чтобы в "Капитале" было одно, а в учебниках - другое?

Конечно нет. Ошибка имеется и в учебниках. Но там она затушевана ссылками на "Капитал" и его авторитетом. И круг обмана замыкается.

Все это делает "Капитал" в настоящее время практически нечитаемым и непонимаемым широким кругом людей. Поэтому автор видит одну из своих задач в том, чтобы довести до читателя основные представления К.Маркса о капиталистическом способе производства и законе стоимости путем некоторой перекомпоновки и сокращения основной, содержательной части "Капитала". Это позволяет без особой затраты усилий и времени понять, в чем видел Маркс основные недостатки современного ему общества и предлагал ли он какие-либо разумные альтернативы; представлял ли он, хотя бы умозрительно, структуру нового общества, которое могло бы устранить эти недостатки, не заменив их другими, возможно даже худшими.

А уже основываясь на ясном понимании идей "первоисточника", мы с вами сможем решить вторую задачу – проанализировать с научной точки зрения современную нам "эпоху развитого социализма" (ЭРС).

В первой части этой книги рассматривается политэкономия капитализма, то есть формы, в которых проявляется действие закона стоимости в **условиях наличия** в обществе частной собственности на средства производства (СП). Это дает возможность читателю, ранее вообще незнакомому с проблемой, получить правильное представление об идеях Маркса, не заглядывая в "Капитал". Те же читатели, которые в свое время изучали политэкономию в высших учебных заведениях СССР, могут первую часть даже и пропустить, и обращаться к ней лишь тогда, когда у них возникнут вопросы по остальному материалу.

Внимательное изучение "Капитала" показывает, что хотя анализируемая Марксом общественная система середины 19-го века была по сегодняшним представлениям поистине ужасной для многомиллионных масс трудящихся, тем не менее она, будучи естественной наследницей предыдущих эпох, была по сравнению с ними наиболее эффективной с экономической точки зрения, с точки зрения **ТЕМПОВ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА**. Это стало возможным благодаря тому, что с развитием товарного производства открылись большие возможности для проявления закона стоимости через рынок. В свою очередь это привело к появлению в экономической системе большого количества естественно выросших "обратных связей" (которые Маркс называет "тенденциями" за неимением в его время более точного определения).

Следует отметить, что во всех случаях, когда Маркс говорит о какой-либо "тенденции", он специально указывает, что в капиталистической системе та или иная "тенденция" никогда не превращается в безусловный закон, доводящий действие этой тенденции до своего логического конца. Каждой тенденции всегда сопутствует по меньшей мере одна противоположно направленная тенденция. Взаимодействие всех этих противоположно направленных пар тенденций и обуславливает любое наблюдаемое в данный момент состояние или процесс в системе капиталистического хозяйства. В этом проявился гений Маркса как теоретика. Задолго до появления в науке теории автоматического управления и теории "гомеостаза" Н.Винера, К.Маркс интуитивно "почувствовал" работу сложнейшей

общественной системы как единого организма, охваченного большим количеством обратных связей.

Но и гении не застрахованы от ошибок. Отступил от этого правила сам Маркс, когда он провозгласил всеобщий закон капиталистического хозяйства абсолютным законом, не противопоставив ему никакой другой "тенденции". Эту нелогичность мы разберем в разделе о кризисах.

Хотел этого Маркс или не хотел, но система капитализма в его описании предстает перед нами как сбалансированная, самонастраивающаяся и самосовершенствующаяся экономическая система, отнюдь не склонная к какому-либо самоторможению или, как его любят называть, "загниванию". "Разбазаривание" трудовых и сырьевых ресурсов, о котором не раз упоминает Маркс и так много говорят советские экономисты, возможно и имеет место. По мнению Маркса это разбазаривание возникает вследствие того, что определение стоимости продукта при рыночной системе хозяйства происходит лишь после того, как продукт произведен и вынесен на рынок, после чего только и происходит сравнение затрат на производство продукта. Как показано у Маркса, лишь в процессе такого сравнения выясняется, были ли затраты труда на производство данного продукта равны средним затратам в масштабе всего общества, или они отклонялись от него в ту или иную сторону. Более того, только после этого выясняется, были ли эти затраты вообще "общественно-необходимыми" (то есть удалось ли этот продукт продать, был ли он вообще нужен обществу).

До тех пор, пока продукт удастся продать, можно считать, что труд затрачен целесообразно, и никакого разбазаривания или перерасхода рабочей силы не происходит. "Разбазаривание" с точки зрения постороннего наблюдателя имеет место тогда, когда произведенные товары не удастся продать. И выясняется это только на рынке, после того, как они уже произведены. Но ведь сам же Маркс показывает, что только на рынке и может быть определена СТОИМОСТЬ продукта! Это может быть сделано ТОЛЬКО в результате попытки продать этот товар, РЕАЛИЗОВАТЬ его стоимость. Нет другого способа определить стоимость, не придумало такого способа человечество. Поэтому приходится мириться с тем, что часть товаров останутся непроданными или будут проданы по пониженной цене. Да, некоторый перерасход труда имеет место. Но как его устранить? Ликвидировать рынок? Но тогда нельзя будет определить и стоимость продукта!

Да и в этом ли проблема? В конце концов это можно считать "издержками производства"! Но разбазаривание общественного труда имеет место в гораздо больших размерах во время кризисных ситуаций, когда происходит банкротство тех фирм, которые не смогли обеспечить необходимый уровень организации производства, производительности труда и так далее. Однако у Маркса НИГДЕ НЕТ не только точных, а и вообще НИКАКИХ ДАННЫХ о том, каков же реальный процент этого разбазаривания, и сколько в процентном отношении приходится материальных благ на потребление класса капиталистов. Весьма возможно, что ни Маркс, ни прочие экономисты не смогли получить ни самих этих данных, ни даже указать способа их приблизительного расчета. Более того, поскольку это не представляется такой уж сложной задачей, то это само по себе вызывает подозрения – а так

ли уж велика в общественном продукте доля дохода "суммарного капиталиста", которую он тратит на собственные нужды?

Сам Маркс указывает, что по крайней мере в начальный период становления капитализма предприниматели ни одной лишней копейки не тратили на себя лично (по крайней мере западные капиталисты вроде описанного Диккенсом в романе "Домби и сын"). Они старались ВСЮ полученную прибыль немедленно пустить в оборот, на расширение производства. Положение стало изменяться в конце 19-го века, появились "представительские расходы" и расходы на рекламу. Но, так или иначе, эти средства тратились не по прихоти капиталиста, а служили процветанию предприятия. Они составляют в процентном отношении небольшую часть общего оборота предприятия и сравнительно легко поддаются контролю.

Видимое "разбазаривание" ресурсов во время кризисов не позволило Марксу, по всей вероятности, разобраться в его причинах. Маркс видел в кризисах лишь тормоз для стремительного развития общества. Он не разобрался в "механизме" кризиса, не описал этого "механизма" в "Капитале". Это – факт. Он изменил собственному методу, не противопоставив одной "тенденции" другую, противоположную. Он не увидел этой противоположной тенденции, хотя и понимал положительное значение кризиса с точки зрения обновления производства. Возможно (и скорее всего) он не смог сделать этого, так как в его время отсутствовала разработанная теория обратных связей в сложных системах, и, в частности, теория запаздывающей обратной связи. В настоящее время хорошо известно, что наличие в системе обратной связи с запаздыванием в определенных случаях как раз и вызывает прерывистое течение процессов или колебательный характер поведения системы.

Все обратные связи (тенденции), рассмотренные Марксом, практически не имели большого запаздывания (выражаясь техническим языком – большой «постоянной времени»), и только одна из них – система кредита – имела такой характер. Крайне странно, что это осталось незамеченным Марксом, но совершенно ясно, что это оказало влияние на выводы, сделанные им в первом томе "Капитала" в виде формулировки "всеобщего закона капиталистического производства", и привело к неудаче его попыток последовательно, шаг за шагом, объяснить возникновение кризисных ситуаций. Ни в одном месте "Капитала" такого объяснения нет. Есть лишь указания на то, что та или иная тенденция, взятая отдельно (сама по себе, без ей противоположной, чего на самом деле по Марксу нет и быть не может) может привести к кризису. В свете теории автоматического регулирования понятно, что нет никакой необходимости брать тенденцию отдельно. Достаточно внести некоторое запаздывание в контур ее действия, чтобы получить тот же результат – прерывистое или колебательное течение процесса.

Только понимая причины кризиса и зная, как производственная система входит в кризис и как выходит из него, можно пытаться управлять этими процессами, вводя в систему определенные контролируемые ограничения. Но, чтобы сделать вывод о том, что капиталистическая система производства ПРИНЦИПИАЛЬНО не может развиваться иным путем, кроме как через периодические кризисы, для этого нужно было по крайней мере проанализировать сам механизм кризисов. Этого Маркс не сделал, и потому указанный его

вывод не может считаться обоснованным, а упорное его повторение в учебниках политэкономии нельзя назвать иначе как демагогией и обманом.

В связи со всем вышеизложенным автору пришлось пересмотреть точку зрения Маркса на простое и расширенное воспроизводство. Точные алгебраические выражения, полученные при заданных у Маркса ограничениях, показывают, что само по себе расширенное производство на частнокапиталистической основе может привести к кризисной ситуации лишь в том случае, если расширение производства наталкивается на дефицит того или иного средства производства. И, хотя могут быть разные случаи, чаще всего оно наталкивается на **ДЕФИЦИТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ**.

Маркс не смог сделать этого вывода, и ниже станет понятно, почему. Вместо этого он сделал вывод (как теперь можно считать – произвольный) о необходимости ликвидации частной собственности на средства производства. По его мнению, таким путем можно было решить сразу две задачи – уничтожить эксплуатацию и ликвидировать экономические кризисы.

Такая попытка была сделана в России в октябре 1917 года. Однако, ликвидировав частную собственность полностью в масштабах государства, ликвидировав независимых производителей, коммунисты столкнулись с другой огромной проблемой – с исчезновением рынка и, как следствием, с невозможностью определить стоимость производимой продукции.

Однако из этого вовсе не следует, что Закон Стоимости перестал действовать, перестал оказывать влияние на ход общественных процессов. В новых условиях он проявил себя в форме **НЕПРЕРЫВНОГО СНИЖЕНИЯ ТЕМПА РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА**. Это и есть форма проявления Закона Стоимости в условиях ЭРС.

Законы развития общества, как впрочем и все остальные законы природы, потому и являются Законами, что действуют независимо от воли людей. Тот, кто считает возможным "отменить" Закон Стоимости, уподобляется человеку, "отменяющему" закон всемирного тяготения. Если такой человек выйдет из окна седьмого этажа, "отмененный" закон даст о себе знать незамедлительно. "Отменять" же законы развития общества почему-то считается возможным; при определенных условиях они срабатывают с большим запозданием, часто уже в последующих поколениях людей. При этом последствия затрагивают уже целые народы и континенты. В силу этого вольное обращение с общественно-экономическими законами уже не может в наше время рассматриваться как внутреннее дело какой-то нации, а подлежит обсуждению (а то и санкциям) в международном масштабе.

(Примером тому в отношении природных законов является выброс в атмосферу Англии промышленных отходов, что привело вследствие господствующих ветров в восточном направлении к массовой гибели лесов в Норвегии и Швеции. Проблема была решена положительно для Швеции, и, как впоследствии выяснилось, также и для Англии, только после ее обсуждения в ООН. Точно так же проекты типа поворота течения рек Сибири с севера на юг не могут быть внутренним делом России, так как затрагивают изменение климата во всем полушарии.)

Следствием отмены экономических законов (и одновременно причиной такой отмены) является политический авантюризм, неизбежно связанный с авантюризмом в экономике, и приводящий к крайне тяжелым последствиям для народов. Для всех народов.

Примечание: Текст первой части книги в значительной мере состоит из цитат Маркса, выделенных кавычками. Это сделано для "привязки" к тексту "Капитала". При этом ссылок на места текста "Капитала" не дается – интересующийся читатель легко найдет эти места самостоятельно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Экономика простейшего капиталистического производства

"В общественной науке необходимо не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"

Ленин В.И. "ПСС. Т.39. стр.61"

"В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями – следовательно, отдельные формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам... Марксизм является врагом всякого догматизма"

И.Сталин. "Марксизм и вопросы языкознания" М.1950. с.113-114

"Учение Маркса всеильно потому что оно верно!"

В.И.Ленин

Да простит мне читатель, вначале мы рассмотрим вещи как бы тривиальные. Но мы на них (в отличие от Маркса) долго задерживаться не будем, так как в наше время эти вещи практически всем известны и ясны.

Тот, кто считает себя достаточно информированным в политэкономии, может первую часть пропустить и начать сразу со второй. В случае возникновения вопросов и неясностей такой читатель всегда может вернуться к первой части.

Стоимость. Товар. Деньги

Сумма физических и умственных усилий, направленных на создание материальных ценностей и затраченных человеком для поддержания своего существования, называется трудом.

При производстве любого продукта человеку нужно затратить некоторое количество труда. Однако, до тех пор, пока продукт производится только для собственного потребления, а не для обмена с другими людьми, он не является товаром. При этом количество труда, затраченного человеком на изготовление продукта не имеет решающего значения, если при этом обеспечиваются минимальные условия для выживания.

Только после того, как разделение общественного труда заставило отдельного человека заниматься производством какого-либо продукта специально с целью его дальнейшего обмена на все остальные необходимые для его жизни продукты, производимый для обмена продукт становится товаром.

При обмене товарами их нужно сравнивать между собой, и это сравнение производится в соответствии с тем, какого количества труда (усилий) "стоило" их производство. Количество труда измеряется рабочим временем, необходимым для производства того или иного количества товаров при определенной степени их качества и средних (по обществу) условиях труда, в которые входят все обстоятельства трудовой деятельности – напряжение сил, техническое оснащение и пр.

Всякий обмен предполагает и наличие гибких средств обмена. Предположим, что производство рубашки "стоит" 5 часов труда, а производство брюк – 10 часов (условно). Пусть я – портной и сшил брюки. Но я хочу обменять эти брюки не на две рубашки, а на одну рубашку и мешок зерна, производство которого тоже "стоило" его производителю пяти часов труда. Но я не могу этого сделать, если рубашки и зерно продают разные люди: нельзя половину брюк обменять на рубашку, а половину – на зерно. Кроме того, обмен может совершаться не одновременно, в разных местах и в различных обстоятельствах. Рабочее время как меру труда весьма неудобно применять; как говорится: "Время в карман не положишь". Да у покупателя и нет возможности выяснять количество времени, которого стоило продавцу производство данного товара. Обмен с самого начала предусматривает обмен каких-то реальных предметов. Поэтому, кроме предметов обмена, исторически возникли и средства обмена – ДЕНЬГИ – универсальный товар, в любой момент времени и в любом месте и количестве готовый к обмену на любой другой товар.

Посредством денег можно выразить в счетной форме любое количество труда, которого "стоило" производство той или иной вещи, продукта труда. Таким образом, деньги стали выражать СТОИМОСТЬ товара.

"В стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата труда вообще (безотносительно к характеру этого труда, его качеству, по выражению Маркса – труда портного или жестянщика). Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием. Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее, для каждого определенного общества есть нечто данное, постоянное. *Сравнительно сложный труд означает только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого.* Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда (вернее было бы сказать – соизмеримым с продуктом простого труда) и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда ..." "Ради простоты в дальнейшем мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, - это избавит нас от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому".

Таким образом, при обмене товаров, какими бы различными они ни были, происходит, в конечном счете, обмен продуктов труда, заключающих в себе одинаковую стоимость, ибо только в том случае, если производство этих товаров "стоило" их производителям одной и той же затраты труда, никто из них при обмене не проигрывает.

Здесь, однако, возникает вопрос, имеющий самое важное значение для всего дальнейшего анализа, а именно: каким образом определяется количество труда, которого "стоит" производство товара, или, короче, какова СТОИМОСТЬ товара? Ведь, в зависимости от конкретных условий производства и особенностей самого производителя, производство одного и того же товара может потребовать различных усилий, различного труда и различного, поэтому, рабочего времени.

По Марксу, *при товарном производстве этот вопрос решается стихийно, без участия производителя товара, и только после того, как производитель вынес свой товар на рынок для продажи.*

Под "рынком" здесь и далее понимается, конечно, не конкретное учреждение, а сама возможность продавать товары при условии конкурентной борьбы за сбыт продукции путем варьирования цены на нее. Иными словами, "рынок" – это рынок сбыта.

Только на рынке, в конкурентной борьбе за сбыт своего товара, каждый производитель в зависимости от вышеупомянутых условий производства своего товара, может назначить ту или иную продажную цену и в результате - сбыть или не сбыть свой товар. Если *индивидуальная стоимость* его товара выше (при равном качестве) средней величины стоимости других таких же товаров на рынке, то наш производитель окажется в убытке, и только после этого ему станет ясно, что он затратил на производство своего товара больше труда, больше рабочего времени, чем среднее по обществу, *общественно-необходимое рабочее время* для производства данного товара.

Среднюю общественно-необходимую затрату труда на производство данного товара мы в дальнейшем будем называть СТОИМОСТЬЮ данного товара.

Особенная черта рынка, при посредстве которого и только на котором определяется действительная величина *стоимости* продуктов труда (или пропорциональная ей величина) состоит в равноправии как всех продавцов, так и всех покупателей данного продукта, вступающих в конкурентную борьбу за сбыт или покупку товаров. Только при этих условиях, обеспечивающих независимость процесса определения *стоимости* товаров от желаний или действий какой-либо человеческой личности или группы лиц, и может определиться стоимость товара. Если это условие нарушается, как это бывает, например, в тех случаях, когда рынок захватывается одним или небольшим числом продавцов (монополизирован), цена на продукт может значительно отличаться от его стоимости (если, конечно, находятся покупатели, то-есть существует так называемый платежеспособный спрос). Таким образом наличие рынка является необходимым условием самой возможности определения стоимости продуктов труда.

"Величины стоимостей непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения или деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно-пропорциональной мере. Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство, потому что общественно-необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно, в качестве регулирующего закона..."

Производительность труда

Одни и те же физические или умственные усилия человека могут иметь различную эффективность в зависимости от технического и технологического уровня производства. В результате при одних и тех же затратах труда может производиться различное количество продукта. В этом смысле говорят о *производительности труда*.

"...один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости (точнее, создает всегда количество продукта, стоимость которого всегда одна и та же), как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях... различные количества потребительных стоимостей (то есть продуктов определенной степени полезности); больше, когда производительная сила растет, меньше когда она падает."

Выражая эту мысль в соответствии с данными нами ранее определениями труда и стоимости, можно сказать: "В равные промежутки времени один и тот же труд может создавать различное количество продукта в зависимости от технического и технологического уровня производства, но суммарная величина стоимости созданного продукта будет оставаться постоянной, если весь созданный продукт "впитал в себя" одно и то же количество труда".

Процесс обмена

Для товаровладельца его товар "... не имеет для него самого непосредственно потребительской стоимости (*под потребительской стоимостью Маркс понимает те или иные свойства вещи, которые человек может использовать для своего личного потребления – термин не совсем удачный, так как указывает на несуществующую связь между свойствами данной вещи и понятием стоимости*). Иначе он не вынес бы его на рынок, а потребил бы сам. Он, товар, имеет полезность для других людей. Для владельца же товара вся непосредственная его полезность заключается лишь том, что он есть носитель меновой стоимости (*еще один бесполезный для дальнейшего термин – сам Маркс далее пишет, что меновая стоимость и стоимость суть одно и то же*). Поэтому владелец

товара стремится сбыть свой товар в обмен на другие, в потребительской стоимости, в полезных качествах которых он нуждается".

"Первая предпосылка, необходимая для того, чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится тому, что данный предмет потребления не может быть частично или полностью потреблен его владельцем, хотя и представляет определенную ценность для других, которые в нем нуждаются; вещи сами по себе внешни для человека и поэтому отчуждаемы, т.е. способны переходить от одного человека к другому. Для того, чтобы это отчуждение стало взаимным, люди должны молчаливо относиться друг к другу как частные собственники отчуждаемых вещей, а потому и независимые друг от друга личности. Однако, такое отношение взаимной отчужденности не существует между членами естественно выросшей общины, будь то патриархальная семья, древнеиндийская община или государство инков. Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с другими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних сношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины. Их количественное меновое отношение первоначально совершенно случайно. Они вступают в обмен лишь благодаря тому, что их владельцы желают взаимно сбыть их друг другу.

Между тем потребность в чужих предметах мало-помалу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда членов общины начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется от меновой стоимости. С другой стороны, то количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства (способа и условий производства). Привычка фиксирует их как стоимостные величины, как *стоимость ...*"

"Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные изделия на различные другие изделия и приравнивают их друг другу, никогда не совершается без того, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев не обменивались на деньги... Форма, которую принимают деньги как средство обмена, сростается или с наиболее важными из предметов, которые получают путем обмена извне (в древнейшие времена), или же с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества, например, скот..."

"По мере того, как обмен товаров разрывает свои узколокальные границы и поэтому товарная стоимость вырастает в материализацию человеческого труда вообще, форма денег переходит к тем товарам, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно – к благородным металлам..."

"Адекватной формой проявления стоимости, или материализацией абстрактного и, следовательно, одинакового человеческого труда, может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством. С другой стороны, так как различие

величин стоимости носит чисто количественный характер, то денежный товар должен быть способен к чисто количественным различиям, то есть должен обладать делимостью на произвольно мелкие части... Золото и серебро обладают этими качествами от природы."

"Но если мы знаем, что золото – деньги, т.е. что оно может непосредственно обмениваться на все другие товары, то мы еще отнюдь не знаем, сколько стоят, например, 10 фунтов золота. Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах. Его собственная стоимость определяется общественно-необходимым временем, требующимся для его производства, и выражается в том количестве всякого иного товара, в котором заключено столько же рабочего времени. Такое установление относительной стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в виде денег, его стоимость уже дана, ибо производителю золота известно совершенно точно, сколько он затратил других продуктов на производство одного килограмма золота.

"Выражение стоимости товара в золоте, во всеобщем эквиваленте, есть денежная форма *стоимости* товара. Если мерой стоимости служат одновременно два товара, например, золото и серебро, то и цены всех товаров получают два различных выражения. И те и другие спокойно уживаются рядом, пока остается неизменным соотношение между стоимостями золота и серебра, например 1:15. Но всякое изменение этого соотношения нарушает существующее отношение между золотыми и серебряными ценами товаров."

"При неизменной стоимости денег общее повышение товарных цен может произойти лишь при условии, что повышаются стоимости товаров; при неизменной стоимости товаров – если понижается стоимость денег."

"По ряду причин денежные названия определенных по весу количеств металла мало-помалу отделяются от своих первоначальных весовых названий. Фунт стерлингов был, например, денежным названием для действительного фунта серебра. Но когда золото вытеснило серебро в качестве меры стоимости, это же самое название стало применяться к количеству золота, составлявшему около 1/15 фунта по весу и т.д. в зависимости от соотношения между стоимостями золота и серебра. Кроме того, в течение целого ряда веков государи занимались непрерывной фальсификацией денег, вследствие чего от первоначального веса монет остались одни названия."

"Благодаря этим историческим процессам отделение денежных названий весовых количеств металла от их обычных весовых названий становится народным обыкновением. Так как денежный масштаб, с одной стороны, совершенно условен, а, с другой стороны, должен пользоваться всеобщим признанием, то он, в конце концов, регулируется законом. Определенное количество благородного металла, например унция золота, официально разделяется на определенные части с определенными именами - фунт, талер и т.д..." (в том числе и рубль. На бумажном царском рубле было указано, какому количеству золота он соответствует.)

"Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда", т.е. показатель его менового отношения к деньгам. Но это не значит, что цена однозначно соответствует стоимости товара, ибо в ряде случаев обстоятельства обмена или продажи товара позволяют назначить цену выше стоимости товара, или заставляют снижать цену ниже его стоимости."

Все эти обстоятельства подробно рассматриваются в "Капитале": здесь нас интересует только идеализированный случай, когда при неизменных условиях производства или неизменной производительности труда на воспроизводство, скажем, одной тонны пшеницы должно быть затрачено одинаковое количество рабочего времени, одинаковое количество труда.

Обратим внимание также на одно обстоятельство, на которое указывает Маркс как на диалектическое противоречие, а именно, что "форма цены не только допускает возможность количественного несовпадения стоимости с ценой, но она может скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости, несмотря на то, что деньги представляют собой лишь форму стоимости товаров. Вещи, которые сами по себе не являются товарами, например совесть, честь и т.п., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене, приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости".

Здесь Маркс допускает некоторую неточность, ибо совесть и честь являются не вещами, в которые может быть вложен труд человеческий, а понятиями, обозначающими возможность получать какие-либо услуги за деньги со стороны лиц, эту самую честь продающих. Так что никакого диалектического противоречия здесь нет, ибо услуги также имеют стоимость, ибо осуществляются усилиями людей, их действиями. Но это, конечно, некоторая особая форма стоимости.

"Чтобы функционировать в качестве денег, золото должно, конечно, вступить в каком-то пункте на товарный рынок в качестве товара. Этот пункт находится в местах его добычи, там, где оно как непосредственный продукт труда обменивается на другой продукт труда той же стоимости. Это могут быть машины, материалы, продукты питания; все, что необходимо для его добычи. Но, начиная с этого момента, оно непрерывно выражает в себе реализованные цены товаров.

"Идеальными деньгами или мерой стоимости золото стало потому, что все товары измеряли в нем свои стоимости и сделали его образом их стоимости. Как образ стоимости, товар стирает с себя всякий след создавшего его труда, особенного, полезного труда, и превращается в однородную общественную материализацию лишенного различий человеческого труда".

"В своей денежной форме один товар выглядит совершенно так же, как и всякий другой". Как уже было замечено 2000 лет назад, "деньги не пахнут", даже если они добываются путем продажи навоза.

Итак, как мы видели, деньги могут выполнять и выполняют функцию средства обращения, средства, с помощью которого продавец товара может обменять его на другой товар или на несколько товаров равной своему товару стоимости. Рассмотрим процесс обращения товаров (т.е. процесс обмена одного товара на другой) немного подробнее с тем, чтобы нам стало ясно, почему в качестве денег может выступать не только такой товар как золото, действительно имеющий стоимость, как и все другие товары, но также и бумажные деньги, сами по себе не имеющие почти никакой стоимости (ибо их можно напечатать почти в неограниченном количестве без особых затрат труда) и, тем не менее, способные выполнять функции средства обращения.

Процесс обмена товара совершается в виде следующей смены форм:

ТОВАР - ДЕНЬГИ - ТОВАР

или

Т - Д - Т

Рассмотрим эти стадии отдельно.

"Т - Д. Первый метаморфоз товара, или *продажа*. Если он не удастся, то его владелец оказывается обманутым в своих надеждах, ибо *общественное разделение труда* делает труд последнего столь же односторонним, сколь разносторонни его потребности. Именно поэтому его продукт служит для него лишь меновой стоимостью (то-есть стоимостью, предназначенной для обмена, а не для потребления). Он должен его продать, чтобы на полученные за него деньги приобрести у других товаровладельцев необходимые ему средства к существованию – питание, одежду и пр. Эти деньги находятся в чужом кармане. Для того, чтобы извлечь их оттуда, товар нашего продавца должен быть прежде всего нужным, полезным для владельца денег, то есть затраченный на его производство труд должен быть затрачен в общественно-полезной форме, должен быть действительным звеном общественного разделения труда.

"Но разделение труда есть естественно выросший производственный организм, нити которого сотканы и ткуются далее за спиной товаропроизводителей. Товар может быть и продуктом нового вида труда, который претендует на удовлетворение вновь возникшей потребности, или на свой страх и риск желает еще только вызвать какую-либо потребность. Известная трудовая операция, бывшая еще вчера одной из многих функций одного и того же товаропроизводителя, сегодня, быть может, порывает эту связь, обособляется как нечто самостоятельное, и именно поэтому посылает на рынок свой частичный продукт как самостоятельный товар".

"Общественные условия могут быть достаточно или недостаточно зрелыми для этого процесса обособления. Сегодня данный продукт удовлетворяет данной общественной потребности. Завтра он, быть может, будет вполне или отчасти вытеснен со своего места другим подобным ему продуктом. И если даже труд данного производителя товаров, например ткача, есть необходимое звено цепи общественного разделения труда, то это

отнюдь не гарантирует, что как раз его 20 метров холста будут кому-то нужны после того, как ткач вынесет их на рынок. Если общественная потребность в холсте, которая имеет границы, уже удовлетворена конкурентами данного ткача, продукт его окажется избыточным, излишним, а, следовательно, и бесполезным."

"Допустим, однако, что продукт его фактически кому-то нужен, и, следовательно, деньги "притягиваются" данным товаром. Спрашивается, сколько именно денег?"

Я позволю себе здесь вместо следующего далее по тексту "Капитала" изложения способа функционирования рынка дать другое, ничем по сути от него не отличающееся, но более близкое по форме современному читателю.

Итак, по какой цене будет продан холст нашего ткача?

Пусть он затратил на производство своего продукта столько труда (и, соответственно, столько рабочего времени), что его количество в точности равно общественно-необходимому труду, то есть тому количеству труда и времени, которое затрачивали еще вчера все остальные производители холста. Так как производителей *много*, то может оказаться, что некоторые из них применили какие-то новшества в производственном процессе, что позволило им увеличить количество выпускаемой продукции, и на рынке сегодня окажется больше холста, чем было вчера.

Если потребность в холсте со стороны покупателей не изменилась, то борьба между продавцами за продажу своего товара (которая ведется путем снижения цен) приведет к тому, что цена на один метр холста упадет на некоторую величину. И может оказаться, что наш ткач, который произвел свой товар по "вчерашней" технологии, получит за свои 20 метров холста меньше денег, чем получил бы вчера. В результате он должен будет либо внедрить на своем производстве новую технологию, либо довольствоваться меньшим доходом, либо вообще покинуть рынок и заняться чем-нибудь другим кроме ткачества.

Именно таким путем производители товаров и чувствуют на себе действие ЗАКОНА СТОИМОСТИ, именно таким путем и устанавливается то или иное значение величины общественно-необходимого труда.

Описанный выше процесс является типичным для общества товаропроизводителей потому, что цена товара, которая устанавливается на рынке, обычно несколько выше стоимости товаров, производимых по новейшей технологии. Происходит это потому, что потребности рынка могут быть удовлетворены только суммой новых товаров и части старых, которые удастся продать; поэтому и цена на товары примерно становится равной среднему арифметическому стоимости всех новых товаров и части старых. В результате доход, который получает продавец новых товаров (ему удастся продать все свои товары, так как они дешевле) получает доход бóльший, чем тот, который он получил бы, производя товары по старой технологии. Именно это, в основном, и побуждает производителей внедрять у себя на производстве все более и более совершенную технологию, а также и то обстоятельство, что если они этого делать не будут, то это будут делать другие, не зависящие от них производители.

Бывают случаи, когда при неизменной технологии производства данного товара возрастают потребности рынка в нем (скажем, из-за увеличения производства продукции в других отраслях производства, для которых данный товар является сырьем). Обычно это приводит к повышению рыночных цен на эти товары, что имеет следствием привлечение на этот рынок других производителей – продавцов товаров, вытесненных, например, из других сфер производства, или ищущих приложения свободному капиталу. Если эти новые производители начнут работать по принятой и неизменной технологии, то предложение данного товара на рынке увеличится, спрос в конечном итоге уравнивается с предложением и цены должны будут вернуться к своему прежнему уровню. Всякое сокращение спроса на товары на рынке сбыта приводит к обострению конкуренции между продавцами и вызывает ускоренное внедрение (тенденцию к внедрению) новой технологии, что в результате приводит снова к первому случаю.

В реальной жизни ситуация на рынке (конъюнктура) непрерывно меняется, и спрос бывает равен предложению только в очень редких случаях и очень ограниченное время. Как уже указывалось, наиболее типичный случай состояния рынка товаропроизводителей - это превышение предложения товаров над спросом на них.

"Д - Т. Второй или заключительный метаморфоз товара - *купля*... Так как производитель товара доставляет на рынок лишь продукт одного вида, он продает его обыкновенно значительными массами; между тем разносторонние потребности его заставляют постоянно раздроблять реализованную вырученную денежную сумму между многочисленными покупками (простейший случай). Одна продажа приводит таким образом ко многим актам купли различных товаров".

"Деньги не исчезают оттого, что они в конце концов выпадают из ряда метаморфозов данного товара. Они снова и снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые освобождаются другим товаром". "Каждый товар при первом своем шаге в процессе обращения, при первой же смене своей формы, выпадает из сферы обращения, в которую на его место вступает новый товар. Наоборот, деньги, как средство обращения, постоянно пребывают в сфере обращения".

Вопрос о том, сколько денег может поглощать эта сфера, хотя и является интересным, но он не столь важен для дальнейшего анализа, и мы на нем не будем останавливаться. Укажем только, что "общее количество денег, функционирующих в течение каждого данного отрезка времени в качестве средств обращения определяется, с одной стороны, суммой цен всех товаров, а с другой стороны – большей или меньшей быстротой процессов товарного обращения, от чего зависит, какая часть общей суммы цен может быть реализована при помощи одной денежной единицы. Но сама эта сумма цен товаров зависит как от массы, так и от цены каждого отдельного вида товаров. Эти три фактора - движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег – могут изменяться в различных направлениях и пропорциях... "

Монета. Знак стоимости

"Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма. Весовая часть золота, мысленно представленная в цене, должна противостоять товарам в процессе обращения как одноименный кусок золота или монета. Как и установление масштаба цен, чеканка золотых монет попадает в руки государства". "На мировом рынке, т.е. при международной торговле, золото фигурирует не в виде монет, а в виде слитков и постоянно может быть превращено из одной формы в другую".

"В обращении золотые монеты стираются, одна больше, другая меньше. Название золотой монеты и реальное содержание в ней золота начинают понемногу расходиться. Одноименные золотые монеты будут иметь различную стоимость, так как они имеют теперь различный вес. Естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотое бытие монеты в видимость золота, т.е. сделать из монеты лишь символ ее официального металлического содержания, признана даже самым современным законодательством: последнее определяет ту степень потери металла, которая делает золотую монету негодной к обращению, т.е. демонетизирует ее."

"Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от ее денежного содержания, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами. Роль серебряных и медных знаков в качестве заместителей золотой монеты объясняется исторически с одной стороны трудностями чеканить совершенно ничтожные количества золота или серебра, и, с другой стороны, тем, что низшие металлы раньше высших служили мерой стоимости и, следовательно, уже обращались в качестве денег. Они замещают золото там, где монета циркулирует наиболее быстро, а следовательно, наиболее быстро снашивается. Чтобы помешать этим спутникам золота утвердиться на месте самого золота, законом устанавливаются очень низкие размеры платежей, в границах которых их прием взамен золота является обязательным". "Металлическое содержание серебряных и медных знаков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются еще быстрее, чем золотая монета. (*Поэтому в последнее время серебро заменено никелем). Их монетная функция становится поэтому совершенно независимой от их веса, т.е. от всякой *стоимости*. Монетное бытие золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому вещи, не имеющие никакой стоимости – бумажки – получают возможность функционировать вместо золота в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью."

"Бумажки, на которых напечатаны их денежные названия, бросаются в процесс обращения извне государством. Поскольку (и до тех пор, пока) они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения."

"Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из их отношения к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их

количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото. Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже известного среднего уровня. Однако масса средств обращения данной страны никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть установлен эмпирически... Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их полного насыщения (а сегодня вовсе не обязательно такой день, когда денежное обращение минимально), то завтра, вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении, они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Результат получится тот же самый, как если бы золото претерпело изменение в своей функции меры цен."

"Итак, денежные знаки или бумажные деньги как мимолетное отражение товарных цен служат лишь знаками самих себя. Необходимо лишь, чтобы знак денег получил свою собственную, объективную общественную значимость, и бумажный символ получает ее при помощи принудительного курса. Это государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного государства или в сфере внутреннего обращения, и только здесь деньги вполне растворяются в своей функции средства обращения или монеты и, следовательно, в виде бумажных денег могут существовать внешне изолированно от своей металлической субстанции и чисто функционально."

Превращение денег в капитал

Обращение денег или товарообмен не создают никакой дополнительной или "прибавочной" стоимости у обмениваемых товаров. Деньги, функционировавшие в процессе обмена как средство обращения, служат лишь для приравнивания друг другу стоимостей обмениваемых товаров, и в результате этого обмена стоимость товаров не изменяется. Однако в одном, особом случае, становится возможным покупать товар специально для того, чтобы продать его дороже. В этом особом случае сумма денег, затраченная при покупке, возрастает после продажи.

Стоимость, способная к самовозрастанию в результате тех или иных операций, называется капиталом.

"Деньги как деньги и деньги как капитал отличаются друг от друга сначала лишь неодинаковой формой обращения. Непосредственная форма товарного обращения есть $T - D - T'$. Но, наряду с этой формой мы находим другую, специфически отличную от нее форму $D - T - D$, куплю ради продажи. Деньги, описывающие в своем движении этот цикл, превращаются в капитал, становятся капиталом, и уже по своему назначению представляют собой капитал при условии, что получаемые в конце этого цикла деньги больше по своей величине, чем сумма денег, с которой этот цикл начался, т.е. более правильно этот процесс выразить так: $D - T - D'$. В результате этого процесса из обращения извлекается больше денег, чем было брошено в него. Это приращение или избыток над первоначальной стоимостью я называю прибавочной стоимостью. И как раз это превращает стоимость в капитал."

"Заканчивая цикл обращения, новая стоимость уже находится в форме денег, снова пригодной для того, чтобы начать новый цикл возрастания стоимости. Конец каждого отдельного кругооборота, в котором купля совершается ради продажи, уже сам по себе образует начало нового кругооборота. Простое товарное обращение – продажа ради купли – служит средством для достижения конечной цели, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как возрастание стоимости осуществляется в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ.

"Образование прибавочной стоимости, а потому и превращение денег в капитал, не может быть объяснено ни тем, что продавцы продают свои товары выше их стоимости, ни тем, что покупатели покупают ниже стоимости. Если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости. Если обмениваются неэквиваленты, то тоже не возникает никакой прибавочной стоимости. (*Все это подробно показано в главе IV "Капитала".) Наш владелец капитала должен купить товары по их стоимости, продать товары по их стоимости, и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него". Каким же образом это происходит?

Купля и продажа рабочей силы

"Изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах, ибо как покупательное средство они лишь реализуют цену товаров, покупаемых на них. Столь же мало это изменение может возникнуть из второго акта обращения, из перепродажи товара, так как этот акт лишь превращает товар из его натуральной формы опять в денежную. Следовательно, изменение должно произойти с самим товаром, покупаемым в первом акте (Д-Т), а не с его стоимостью, так как обмениваются-то эквиваленты, причем товары оплачиваются по их стоимости(!). Таким образом, это изменение может возникнуть только из потребления товара. Но извлечь стоимость из потребления товара удастся лишь в том случае, если повезет открыть на рынке такой товар, сама потребительная стоимость (т.е. полезные свойства его) которого обладала бы оригинальным свойством – быть *источником стоимости*, т. е. такой товар, действительное потребление которого было овеществлением труда, а следовательно, созданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар – это способность к труду или РАБОЧАЯ СИЛА."

"Под рабочей силой или способностью к труду мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо полезные предметы."

Прежде, чем рассматривать условия, при которых такой товар, как рабочая сила можно найти на рынке, необходимо выяснить, при каких условиях этот товар вообще нужен кому-нибудь, при каких условиях этот товар вообще имеет смысл покупать.

"Этот своеобразный товар, рабочая сила, подобно всем другим товарам, обладает стоимостью. Чем определяется последняя?"

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется **рабочим** временем, необходимым для воспроизводства этого предмета торговли. Поскольку рабочая сила имеет стоимость, в ней самой представлено лишь определенное количество овеществленного общественного труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума.

Производство рабочей силы предполагает, следовательно, поддержание существования последнего. Оно состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для этого индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих жизненных средств, или стоимости средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца."

Я прошу уважаемого читателя обратить внимание на это место. Именно здесь ошибся Классик, а может быть и сознательно передернул карты. Дальше уже можно накручивать семь верст до небес, и все - лесом, и никто ничего не заподозрит. Мы обязательно вернемся к этому месту. А пока проследим ход рассуждений Классика до конца.

"Но рабочая сила осуществляется только путем ее внешнего приложения, только в труде. В процессе ее осуществления затрачивается определенное количество мускульной и умственной энергии, которое должно быть снова возмещено. Собственник рабочей силы, трудящийся сегодня, должен быть в состоянии завтра повторить тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточной для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сумма жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы, включает в себя жизненные средства и для детей рабочих, и таким образом увековечивается на товарном рынке раса этих своеобразных товаровладельцев."

Мимо этого места тоже нельзя пройти. Из него следует, что Классик ПОНИМАЛ, что рабочую силу надо воспроизводить не только сегодня и завтра, а и в масштабе общества постоянно. Но концы с концами не связал. И выводов нужных не сделал.

"Для того, чтобы преобразовать человеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, требуется определенное образование, которое, в свою очередь, стоит бóльшей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения (совершенно ничтожные для обычной низкоквалифицированной рабочей силы и весьма большие для высококвалифицированной) входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство."

Значит - понимал!

"Итак, стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы жизненных средств. Она изменяется поэтому с изменением величины стоимости этих жизненных средств".

"Количество труда, создающее стоимость, необходимую для дневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость."

"Особенностью товара *рабочая сила*, делающей его полезным для покупателя (владельца капитала), является возможность заставить эту рабочую силу функционировать в процессе производства каких-либо товаров в течение времени, большего, чем это необходимо для производства товаров на сумму, равную стоимости этой рабочей силы. Если бы это было не так, если бы в течение рабочего дня рабочий мог бы произвести товаров только на сумму, равную стоимости его рабочей силы, то никакого смысла покупать такую рабочую силу не было бы. Такое положение имело место на ранних этапах развития человечества при недостаточно высоком уровне производительности труда; и этот некоторый определенный уровень производительности труда является одним из условий возможности ее использования вообще."

"Для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, должны быть выполнены различные условия. Рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносится на рынок и продается ее собственным владельцем. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, он должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности. Он и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся между собой только тем, что один – покупатель, а другой – продавец, следовательно оба – юридически равные лица. Для сохранения этого отношения требуется, чтобы собственник рабочей силы продавал ее всегда лишь на определенное время, потому что если бы он ее продал целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем и самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, а из товаровладельца – в товар(!). Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к собственности, как к своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет право покупателю пользоваться своей рабочей силой лишь ВРЕМЕННО, на определенный срок, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственника на нее."

(Интересно отметить, что хотя это место у Маркса звучит как условие, на котором рабочий позволяет капиталисту пользоваться своей рабочей силой, но на деле и капиталист не имеет никакого желания покупать у рабочего рабочую силу всю и навсегда; именно капиталист диктует рабочему это условие. Капиталист не хуже Маркса знает, что рабский труд - самый непроизводительный, что находясь на положении раба и зная, что как бы плохо ты ни работал, тебе не дадут завтра умереть с голоду, потому что за тебя заплатили уже кругленькую сумму; зная все это, раб всегда работает НА МИНИМУМЕ своих возможностей. Сам рабочий-то как раз может быть и согласился бы продаться навечно, зачем ему этот постоянный риск потерять работу? (Кстати сказать, сегодня в развитых государствах существует практика,

когда с относительно ценным работником заключают договор пожизненно. Очевидно, что в определенном отношении это бывает выгодно капиталисту, раз это делается). Ставя же рабочего в зависимость от получения недельной заработной платы, капиталист заставляет его работать не с минимальным, а с максимальным усердием без всяких надсмотрщиков с кнутом, а просто подсчитывая в конце недели количество произведенного рабочим продукта.)

"Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, состоит в том, чтобы владелец рабочей силы был лишен возможности продавать самостоятельно товары, в которых овеществлен его труд и, напротив, должен быть *вынужден* продавать как товар самое рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме."

"Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: что рабочий – свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, свободен от всех предметов, необходимых ему для осуществления его рабочей силы; он должен быть свободен, *отделен от средств производства*".

"Мы познакомились теперь с тем, как определяется стоимость, уплачиваемая владельцем денег владельцу товара, который называется *"рабочая сила"* и который владелец денег находит на рынке труда. Полезные свойства рабочей силы, которую владелец денег получает при обмене, обнаружатся лишь в процессе потребления рабочей силы, использования ее по назначению. Все необходимые для этого процесса вещи, такие как сырой материал, станки и пр., владелец денег покупает на товарном рынке и оплачивает полной ценой".

(В этом месте Классик пытается протащить в ваше сознание, что рабочая сила оплачивается как-то иначе, чем другие товары, а как именно - он потом вам расскажет).

"Процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товаров и прибавочной стоимости. Этот процесс совершается за пределами рынка или сферы обращения. Он совершается в сфере производства. Дальнейшее рассмотрение этого процесса покажет нам не только, как капитал производит, но и как его самого производят. Тайна добывания прибыли должна, наконец, раскрыться перед нами."

Что ж, будем надеяться...

Производство абсолютной прибавочной стоимости

"Потребление рабочей силы - это сам труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Простые моменты труда следующие: целесообразная деятельность или сам труд, предмет труда и средства труда. Земля и вода, первоначально обеспечивавшие человека пищей, готовыми жизненными средствами, существуют без всякого содействия с его стороны, как всеобщий предмет человеческого труда."

(*Вообще говоря, это неточно, ибо, как показывает опыт последнего времени, необходимо некоторое содействие со стороны человека, чтобы эту землю, воду и воздух не уничтожил, не отравил сам человеческий труд. Но во времена Маркса этот вопрос не стоял так остро, как в настоящее время, или вообще не стоял).

"Если сам предмет труда уже был подвергнут какой-либо обработке предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом."

"Средство труда есть вещь или комплекс вещей, предметов, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет".

"Экономические эпохи различаются не тем, ЧТО именно производится, а тем, КАК производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд".

"Если рассматривать процесс труда с точки зрения его результата - продукта, то и средство труда и предмет труда выступают как средства производства, а самый труд - как производительный труд. Один и тот же продукт в одном и том же процессе труда может служить и средством труда и сырым материалом, как например, скот при его откармливании является подвергающимся обработке сырым материалом, и в то же время средством для приготовления удобрения. Выступает ли известная вещь в качестве сырого материала, средства труда или продукта, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того, какое место она занимает в нем, и с переменой места меняются и ее определения."

"Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Живой труд должен охватить эти вещи. Призванные в процессе труда к функционированию, соответствующему их назначению, они, хотя и потребляются, но потребляются, изнашиваются целесообразно, как элементы для создания новых продуктов, которые способны войти как жизненные средства в сферу индивидуального потребления или как средства производства - в новый процесс труда. Их контакт с живым трудом - единственное средство для того, чтобы сохранить и использовать эти продукты прошлого труда, чтобы сохранить их стоимость, перенести ее на продукт, изготовленный с их помощью."

"После того, как капиталист купил на товарном рынке все факторы, необходимые для процесса труда – средства производства и рабочую силу – он приступает к потреблению купленного им товара, рабочей силы, заставляя носителя рабочей силы (рабочего) потреблять посредством своего труда средства производства. Общий характер процесса труда не изменяется, конечно, от того, что рабочий совершает его для капиталиста, а не для самого себя. Да и тот определенный способ, каким изготавливаются сапоги или прячется пряжа, тоже не может измениться сразу вследствие вмешательства капиталиста. Последний должен на первых порах взять рабочую силу такой, какой он ее находит на рынке. Изменение самого способа производства как результат подчинения труда капиталу может совершиться лишь позже."

"Процесс труда как процесс потребления рабочей силы капиталистом обнаруживает две своеобразных (характерных, основных!) особенности.

Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд. Капиталист наблюдает за тем, чтобы работа совершалась в надлежащем порядке, чтобы средства производства потреблялись целесообразно, чтобы они разрушались лишь настолько, насколько этого требует их употребление в работе в соответствии с технологическим процессом.

Во-вторых: продукт есть собственность капиталиста, а не непосредственного производителя, рабочего. *Капиталист оплачивает дневную стоимость рабочей силы (так что в конце концов мы понимаем, что Классик так и считает. Запомним это!)*, следовательно, потребление ее, как и всякого другого товара, например, лошади, которую он нанимает на один день, в продолжение дня принадлежит ему. С его точки зрения, процесс труда есть лишь потребление купленного им товара, рабочей силы, но он может потреблять ее только при том условии, если присоединит к ней средства производства. (Тот, кто может это сделать, тоже становится капиталистом, а кто не может - остается наемным рабочим). Поэтому продукт этого процесса принадлежит ему в той же мере, как продукт брожения винограда (который он купил на рынке как товар) в его винном погребе (который он тоже построил)".

Процесс увеличения стоимости

"Вещи при товарном производстве производятся лишь потому и постольку, поскольку они являются *носителями стоимости*, меновой стоимости, поскольку они способны к обмену. Капиталист, во-первых, хочет произвести полезную вещь, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше стоимости всех товаров, необходимых для его производства, то есть больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои наличные деньги."

"Стоимость каждого товара определяется количеством труда, общественно необходимого для его производства. Поэтому для того, чтобы вычислить стоимость "произведенного" капиталистом продукта, нужно найти количество труда, овеществленного в этом продукте. Пусть это будет, например, пряжа. Для производства пряжи необходим прежде всего сырой

материал, например 10 фунтов хлопка. Капиталист купил его на рынке по его стоимости, например, за 10 шиллингов. В цене хлопка труд, необходимый для его производства, уже получил выражение как средний общественный труд (раз нашелся покупатель, который счел возможным купить его за 10 шиллингов).

Предположим далее, что всех применяющихся средств труда потреблено такое количество, которое имеет стоимость 2 шиллинга. Эти стоимости средств производства, выраженные в виде 12 шиллингов, образуют составные части стоимости пряжи или стоимости продукта. Но при этом должны быть выполнены два условия. Во-первых, хлопок, веретена и тому подобные средства труда должны послужить для производства на самом деле, а не быть сломанными или потерянными. Во-вторых, предполагается (и это, пожалуй, во-первых), что затрачено лишь рабочее время, необходимое при данных общественных условиях производства. Если бы капиталисту пришло в голову применять золотые веретена вместо железных, то в стоимость пряжи (выраженной в виде денег, вырученных за нее впоследствии на рынке) входил бы тем не менее лишь общественно необходимый труд, т.е. рабочее время, необходимое для производства железных, а не золотых веретен, ибо все остальные капиталисты применяют в производстве веретена из железа."

"Теперь мы знаем, какую часть стоимости пряжи образуют средства производства – хлопок и веретена. Она равняется 12 шиллингам. Теперь речь идет о той части стоимости, которую труд самого прядильщика присоединяет к хлопку и другим средствам труда. Речь идет не о свойствах и содержании труда, а только о его количестве. Мы предполагаем, что труд прядения есть простой труд, средний общественный труд. По окончании одного часа движения прядильщика выражаются в известном количестве пряжи, один рабочий час оказывается овеществленным в пряже."

"И вот решающее значение имеет то, чтобы в ходе процесса прядения потреблять только общественно-необходимое время. Потому что только оно и идет в счет при образовании стоимости."

"Пусть стоимость в 1 шиллинг производится при данном уровне общественного производства за 2 часа. (*Отметим здесь еще раз, чтобы больше к этому не возвращаться, что это выражение означает, что за 2 часа в среднем производится некоторое количество золота, условно названное "1 шиллинг", или некоторое количество любого другого полезного товара, на которое можно этот 1 шиллинг обменять)."

"Пусть далее, при продаже рабочей силы предполагалось (на рынке, между покупателем и продавцом, при данном соотношении спроса и предложения), что ее дневная стоимость равна 3 шиллинга, что в последних воплощено 6 рабочих часов и что, следовательно, это количество труда требуется для того, чтобы произвести среднюю сумму жизненных средств для рабочего на 1 день."

"Посмотрим теперь на общую стоимость продукта – этих 10 фунтов пряжи. Средства производства образуют 12 шиллингов. К хлопку самим прядением присоединена стоимость в 3 шиллинга. Если продавать пряжу по цене, соответствующей ее стоимости, то получается, что стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала, т.е.

средств производства и рабочей силы, а ведь из такого простого сложения существующих стоимостей никогда не может возникнуть прибавочная стоимость. "

"Однако, когда мы говорили о покупке рабочей силы за 3 шиллинга, мы намеренно не упомянули о том, что при этом и покупателем (капиталистом) и продавцом (рабочим) молчаливо предполагалось, что рабочий день равен 12 часам (все цифры носят чисто иллюстративный, примерный характер). Этот день принят на всех предприятиях как рабочий день нормальной продолжительности. Таким образом оказывается, что дневная стоимость рабочей силы составляла 3 шиллинга потому, что в ней самой овеществлена половина рабочего дня, т.е. потому, что жизненные средства, ежедневно необходимые для производства рабочей силы стоят 6 часов рабочего времени. т.е. могут быть произведены всего за 6, а не за 12 часов."

"Но прошлый труд, который заключается в рабочей силе, ее стоимость, и тот живой труд, который она может совершить - это совершенно различные величины. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно (при данной производительности труда в обществе) всего 6 часов труда нисколько не препятствует тому, чтобы он работал 12 часов в день."

"Следовательно, стоимость рабочей силы и стоимость, которую она создает в процессе потребления ее капиталистом, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимостей. Решающее значение имело свойство рабочей силы быть источником стоимости большей, чем ее собственная стоимость. Капиталист действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем, как рабочая сила может действовать целый день, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу. Поэтому рабочий находит в мастерской необходимые средства производства не только для 6-часового, но и для 12-часового рабочего дня".

"Если 10 фунтов хлопка впитывали 6 рабочих часов и превращались в 10 фунтов пряжи, то 20 фунтов хлопка впитают 12 рабочих часов и превратятся в 20 фунтов пряжи. При этом будет израсходовано орудий производства (веретен и пр.) также вдвое больше, т. е. на 4 шиллинга. Так как 20 фунтов хлопка стоят 21 шиллингов, то общая стоимость средств производства составит 24 шиллинга."

Далее по основному тексту "Капитала" идут примерно следующие рассуждения, но другими словами, а именно: по какой цене продавать эту пряжу? Очевидно, по стоимости, в соответствии с законами товарного производства. Стоимость же пряжи равна стоимости средств производства (24 шилл.) и присоединенной к ним стоимости, созданной живым трудом в течение 12 часов. Поскольку, по нашему условию, 2 часа труда создают стоимость в 1 шиллинг, то 12 часов создадут стоимость 6 шиллингов. Итого, стоимость пряжи составит 30 шиллингов (24 + 6 = 30). Стоимость же средств производства и рабочей силы, которую уплатил капиталист перед началом производства, составляет

только 27 шиллингов. Таким образом 27 шиллингов принесли прибавочную стоимость в 3 шиллинга.

Деньги превратились в капитал.

"Все условия соблюдены и законы товарного обращения нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал каждый товар по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их, но потребил производителю. Процесс потребления, использования рабочей силы по ее назначению, который является в то же время процессом производства, дал продукт 20 ф. пряжи, который стоит на рынке 30 шиллингов. Теперь капиталист идет на рынок и продает фунт пряжи по цене 1,5 шилл., ни на пенс не дороже и не дешевле его стоимости, и тем не менее извлекает из обращения на 3 шилл. больше, чем бросил в него."

"Труд, заключается ли он в средствах производства, или же присоединяется рабочей силой, учитывается лишь по количеству времени. Однако он идет в счет лишь постольку, поскольку время, затраченное на производство товара, общественно необходимо."

Естественно, и на это уже указывалось, что само это понятие общественно-необходимого рабочего времени может существовать только при большом количестве независимых друг от друга производителей данного товара. Проявляется же влияние этой общественной необходимости через рынок, на котором каждый отдельный товаропроизводитель пытается реализовать цену своих товаров в виде денежной выручки от их продажи. Именно конкуренция независимых товаропроизводителей в конечном счете и дает возможность показать каждому из них, насколько эффективно (по отношению к среднему общественному уровню) он использовал купленные им для производства товара средства производства и рабочую силу. Именно потому, что цена товара реализуется на рынке только после его производства, капиталист должен, вынужден уже в процессе производства думать и заботиться о том, чтобы средства производства и труд рабочего использовались по крайней мере на среднем общественном уровне; лучше, если выше этого уровня, но уж никак не ниже. А именно:

"Рабочая сила должна функционировать при нормальных условиях. Если прядильная машина является общественно господствующим (повсеместно применяемым) средством труда при прядении, то рабочему нельзя вручать старинную прялку. Он должен получить хлопок нормального качества, а не отбросы, которые рвутся каждую минуту. Иначе ему на производство одного фунта пряжи пришлось бы затратить больше рабочего времени, чем общественно необходимое, но это излишнее время не создало бы ни стоимости, ни денег. Однако, нормальный характер материальных факторов труда зависит не от рабочего, а от капиталиста.

"Другим условием является нормальный характер самой рабочей силы. В той специальности, в которой она применяется, она должна обладать средней установившейся степенью искусства, подготовки и быстроты. Но наш капиталист купил на рынке труд, рабочую силу нормального качества. Эта сила должна затрачиваться с обычной средней

степенью интенсивности, по крайней мере не ниже ее. Капиталист наблюдает за этим, как и за тем чтобы ни одна минута не расточалась даром, без труда. Он купил рабочую силу на определенный срок. Он хочет получить то, что принадлежит ему. Он не хочет, чтобы его обкрадывали – поэтому не должно иметь места нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что неразумно израсходованные средства труда представляют излишне затраченные количества овеществленного общественного труда, следовательно, не принимают участия в образовании стоимости продукта."

Заключение

Из изложенного в первых трех отделах "Капитала" следует что:

1. Капиталистическая система производства есть система, выросшая естественным путем в рамках товарного производства. Будучи основана на законе стоимости, она сама по себе не является системой, несправедливой по отношению к продавцу рабочей силы (по отношению к рабочему) при условии, что, во-первых, рабочий день ограничен величиной, не подрывающей здоровья рабочего и, во-вторых, прибавочная стоимость, которую получает капиталист в личное потребление, также ограничена некоторой разумной величиной, которую еще можно рассматривать как вознаграждение за организацию производства, подбор нужных для этого людей, управление предприятием, наконец, плату за вынужденный риск и т.д.

2. Вся история рабочего движения XIX века была историей борьбы за нормальный рабочий день. В то же время все апологеты капиталистической системы пытались доказать, что доход, получаемый капиталистом, не превышает указанной выше разумной величины вознаграждения за предпринимательство. Объединение капитала в крупный монополистический капитал должно нарушать нормальные рыночные отношения, ибо монополия позволяет диктовать цены на рынке, в результате чего закон стоимости не может нормально работать. Это нарушает нормальные условия обмена и позволяет получать сверхприбыль. Объединение рабочих в профсоюзы, также представляющие собой монополистические организации на рынке труда, в свою очередь может нарушить нормальные рыночные отношения, если профсоюзы обладают достаточным влиянием, чтобы диктовать цены на рабочую силу. С другой стороны, профсоюзы являются единственным средством борьбы рабочих за свои права как продавцов рабочей силы.

3. До настоящего момента Маркс, анализируя капиталистический способ товарного производства, еще не касался следствий, которые из этого анализа вытекают. Далее в "Капитале" показано, что при отсутствии организованного сопротивления со стороны рабочих погоня капиталистов за максимальной прибылью приводит (особенно на первых этапах развития капитализма) к поистине ужасному положению рабочего класса. Где и когда можно применять самый что ни на есть простой труд, там и тогда можно интенсифицировать этот труд, превращая человека в машину, в придаток машины, уродуя его как личность. Маркс застал и описал именно этот период развития капитализма, однако только что сформулированного здесь вывода в "Капитале" нет: он и не мог быть сделан в то время, не было еще объективных данных о более высокой стадии общественного производства на капиталистической основе. Из роста технической оснащенности

производства Маркс сделал вывод о том, что это положение в дальнейшем останется по крайней мере таким же, если не изменится в сторону еще более широкого использования самого простого труда для управления машинами. Развитие капиталистического способа производства, развитие техники вообще показало, что у него не было для такого вывода достаточных оснований.

Производство капитала

Постоянный и переменный капитал. Норма прибавочной стоимости.

Все изложенные выше положения Маркса рассматривались нами весьма подробно, в основном следуя порядку изложения материала в "Капитале" по той причине, что их ясное понимание является совершенно необходимым для сознательной оценки последующих выводов Маркса.

В отношении дальнейшего материала мы поступим иначе, и вот почему. Дело в том, что конечной целью всего изложения "Капитала" является так называемая формула расширенного воспроизводства, приводимая в 3-ем томе "Капитала". "Анализируя" ее, Маркс пришел к выводу о том, что кризисы при развитии капитализма неизбежны, что они заложены в самом принципе капиталистического расширенного производства. Однако, детального описания возникновения, развития и прекращения кризисов у Маркса нет, как нет такого описания ни в одном из последующих произведений "марксистской" литературы. Ее нет потому (и это будет нами показано), что из вышеупомянутой формулы расширенного производства на капиталистической основе вовсе не вытекает необходимость возникновения кризисов. Маркс (а вернее – Энгельс, который готовил 3-й том к печати уже после смерти Маркса) просто-напросто ошибся, сделал произвольные выводы из материала, который для таких выводов не давал никаких оснований.

Однако, подход к этой формуле, находящейся в третьем томе, затруднен для читателя большим объемом материала первых двух томов, являющегося в значительной степени иллюстративным, а не доказательным и строгим. Поэтому мы вначале попытаемся сравнительно быстро обосновать упомянутую формулу расширенного производства, а затем уже сможем дать оценку всего остального иллюстративного материала "Капитала" с высоты уже достигнутого понимания общей ситуации, описанной Марксом.

В дальнейшем изложении, как и ранее, цитаты из "Капитала" выделены кавычками. Для удобства чтения многоточия опущены.

*

"Та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому она называется постоянным капиталом и обозначается как "С". Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и, сверх того, производит избыток, прибавочную стоимость, которая в свою очередь может

изменяться, быть больше или меньше. Поэтому она называется переменным капиталом и обозначается как "V".

"Первоначально авансированный капитал $K=C+V$. В конце производственного процесса получается товар, стоимость которого $W=C+V+m$, где m есть прибавочная стоимость, абсолютная величина прибавочной стоимости. Относительная же ее величина, т. е. пропорция, в которой возрос переменный капитал, выражается дробью m/V и называется нормой прибавочной стоимости."

"Та часть рабочего дня, в течение которой рабочий воспроизводит стоимость "V" авансированного капитала, то есть стоимость своей рабочей силы, называется необходимым рабочим временем, а труд, затрачиваемый в течение этого времени - необходимым трудом. Необходимым для рабочих потому, что он независим от общественной формы их труда, необходим при любой общественной формации. Необходимым для капитала и капиталистического мира потому, что постоянное существование рабочих является их базисом".

"Второй период процесса труда образует прибавочную стоимость m , которая прельщает капиталиста всей прелестью "созидания из ничего". Эту часть дня называют прибавочным временем, а затраченный в течение этого времени труд называют прибавочным трудом."

"Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, и отличает экономические формации общества, например общество, основанное на рабстве от общества наемного труда".

Запомним также и эту формулировку!

"Таким образом, стоимость всякого капиталистическим образом произведенного продукта, товара, выражается формулой

$$W = C + V + m$$

"Часть стоимости товара (C+V), возмещающая цену потребленных средств производства и цену примененной рабочей силы, возмещает лишь то, чего стоит товар для самого капиталиста, и потому образует для него издержки производства товара "K", равные авансированному капиталу. Поэтому

$$W = K + m$$

"Для капиталиста дело представляется таким образом, что, затратив определенную сумму K при производстве данного продукта, он получает после его продажи сумму W большую, чем K на величину m. Известная сумма стоимости K является капиталом потому, что она затрачена для того и таким образом, чтобы произвести прибыль, или прибыль появляется потому, что известная сумма стоимости употребляется как капитал."

"Прибыль возникает из прибавочной стоимости, но не всегда равна ей по величине; это имеет место только тогда, когда товар продается по цене, равной его стоимости. Однако, во многих случаях товар продается (и это очень важно и будет рассмотрено в дальнейшем!) по цене выше или ниже стоимости, причем не в силу колебаний рыночных цен, а в силу объективных законов капиталистического товарного обмена. Тем не менее, капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его по цене ниже *стоимости*

$$W = K + m$$

До тех пор, пока продажная цена товара $P = K + p$ (где p -прибыль) выше издержек его производства ($P > K$, " p " не равно нулю), если она при этом даже ниже его стоимости (P *цены производства(!)*), капиталист будет получать прибыль. Всё основывается, как мы увидим позже, на этой разнице между стоимостью товара и вытекающей из нее возможности с прибылью продавать товар ниже стоимости."

К определению нормы прибыли мы далее и переходим.

Норма прибыли

"Хотя прибавочную стоимость создает только переменная часть капитала, однако создает ее лишь при том условии, что авансированы и другие части – необходимые для труда средства производства. Так как капиталист может эксплуатировать труд лишь путем авансирования постоянного капитала, так как он может использовать постоянный капитал лишь путем авансирования переменного, то в его представлении эти капиталы сливаются воедино, и это тем более, что действительный уровень его прибыли определяется не отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, а отношением ее ко всему капиталу; не нормой прибавочной стоимости, а нормой прибыли

$$m/(C+V) = m/K$$

в отличие от нормы прибавочной стоимости m/V .

Понятно, что хотя ради упрощения мы всегда исходим из предположения, что продолжительность рабочего дня, интенсивность труда и заработная плата остаются неизменными, тем не менее изменения, совершающиеся с m и V , могут происходить и по причине изменения этих, их определяющих, факторов."

"Действительный уровень прибыли определяется по отношению ко всему авансированному капиталу по той простой причине, что владелец капитала стремится вложить его таким образом, чтобы получить от него если не максимальную, то хотя бы среднюю по обществу в целом прибыль. Однако в разных отраслях промышленности (при условии, что товары продаются по стоимости) может получаться разная величина (масса) прибавочной стоимости при одной и той же степени эксплуатации труда. т. е. при постоянной величине m/V . Очевидно, что это зависит от *отношения между постоянным и переменным капиталом*. Один и тот же капитал $K = C + V$, вложенный в разные отрасли

промышленности, в одном случае разделится на части $K = C' + V'$, а в другом - на части $K = C'' + V''$. При этом может оказаться, что $C' > C''$ и, соответственно $V' < V''$. Поэтому и прибавочная стоимость в первом случае окажется меньше, чем во втором, т. е. $m' < m''$ и при продаже товаров по их стоимости

$$W' = C' + V' + m' = K + m'$$

и

$$W'' = C'' + V'' + m'' = K + m''$$

окажется, что $m'/K < m''/K$. Ясно, что это происходит из-за разницы в строении капитала в обоих отраслях, из-за разницы в отношении C/V при равенстве величины $C+V$. Отношение C/V называется органическим строением капитала.

Равенство нормы прибыли при неравенстве C/V может быть достигнуто при неравной степени нормы прибавочной стоимости за счет увеличения степени эксплуатации рабочей силы. Однако, это может быть только временной мерой, так как при простом труде это может быть достигнуто либо увеличением продолжительности рабочего дня, либо увеличением интенсивности труда. При законодательном ограничении рабочего дня увеличение интенсивности труда в отдельных отраслях приводит к оттоку из них рабочей силы, уменьшению ее предложения и, как следствие, к повышению уровня заработной платы, составляющей величину V . Это возвращает положение капиталистов к исходной точке с низкой нормой прибыли."

"На практике выравнивание нормы прибыли по обществу в целом достигается несколькими иными путями."

Образование средней нормы прибыли. Превращение стоимости товаров в цену производства

"Нормы прибыли, первоначально господствующие в различных отраслях производства, могут быть весьма различны. Они выравниваются путем конкуренции в единую общую норму прибыли, представляющую собой среднее из этих различных величин. Прибыль, выпадающая согласно этой норме на капитал данной величины, каково бы ни было его органическое строение, называется средней прибылью."

"Цена товара, равная издержкам его производства плюс выпадающая на его долю при данных условиях его оборота часть годовой средней прибыли на капитал, применяемый в производстве товара (а не только потребленный в его производстве), есть его ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА."

"В результате конкуренции капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают обратно капитальные стоимости, затраченные на производство этих товаров, однако они получают не ту прибавочную стоимость, которая произведена в их собственной отрасли при производстве этих товаров, а лишь столько прибавочной стоимости, а, следовательно, и прибыли, сколько при равномерном ее распределении

приходится на каждую соответствующую часть совокупного общественного капитала из всей прибавочной стоимости, из всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени этим капиталом во всех сферах производства, вместе взятых."

Многочисленные примеры, которые приводит Маркс в соответствующем разделе 3-го тома, не могут объяснить современному читателю, почему возникает средняя норма прибыли, а служат, как и большинство примеров Маркса, лишь для иллюстрации его утверждений. Нас же интересует именно механизм, который автоматически, независимо от воли отдельных предпринимателей выравнивает норму прибыли во всех отраслях промышленности, сводит ее к некоторой средней в масштабе общества величине. Маркс поясняет действие этого механизма совсем в другом месте "Капитала". Действие это сводится к следующему.

"Если в какой-либо отрасли производства норма прибыли больше, чем в остальных, часть капиталов из этих отраслей изымается и вкладывается в отрасль с более высокой нормой прибыли. Делается это многими предпринимателями с целью получения максимальной прибыли на капитал, но это приводит к увеличению производства товаров в этой высокодоходной области и к усилению конкурентной борьбы за рынок сбыта этих товаров. В результате этого цены на товар понижаются, ибо конкурентная борьба ведется (велась во времена Маркса) главным образом путем снижения цен на товары. Как следствие снижения продажной цены снижается и норма прибыли в данной отрасли."

"В отраслях с пониженной нормой прибыли (по отношению к ее средней норме) возникает обратная ситуация, капиталы из нее изымаются, (производство товаров сокращается) и цены на товары поднимаются, возможно даже выше их стоимости."

"Рассматривая спрос и предложение мы считаем, что предложение составляет сумму продавцов или производителей данного товара, а спрос – сумму покупателей или потребителей, индивидуальных или производительных, этого же самого товара. И притом эти суммы действуют друг на друга как целое. Отдельная личность действует здесь как часть общественной силы, - именно в такой форме конкуренция обнаруживает общественный характер производства и потребления."

"Та из конкурирующих сторон, которая в данный момент слабее, является вместе с тем и той стороной, где каждое отдельное лицо действует независимо от массы своих конкурентов, а зачастую и прямо против них, и как раз таким путем делает ощутительной зависимость отдельного конкурента от других; между тем более сильная сторона всегда противостоит своим противникам как более или менее сплоченное целое. Если спрос на данный вид товара больше, чем предложение, то, в известных границах, один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы стараются (совместно) продать товар по более высокой цене".

"Если наоборот, предложение больше спроса, то один начинает продавать дешевле, а за ним вынуждены следовать другие, в то время как покупатели совместно стремятся возможно больше понизить рыночную цену по сравнению со стоимостью. Совместные действия

интересуют каждого лишь до тех пор, пока он благодаря им выигрывает больше, чем без них."

"Далее, если один из конкурентов производит дешевле других, и может сбывать больше товара, продавая товар ниже господствующей в данный момент рыночной цены, то он так и поступает, и мало-помалу принуждает других ввести более дешевый метод производства и сводит общественно-необходимый труд к новому, менее значительному количеству."

"Если товары продаются по их стоимостям, то в разных сферах производства возникают весьма различные нормы прибыли. Но капитал извлекается из отрасли с более низкой и устремляется в отрасль с более высокой нормой прибыли. Посредством своего распределения между различными сферами производства, в зависимости от повышения или понижения нормы прибыли капитал обуславливает такое соотношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль, и благодаря этому стоимости превращаются в цены производства (ОЧЕНЬ ВАЖНО!- А.В.). Это выравнивание капиталу удается осуществить тем полнее, чем выше капиталистическое развитие данной страны, чем подвижнее капитал, т.е. чем легче он может быть перенесен из одной сферы в другую, и чем скорее рабочая сила может быть переброшена из одной сферы в другую, из одного центра производства данной местности в другой. Это предполагает *полную свободу торговли* внутри общества и устранение всех монополий, которые вытекают из самого капиталистического способа производства. Далее, предполагается развитие кредитной системы, которая концентрирует распыленную массу свободного общественного капитала, и, наконец, подчинение всех сфер производства капиталистическому способу производства, ибо само это выравнивание средней нормы прибыли наталкивается на крупные препятствия, если между капиталистическими предприятиями вклиниваются и с ними пересекаются многочисленные и носящие массовый характер сферы производства, которые ведутся некапиталистически, например, земледелие мелких крестьян и т. п. Необходима, наконец, значительная плотность населения (или хорошие средства транспорта, что суть одно и то же)."

"Кроме того необходимы: отмена всех законов, препятствующих рабочим перемещаться из одной сферы производства в другую или из одного центра производства данной местности в другой; безразличное отношение рабочего к содержанию его труда; возможно большее сведение труда во всех сферах производства к простому труду; освобождение рабочих от всех профессиональных и прочих предрассудков, т. е. полное подчинение рабочего капиталистическому способу производства."

Что касается безразличного отношения рабочего к содержанию его труда и сведению труда во всех сферах производства по возможности к простому труду, то это не закон, а всего лишь тенденция. Развитие капиталистического способа производства за последние сто лет показало, что эта тенденция имеет ограниченный характер, и наблюдается в течение ограниченного времени в массовом конвейерном производстве. Везде, где только возможно, такой труд имеет не менее сильную тенденцию вообще заменяться машинным трудом (см. серию статей в газете "За рубежом" за 1983-1984 гг. о новых японских полностью автоматизированных предприятиях, оснащенных роботизированными "гибкими производственными

системами". Там же утверждается, что к 2000 году в Японии, в связи с полным отсутствием потребности в неквалифицированном труде, не останется ни одного неквалифицированного рабочего.)

А теперь попробуйте ответить на вопрос - кто будет покупать эти продукты, при производстве которых совершенно не участвовал живой труд? Откуда возьмут деньги потребители какой бы то ни было продукции, если они не работают? Если некому будет платить заработную плату, то произведенные товары некому будет и покупать?! Тем не менее полностью автоматизированные предприятия работают, и, как сказал один из промышленников Японии: "Я собираюсь сделать так, чтобы мои инженеры внедряли по 25 роботов каждый месяц, а если их будет меньше, то я найду других инженеров... "

Во времена Маркса такие вопросы и ситуации казались придуманными. Теперь на эти вопросы настало время отвечать!

Простое воспроизводство

"Если мы рассмотрим товарный продукт, доставляемый обществом в течение года, то увидим, что он включает в себе как те части общественного продукта, которые идут на воспроизводство общественного капитала, так и те части, которые потребляются рабочими и капиталистами. Следовательно, годовой продукт поступает как в производительное, так и в индивидуальное потребление."

"Пока мы рассматриваем производство стоимости с точки зрения индивидуального капитала, для нашего анализа натуральная форма товарного продукта была совершенно безразлична, состоял ли он из машин или из хлеба. Но этот чисто формальный прием уже недостаточен, если мы рассматриваем весь общественный капитал и стоимость его продукта. При рассмотрении производства капитала в масштабе общества приходится учитывать, что часть всей произведенной стоимости производится в виде предметов потребления для рабочих и капиталистов, а часть – в виде средств производства, вновь входящих в процесс производства в следующий отрезок времени."

"Простое воспроизводство, т. е. воспроизводство в неизменном масштабе, является абстракцией лишь постольку, поскольку на базисе капиталистического производства отсутствие всякого накопления является неправдоподобным предположением. Однако мы будем предполагать, что общественный капитал данной стоимости как в прошлом, так и в текущем году доставляет прежнюю массу товарных стоимостей и удовлетворяет прежнюю массу потребностей. Впрочем, даже если и совершается накопление, простое воспроизводство всегда составляет часть накопления."

"Весь общественный продукт, а следовательно и все производство общества, распадается на ДВА БОЛЬШИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ:

1. СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА, т. е. товары, имеющие такую форму, в которой они могут войти в производительное потребление, в производство нового продукта.

2. ПРЕДМЕТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ, т. е. товары, предназначенные для индивидуального потребления людьми.

В каждом подразделении капитал (общий) распадается на *две основные части*:

А) ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ. Он равен стоимости общественной рабочей силы, примененной в этой отрасли производства, в этом подразделении; следовательно, он равен сумме заработной платы, выплачиваемой за эту рабочую силу".

Б) ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ. Стоимость всех средств производства, примененных в этом подразделении. В свою очередь, средства производства распадаются на основной капитал (машины, орудия, постройки и т.п.) и на оборотный капитал – сырье, материалы и пр.

"Подобно стоимости всякого отдельного товара, стоимость всего годового продукта в каждом подразделении распадается на:

$$W = c + v + m$$

В основу нашего исследования простого воспроизводства мы положим нижеследующую схему, в которой "с" - постоянный капитал, "v" - переменный капитал, "m" -прибавочная стоимость; норма прибавочной стоимости "m/v" принята равной 100%. Числа могут означать миллионы марок, франков и пр.

1. Производство средств производства

Капитал

$$4000c + 1000v = 5000$$

Товарный продукт

$$4000c + 1000v + 1000m = 6000,$$

существующий в виде средств производства.

2. Производство предметов потребления

Капитал

$$2000c + 500v = 2500$$

Товарный продукт

$$2000c + 500v + 500m = 3000,$$

существующий в виде предметов потребления"

"Если товарный продукт обоих подразделений свести вместе, то весь совокупный годовой товарный продукт составит:

$$1. 4000c + 1000v + 1000m = 6000$$

$$2. 2000c + 500v + 500m = 3000$$

в средствах производства и средствах потребления соответственно. Отметим, что величина "с" представляет собой только стоимость постоянного капитала (основного и оборотного), которая перенесена со средств производства на продукт; стоимость капитала, продолжающего функционировать на производстве, сюда не входит. Однако, вполне допустимо считать, что за год все средства производства пришли в полную негодность и успели перенести всю свою стоимость на вновь произведенный с их помощью продукт; или можно считать, что рассматриваемый нами период равен не году, а 10 годам или вообще среднему сроку службы основного капитала".

"Если мы исследуем теперь обмены, необходимые при простом воспроизводстве, когда вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно, а не вкладывается в новое производство, *продается капиталистами* (***Обратите особое внимание!**), то прежде всего мы получим три существенные точки.

1. $500v$ – заработная плата рабочих, и $500m$ – прибавочная стоимость капиталистов второго подразделения, должны быть израсходованы на предметы потребления стоимостью в 1000, которые, находясь в руках капиталистов второго подразделения, возмещают авансированные ими $500v$ и представляют для них $500m$. Следовательно, заработная плата рабочих и прибавочная стоимость капиталистов второго подразделения обмениваются в пределах 2-го подразделения на продукт этого же подразделения. Вместе с тем из совокупного продукта исчезает

$$500v + 500m = 1000$$

в виде предметов потребления.

2. $1000v + 1000m$ первого подразделения тоже должны быть израсходованы на предметы потребления. т. е. на продукт 2-го подразделения. Следовательно, они должны быть обменены на остальную часть продукции 2-го подразделения, по величине равную постоянной части капитала $2000c$. За это 2-е подразделение получает равную сумму в виде средств производства, получает продукт 1-го подразделения, воплощающий стоимость $1000v + 1000m$ первого подразделения.

3. Остаются еще $4000c$ первого подразделения. Они заключаются в тех средствах производства, которые могут быть использованы лишь в 1-ом подразделении и служат для возмещения потребленного в нем постоянного капитала. Поэтому они взаимно обмениваются между капиталистами 1-го подразделения."

*

Здесь мы снова вынуждены отойти от изложения материала по первоисточнику и обратить внимание читателя на следующее. Маркс обычно иллюстрирует свои теоретические выводы арифметическими примерами, более или менее удачно подобранными. Однако, описываемые им в главах XX и XXI "Капитала" отношения обмена между двумя подразделениями общественного производства становятся настолько сложными, что для иллюстрации влияния различных факторов на изменения этого обмена ему приходится громоздить пример на пример. Не говоря уже о неудобочитаемости такого текста, такой способ изложения (хотя, возможно, он и был более доступным широкой публике во времена Маркса) маскирует важный принципиальный вывод, вытекающий из рассмотрения этих соотношений, а именно: из соотношений расширенного производства, приведенных у Маркса, НЕ ВЫТЕКАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ. Точное же математическое представление этих соотношений в виде формулы при всей своей элементарности с очевидностью показывает это.

В этих примерах Марксу часто приходится "забывать" о равенстве нормы прибыли в обоих подразделениях для того, чтобы в каждом данном примере "все сходилось". Все и сходится, только нормы прибыли получаются разные, а этого-то как раз по Марксу и не может быть. По-видимому не случайно в современных курсах политэкономии на это место не обращается необходимого внимания. Обычно указывается лишь, что "изложение первоисточника предельно ясно и не требует дополнительных комментариев". Однако именно это место у Маркса не только "нуждается в комментариях", но и требует точного анализа. Мы надеемся, что читатель, разобравшись вместе с нами в сути дела, легко затем справится и с чтением основного текста "Капитала" (если это ему потребуется в 21-м веке – прим. авт.).

*

ВНИМАНИЕ!

Поскольку в дальнейшем длинные цитаты из «Капитала» будут немногочисленны, наш текст представлен обычным шрифтом (не полужирным).

Перейдем теперь к рассмотрению простого воспроизводства, представив его в более понятном современному читателю виде. Пример, взятый из основного текста "Капитала" будет иметь вид:

$$W' = C' + V' + m'$$

$$W'' = C'' + V'' + m''$$

где W' и W'' - сумма стоимостей продуктов, произведенных в 1-ом и 2-ом подразделениях соответственно;

m' и m'' - сумма прибавочных стоимостей обоих подразделений;

V' и V'' - сумма переменного капитала в каждом подразделении;

C' и C'' - сумма постоянного капитала, израсходованного в 1 и 2-ом подразделениях.

Положим, что норма прибыли одинакова в обоих подразделениях; ведь иначе и быть не может, согласно главе 9 третьего тома.

Заметим, что без этого фундаментального понятия о равенстве средней нормы прибыли в обоих подразделениях вообще ничего нельзя понять в дальнейшем материале о расширенном производстве, и выводы можно сделать совершенно ложные. Однако, несмотря на это, понятие о средней норме прибыли вводится Энгельсом (заметьте, Энгельсом, а не самим Марксом – последний должен был бы сам сделать это и уже в 1-ом томе! Не слишком многие знают, что Маркс сам написал только первый том, все остальное сделал Энгельс после смерти Маркса). Энгельс ввел понятие о средней прибыли лишь в третьем (!) томе, то-есть почти через тысячу страниц после материала о расширенном производстве.(!) Неудивительно, что легко можно сделать неверные выводы, читая только первый том.

Но пойдём дальше.

$$\frac{m'}{C' + V'} = \frac{m''}{C'' + V''}$$

Равенство нормы прибыли означает, как мы уже знаем, что

$$\frac{m'}{C' + V'} = \frac{m''}{C'' + V''}$$

если рассматривать воспроизводство усредненно, в масштабе общества. Подобно тому, как это сделано у Маркса, в общем случае все это можно представить в виде «формулы» (1)

где "рамочка" показывает, что C'' обменивается на суммарную величину $(V' + m')$. Как указывалось выше, стоимости V'' и m'' обмениваются внутри 2-го подразделения, ибо в натуральном виде представляют собой предметы потребления, а C' - внутри 1-го подразделения, т. к, представляют собой средства производства. Каким образом обмен этот опосредуется денежным обращением подробно показано в оригинале, и нас сейчас не интересует, ибо только затемняет картину.

Для того, чтобы получить цифры примера "Капитала" /стр. 447. т. 2/. достаточно положить что $m' = V'$ и $m'' = V''$ (норма прибавочной стоимости равна 100%), а затем, как указано в условиях этого примера, задаться величиной органического строения капитала

$$S = \frac{C}{V} = \frac{4}{1}$$

и численным значением C или V например $V' = 1000$. Тогда

$$V' = 1000$$

$$m' = 1000$$

$$C' = 4V = 4000.$$

Так как согласно диаграмме (1) $V' + m' = C''$, то $C'' = 2000$, откуда

$$V'' = \frac{C''}{4} = 500$$

Таким образом приходим к цифрам вышеуказанного примера Маркса

$$1. 4000c + 1000v + 1000m = 6000$$

$$2. 2000c + 500v + 500m = 3000$$

Из «формулы» (1), в частности, вытекает, что вообще существование 1-го подразделения определяется необходимостью 2-го подразделения в средствах производства, и поэтому уровень производства в 1-ом подразделении зависит от второго, по крайней мере при простом воспроизводстве. Действительно, если бы все предметы потребления можно было бы рвать с деревьев руками или собирать на земле, т. е. находить готовыми в природе, то не было бы необходимости производить орудия труда, средства производства.

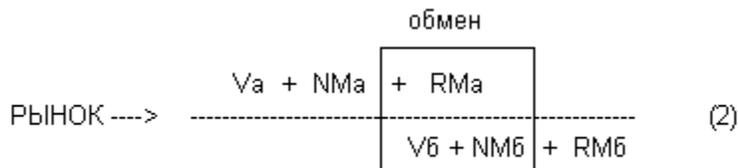
Случаи обратной зависимости, т. е. зависимости уровня производства предметов потребления во втором подразделении от уровня производства средств производства, описанные у Маркса, действительно могут иметь место, особенно на начальных стадиях развития капитализма при медленной реакции рынка. Однако, уменьшение объема производства в первом подразделении немедленно должно привести к повышению спроса на средства производства, привести в действие механизм конкуренции, в результате чего повысятся цены на продукцию 1-го подразделения, капитал начнет "переливаться" в 1-е подразделение, что приведет к увеличению объема производства в первом подразделении и к выравниванию ситуации.

Чем более чутко реагирует рынок, чем более развиты внутренние связи капиталистического производства, тем меньше должен быть размах таких колебаний и тем быстрее они компенсируются из-за действующей таким образом "отрицательной обратной связи". Восстанавливающееся равновесие свидетельствует об устойчивости такой системы.

*

Несколько сложнее получается расчет при учете того обстоятельства, что прибавочная стоимость, получаемая (и проедаемая при простом воспроизводстве капиталистами) в 1 и 2 подразделениях распадается на предметы первой необходимости (ПН) и предметы роскоши (ПР). Вообще говоря, для простоты (и это ничего не изменило бы в последующих расчетах) можно было бы считать, что даже предметы первой необходимости, потребляемые классом капиталистов, относятся к предметам роскоши, так как имеют, по Марксу, значительно более высокое качество, чем ПН, потребляемые рабочими. Однако только для иллюстрации эффективности принятого нами метода расчета, мы повторим выкладки для случая разделения прибавочной стоимости на ПН и ПР для капиталистов. Без ущерба для понимания существа дела в дальнейшем, этот расчет при первом чтении можно пропустить.

Пусть часть прибавочной стоимости, израсходованная капиталистами на ПН, равна $NМ$, а на ПР равна RM , причем $(N+R)=1$. Примем также для простоты, что при производстве ПН и ПР (а они производятся в разных отраслях 2-го подразделения) отношение C/V остается одним и тем же. Обозначим отрасли 2-го подразделения, производящие ПР как группу "а", а отрасли того же 2-го подразделения, производящие ПН, как группу "б". Тогда (и только при этих предположениях!), считая, что ПР, производимые в группе "б", потребляются самими капиталистами 2-го (и только 2-го) подразделения, и что ПН они получают путем обмена с группой "а", можно построить диаграмму-«формулу» (2)

Как и раньше, "рамочка" указывает на стоимости, обмениваемые между подразделениями.

Равенство C/V в обеих группах "а" и "б" позволяет считать, что товары в форме ПН и ПР на сумму стоимости потребленных во втором подразделении средств производства $C'' = Cа + Cб$ обмениваются с 1-м подразделением, и потому их можно исключить из диаграммы. Таким образом предметы роскоши на сумму "RMб" потребляются капиталистами группы "б", а предметы роскоши на сумму $(Vб + NMб)$ обмениваются с группой "а" на равную ей сумму "RMa" в виде предметов первой необходимости; часть из этой суммы V идет на потребление рабочих группы "б", а часть "NMб" - на потребление капиталистов группы "б". Часть же "RMa" прибавочной стоимости капиталистов группы "а" обменивается на предметы роскоши на равную ей сумму $(Vб + NMб)$, получаемую в виде ПР из группы "б".

Как уже указывалось, нужно иметь в виду, что $(Cа + Cб) = C''$ и что, вообще говоря,

$$\frac{Cа}{Va} = \frac{Cб}{Vб} = S$$

Для перехода теперь к примеру на стр 446 т.2 "Капитала" (или к любому другому примеру) достаточно положить некоторое значение величины N/R и численное значение любой из следующих величин, например:

$$N=0.6$$

$$R=0.4$$

$$M=100$$

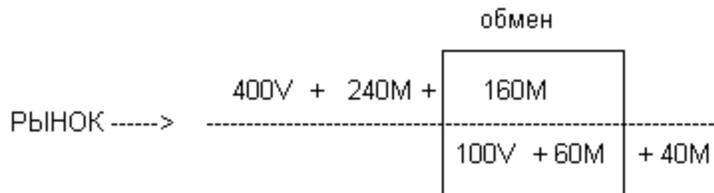
Тогда

$$NM_6 = 60, \quad RM_6 = 40, \quad V_6 = M_6 = 100, \quad V_6 + NM_6 = 160 = RM_a$$

$$M_a = \frac{160}{R} = 400$$

$$NM_a = 240 \\ V_a = M_a = 400$$

и

Более того, поскольку $C/V=4$, то

$$C_a = 1600$$

$$C_b = 400 \text{ и}$$

$$C'' = C_a + C_b = 2000.$$

Указанная методика расчета позволяет в простейшем виде представить все рассуждения главы XX т.2 "Капитала". Дальше этих расчетов упомянутые рассуждения Маркса не распространяются.

Кроме изложенного, необходимо сделать еще два замечания.

1. Предположим, что $M=0$, то есть капиталистов нет вообще, и что стоимость средств производства переносится на товары полностью в течение определенного отрезка времени, для которого ведется расчет. Тогда рабочие 1-го подразделения должны произвести за это время (скажем, за год) ровно столько средств производства, сколько они потребили, иначе в следующем году им нечем будет работать, причем в обоих подразделениях. Стоимость этих средств производства будет составлять действительно

$$6000 = 4000C' + 2000C''$$

(первого и второго подразделений соответственно).

Таким образом, при принятых величинах (а могли быть приняты для примера и другие величины) действительно две трети рабочего времени будет расходоваться на производство средств производства, так как стоимость произведенных предметов потребления будет равна только

$$3000 = 2000C + 500V + 500M$$

Поэтому вывод "а" на стр. 497 т.2 "Капитала", в котором говорится, что капиталистическое общество употребляет большую часть труда на производство средств производства, в равной степени относится к любому, достаточно развитому обществу производителей, даже без капиталистов, и ровно настолько, насколько верны пропорции приведенного примера, ибо было можно, как видим, взять и другие цифры, если принять другое органическое строение капитала. Акцент со стороны Маркса сделан дополнительно на то обстоятельство, что при капиталистической системе эти средства производства производятся как капитал.

2. В конце XX главы т.2 "Капитала" Маркс делает попытку показать, что даже при простом воспроизводстве возможны кризисы, а именно, если при прочих равных условиях по какой-либо причине (стихийное бедствие, разрыв дипломатических отношений со странами-поставщиками сырья и т.п.) производство средств производства или производство предметов потребления изменилось. Здесь нужно указать на путаницу, допускаемую Марксом именно из-за отсутствия где-либо в тексте точного определения понятия "кризис".

Выше нами был проанализирован случай изменения уровня производства средств производства и было показано, что при этом срабатывает механизм автоматического регулирования, по крайней мере при простом воспроизводстве. Тем не менее, временное пере- или недопроизводство тех или иных продуктов или средств производства Маркс в XX главе называет кризисом. В этом случае все колебания производства чего угодно в любом обществе из-за любой причины можно назвать кризисами, и "бескризисных" систем вообще не может существовать.

На самом же деле кризисами называются (и Маркс это прекрасно знает и имеет в виду) такие случаи перепроизводства тех или иных продуктов по сравнению с возможностью их реализации на рынке, которые вызываются самой внутренней структурой производства, внутренними противоречиями способа производства, а не внешними, объективными причинами, которые, конечно, также могут приводить к временному торможению производства. Обычно внешние причины всем ясны, и кризис так и называется - хлопковый кризис, нефтяной кризис 1975 года, возникший из-за повышения цен на нефть со стороны стран-экспортеров нефти и пр. Периодические же кризисы, происходящие из-за внутренних причин, из-за особенностей самой капиталистической системы, основанной на принципе частной собственности на средства производства, происходят независимо от каких-либо внешних причин и при полном отсутствии таких причин. Приходится признать, что для простого воспроизводства Марксом не были показаны эти внутренние причины. По нашему мнению, этих причин нет вовсе.

Тенденция к изменению органического строения капитала

Все примеры Маркса по простому воспроизводству предполагают одинаковое органическое строение капитала в обоих подразделениях. Однако в дальнейшем, в главе о средней норме прибыли, "Капитал" (Энгельс) упоминает о возможности различного органического строения капитала в разных отраслях. Именно поэтому и возникает вопрос о необходимости выравнивания нормы прибыли между отраслями в целом по обществу, так как при различном строении капитала норма прибыли также будет разной при одной и той же степени эксплуатации труда. Как мы видели, Маркс объясняет этот процесс тем, что

результате перекачивания капитала из одних отраслей в другие и взаимной конкуренции товары продаются не по их стоимости, а по цене производства, находящейся где-то между величиной действительной стоимости товара и издержками производства его. Это объяснение представляется нам несколько неполным. Оно, быть может, верно только для случая, когда труд совершенно простой, и условия труда во всех отраслях совершенно одинаковы. Однако на практике это не всегда так. Действительно, по Марксу, при разном органическом строении капитала, например

$$S' = C'/V' = 2S'' = 2C''/V''$$

при равной норме прибыли в обоих подразделениях

$$N = \frac{m}{C + V} = \frac{m'}{C' + V'} = \frac{m''}{C'' + V''}$$

или

$$N = \frac{m'}{V'(S' + 1)} = \frac{m''}{V''(S'' + 1)}$$

получается

$$\frac{m'}{V'} = \frac{m''(2S'' + 1)}{V''(S'' + 1)}$$

Задавшись величиной $S''=4$ как в примере Маркса, получим

$$\frac{m'}{V'} = \frac{9m''}{5V''}$$

Действительно, степень эксплуатации труда или норма прибавочной стоимости должна быть разной в каждом подразделении. При этом, говорит Маркс, рабочая сила должна перетекать из первого подразделения во второе. В свою очередь, это должно привести к повышению заработной платы в 1-ом подразделении, и нисколько не может помочь капиталистам 1-го подразделения поднять норму прибыли, уравнивая ее со вторым подразделением. Поэтому единственный выход, по Марксу, – продавать товары 1-го подразделения выше их действительной стоимости, по так называемой *цене производства*.

Но этот выход вовсе не единственный. Преобразовав выражение для средней нормы прибыли, получим

$$N = \frac{m'}{V'[(C'/V') + 1]} = \frac{m''}{V''[(C''/V'') + 1]} = \frac{m'}{V'(S' + 1)} = \frac{m''}{V''(S'' + 1)}$$

Отсюда следует, что если мы хотим при равенстве нормы прибыли обеспечить и равенство степени эксплуатации труда во всех отраслях, то *органическое строение капитала во всех отраслях должно быть примерно одинаковым.*

И хотя по условию $S' = 2S''$, но капиталисту никто не мешает организовать на предприятиях 1-го подразделения двух- и трехсменную работу. Тогда величина V' как бы увеличится, а величина S' останется на прежнем уровне. Именно так на самом деле и поступают предприятия, именно к этому их вынуждает конкурентная борьба, именно этим и можно объяснить, почему одни предприятия работают неполный рабочий день, а другие - круглосуточно и круглогодично.

Все разговоры о неравенстве S' и S'' если и верны, то только в течение неустановившегося процесса выравнивания нормы прибыли в данной отрасли. Отсюда, в частности, ясно, что пример Маркса в главе о простом воспроизводстве вообще единственный, других соотношений между C , V и m в обоих подразделениях при данной величине отношения $S = C/V = 4$ просто и быть не может.

Другое, не менее важное обстоятельство, состоит в том, что при наличии даже самой малой величины прибавочной стоимости $m > 0$ стремление к выравниванию органического строения капитала означает, что *достижения техники в равной мере внедряются в оба подразделения.* Это тоже, если угодно, "закон" капиталистического производства, диктуемый самой его природой. И этот закон - не менее важный для общества, чем пресловутый "всеобщий закон капиталистического накопления"!

Интересно, что если прибавочная стоимость равна нулю (а, следовательно, равна нулю и норма прибыли), то возможны любые соотношения между строением капитала в различных отраслях, и нет никакой тенденции к выравниванию между S' и S'' , а значит, нет и указанной тенденции к внедрению более совершенной технологии. При отсутствии механизма автоматического выравнивания нормы прибыли величины S' и S'' вообще не испытывают тенденции к взаимному сближению, выравниванию. Поэтому при «развитом социализме» (в системе ЭРС), когда указанный механизм не действует вовсе, они могут быть существенно различными, о чем свидетельствуют существенно различные проценты ручного труда в машиностроении и строительстве, в сфере обслуживания и пр. которые приводил Л. И. Брежнев в своем докладе на 26-м съезде КПСС.

Расширенное воспроизводство

Первое, что необходимо постоянно иметь в виду при рассмотрении расширенного воспроизводства - это требование равенства нормы прибыли в обоих подразделениях. Поэтому все примеры "Капитала", не учитывающие этого требования, не имеет смысла рассматривать, ибо они не отражают реальной картины явлений, не упрощают, а могут лишь запутать ее.

Второе. Тезис о преимущественном развитии первого подразделения, так же, как и обратный ему тезис о преимущественном накоплении во втором (стр.584 т.2), (который только, кстати, констатируется, но при этом не поясняется, что именно имеется в виду) остается у Маркса совершенно бездоказательным. Следует постоянно помнить вывод, сделанный нами в предыдущем разделе, что обмен между первым и вторым подразделениями определяется исключительно потребностями 2-го подразделения в средствах производства. Хотя Маркс и отмечает неоднократно, что целью капиталистического производства является получение максимальной прибыли, а не производство предметов потребления, тем не менее, достижение первой цели практически невозможно без одновременного производства предметов потребления и средств их производства.

Рассмотрение законов расширенного воспроизводства, проведенное нами в этом разделе в общем виде, показывает несостоятельность выводов Маркса о том, что законы расширенного воспроизводства, рассмотренные в XXI главе "Капитала", с неизбежностью приводят к кризисным явлениям. Следует иметь в виду, что изложение Маркса молчаливо предполагает, что при расширении производства всегда находится рабочая сила, которую может эксплуатировать вновь накопленный капитал. Для подтверждения этого положения в первом томе даже специально рассматривается вопрос о возникновении избытка населения при избытке капитала. Только в конце третьего отдела первой книги ТРЕТЬЕГО тома в "Капитале" рассмотрен, наконец, случай, когда расширение производства наталкивается на недостаток рабочей силы и, начиная с этого момента, Маркс пытается в общих чертах наметить ход развития кризиса. Однако этот раздел отделен от гл. XXI второго тома почти тремястами страниц текста, и практически не имеет с ним смысловой связи.

Рассмотрим случай, когда капиталистов как бы нет вообще, т.е. они ничего не потребляют, и вся прибавочная стоимость распадается на две части, чтобы быть использованной производителем, пропорционально органическому строению капитала

$$m' = m'(c) + m'(v)$$

причем

$$\frac{m'(c)}{m'(v)} = \frac{C'}{V'} = S$$

Величина $m'(c)$ уже существует в виде средств производства; величина $m'(v)$, существующая также в виде средств производства, должна быть сначала превращена в деньги, на которые можно было бы купить рабочую силу, чтобы та уже, в свою очередь, могла обменять их на предметы потребления. Для этого во втором подразделении должно быть произведено нужное количество этих предметов. Таким образом m'' также распадается на две части $m''(c)$ и $m''(v)$, одна из которых - $m''(c)$ - идет на приобретение средств производства у 1-го подразделения, т. е.

$$m''(c) = m'(v),$$

а другая – для оплаты и последующего потребления собственными рабочими 2-го подразделения, ибо $m''(v)$ существует уже в виде этих предметов потребления. При этом

$$\frac{m''(c)}{m''(v)} = S'' \quad \text{и} \quad S' = S'' = S$$

Все это справедливо, конечно, если нужное количество рабочей силы нужного качества и кондиции находится на рынке труда.

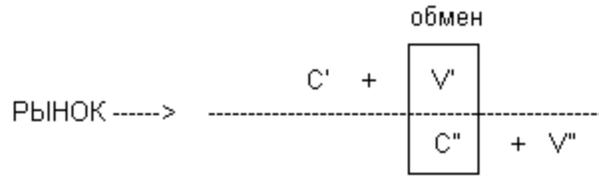
Таким образом $S' = S''$,

$$\frac{m'(c)}{m'(v)} = \frac{m''(c)}{m''(v)}$$

а $m'(v) = m''(c)$.

Но будет ли во втором подразделении произведено нужное количество прибавочной стоимости, достаточное не только для оплаты средств производства, но и для найма новой рабочей силы для второго подразделения?

Вспомним простое воспроизводство. Если нет капиталистов, то $m' = m'' = 0$ и

Таким образом $V'=C''$, она связана с ней однозначно. И если производство расширяется, то m' складывается с V' . Поэтому всегда V' больше или равно C' . Далее

$$m' = nV' = nC'' = nV''S'' = m''S''$$

Поэтому и

$$\frac{m'}{m''} = S'' = S.$$

Так как

$$m'(v) = \frac{m'}{S' + 1}$$

и

$$m''(c) = \frac{m'' S''}{S'' + 1}$$

и из условия баланса на рынке новой продукции $m''(c)=m'(v)$ следует

$$N = \frac{m'}{C' + V'} = \frac{m''}{C'' + V''}$$

Только при этом условии в первом подразделении будет произведено нужное количество средств производства на сумму $m'(c)$, а во втором подразделении останется нужное количество денег $m''(v)$ для найма рабочей силы.

Но из условия

$$N = \frac{m'}{C' + V'} = \frac{m''}{C'' + V''}$$

мы уже получили ранее требование равенства органического строения капитала (ОСК) в обоих подразделениях, если требуется обеспечить в них одну и ту же норму эксплуатации. Поэтому, если $S' = S'' = S$, то

$$\frac{m'}{S + 1} = \frac{m'' S''}{S + 1}$$

и

$$\frac{m'}{m''} = S$$

А так как

$$\frac{m'}{V'} = n, \quad \text{и} \quad \frac{m''}{V''} = n$$

то $m' = nV'$ и $m'' = nV''$. Отсюда следует, что

$$S = \frac{m'}{m''} = \frac{V'}{V''} = \frac{C' S}{S C''} = \frac{C'}{C''}$$

Из последнего выражения ясно, что ОСК или S всегда должно быть равно отношению постоянных или переменных капиталов в обоих подразделениях. Следовательно, с увеличением ОСК должны увеличиваться и эти отношения, т. е. капитал первого подразделения должен возрастать относительно капитала второго подразделения.

Для того, чтобы при наших условиях производство действительно расширялось, необходимо только, чтобы вновь создаваемый в обоих подразделениях капитал всегда имел возможность найти рабочую силу нужного качества и в нужном количестве, чтобы стать производительным капиталом. Это и есть так называемое ЭКСТЕНСИВНОЕ развитие производства. В процессе такого увеличения капитал каждый раз при своем очередном обороте производит прибавочную стоимость, равную $m = N(C + V)$. Поскольку величина "m" распадается на $m(c)$ и $m(v)$ в отношении S , то

$$m = m(c) + m(v) = m(c) \left[1 + \frac{m(v)}{m(c)} \right] = m(c) \left[1 + \frac{1}{S} \right] = m(c) \left[\frac{S+1}{S} \right]$$

откуда

$$m(c) = \frac{mS}{S+1} = \frac{N(C+V)S}{S+1} = \frac{NVS}{S+1} \left[\frac{C}{V} + 1 \right] = NVS = NC$$

Таким образом, за каждый оборот капитала величина C увеличивается в $(1+N)$ раз и накопление капитала происходит по закону

$$C(1+N)^k$$

где "k" - число оборотов капитала. Так как обычно $N = 3-5\%$, то капиталу нужно совершить 10-15 оборотов, чтобы удвоиться.

Положение в корне меняется, если при своем очередном цикле воспроизводства возникающий новый капитал НЕ МОЖЕТ найти в нужном количестве необходимой ему рабочей силы, т. е. РОСТ КАПИТАЛА НАТАЛКИВАЕТСЯ НА ДЕФИЦИТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ. Если до этого момента производство расширялось экстенсивно, по вышеописанному принципу, то обычно этого достаточно, чтобы начался КРИЗИС.

Кризисы

Без ясного понимания причин и механизма возникновения и протекания промышленных кризисов (циклов) невозможно понять всего хода развития капиталистической системы, начиная с 30-х годов XX века. В конце концов, именно последствия кризисов и массовая безработица - это главное, против чего выступал Маркс; остальные недостатки капиталистической системы, столь детально им рассмотренные, в наше время присущи только слаборазвитым странам, и с сегодняшней точки зрения являются "детскими болезнями" капитализма на этапе его начального развития. Характер безработицы также изменился, она стала не периодической, а хронической, ее величина колеблется около некоторого постоянного уровня, и понять причины этого можно только при условии ясного понимания причин возникновения кризисов.

Сам Маркс не занимался анализом кризисов (сколь ни странно это звучит) и не дал четкого описания их внутренних причин и механизма возникновения. Им были только указаны, как он это делал обычно, несколько "тенденций", которые могли, развиваясь, прямо или косвенно приводить к кризисным ситуациям. Среди них он указывает на одну из причин, по его мнению лежащих в основе кризисов, а именно на то, что купля и продажа при развитой системе кредита могут не совпадать по времени и месту. В другом месте третьего тома "Капитала" есть указание на то, что кризис может возникать из дефицита рабочей силы. Однако Маркс не развивает этих мыслей дальше.

С другой стороны, в современных учебниках политэкономии, написанных спустя сто лет после Маркса, когда, казалось бы, эти механизмы должны быть детально изучены, мы также не найдем описания механизма возникновения и протекания кризисов. Все имеющиеся описания дают картину кризиса с внешней стороны, со стороны его проявления для внешнего наблюдателя. Но такая картина была дана еще Марксом; ее недостаток в том, что она статична и дает картину разрушения экономики, но не вскрывает причин этого.

Следует признать, что механизм возникновения и протекания кризисов и в настоящее время еще не вполне ясен ученым-экономистам. Если бы он был полностью изучен, то либо нашлись бы надежные методы регулирования развития капиталистической экономики, либо было бы доказано ясно и конструктивно, что таких методов нет и быть не может. Общие же положения марксистской "философии" типа "противоречия между трудом и капиталом" могут быть восприняты только как догма, как бездоказательная и пустая фраза, не открывающая путей к логическому и конструктивному объяснению явления кризиса.

Не претендуя на оригинальность, мы дадим здесь описание причин кризиса в нашем понимании. Как и всякое относительно новое положение, к тому же не подкрепленное, как это обычно требуется при научном подходе, статистическим и фактическим материалом, практически недоступным для рядовых исследователей, к коим относит себя автор; как и всякое новое положение, оно безусловно открыто для критики. Однако оно конструктивно и конкретно, оно логично увязывает в одну общую картину все "тенденции" и "законы", изложенные в трех томах "Капитала", и показывает их совместную работу по выравниванию цен на товары и приближению этих цен к ценам производства.

Итак, как показано у Маркса, расширяющееся производство характеризуется общей схемой обмена между двумя подразделениями. Как мы показали, теоретически представляется, что эта схема не содержит в себе факторов, приводящих к кризисной ситуации. Это обстоятельство не осталось незамеченным для последующих поколений экономистов, хотя они делали из него поспешный вывод о том, что кризисы при капитализме не являются принципиальной особенностью системы ("легальные марксисты" и др.). Однако эта схема является теоретическим упрощением в том смысле, что она предполагает, что появляющийся в результате роста производства новый капитал не всегда может быть разделен на постоянный и переменный, не всегда может быть вновь пущен в оборот, ибо в некоторый момент времени оказывается, что рынок рабочей силы исчерпан, и этот новый переменный капитал просто некому заплатить в виде заработной платы. Более того, чем выше степень эксплуатации рабочей силы, тем быстрее общественное производство

доходит до этого состояния. В этом положении вновь произведенный дополнительный капитал начинает искать себе применение.

Как следует из вышеупомянутой схемы Маркса, кризис не может начаться с перепроизводства предметов потребления для рабочих, ибо величина V'' уплачивается до того, как произведены товары, которые всосали в себя необходимый труд; и если только цены на них по каким-то причинам не поднялись во время их производства, то эти товары, будучи произведены, будут и проданы во втором подразделении на сумму $(V''+m'')$ и обменены с 1-ым подразделением на сумму C'' . Даже если принять положение Маркса о том, что рабочие работают на капиталиста "в кредит", получают заработную плату *после того*, как произвели товары, усреднение этого процесса по обществу в целом и сам факт того, что рабочие 1-го подразделения потребляют совсем не те товары, которые производят, подтверждают нашу точку зрения.

Кризис начинается именно с момента перепроизводства капитала, а именно той его части, которая предназначена для уплаты предполагаемым новым рабочим. А внешне это выглядит как перепроизводство средств производства, к которым не удается приложить рабочую силу, потому что ее просто нет.

Однако, вновь произведенный капитал в виде прибавочной стоимости не может лежать без движения. По всей видимости, он не может лежать не просто потому, что он "хочет" или "должен" самовозрастать, а потому, что этой "неподвижности" препятствуют какие-то объективные внешние обязательства капиталиста, не раскрытые Марксом достаточно подробно, возможно по причине их очевидности для его современников, но совершенно неизвестные для нас, не имеющих понятия о системе капиталистических отношений. Скорее всего, это обязательства перед банками, которые контролируют оборот предприятий и не допускают разбазаривания средств, которые могут приносить доход в виде прибавочной стоимости, но почему-то в данном случае не делают этого.

Произведенный в 1-ом подразделении капитал в виде средств производства, станков, сырья, оборудования должен быть продан, реализован в обоих подразделениях. Но капиталисты этих подразделений, покупающие эти средства производства, должны одновременно купить и рабочую силу. Если купить ее не удастся, то капиталист будет полным идиотом, если потратит хоть пенс на покупку средств производства. Пока у него нет уверенности в том, что он найдет рабочую силу, нечего и средства производства для этой рабочей силы закупать. Поэтому при возникновении дефицита рабочей силы, в первом подразделении сразу же обнаруживаются непроданные средства производства, возникает их **как бы "перепроизводство"**.

Раз возникает дефицит какого-либо товара, цена на него на рынке поднимается и может стать даже выше его стоимости. В данном случае этот товар - *рабочая сила*.

Увеличение цены на рабочую силу приводит к увеличению переменной части авансированного капитала в обоих подразделениях, что приводит в свою очередь к удорожанию производства продукции, к увеличению издержек производства или, как говорят в России – себестоимости. Увеличения собственно *стоимости* рабочей силы не

произошло, возник ее недостаток. Товары продолжают продаваться по цене производства, так как средние по обществу затраты труда на их производство не возросли ни на йоту. Но в силу конъюнктурных причин увеличилась цена рабочей силы, ее рыночная цена. И значит, доходы тех производителей, у которых цена производства едва превышала стоимость их продукции, упали ниже нуля. Это приводит к разорению той части предпринимателей, на производстве у которых производительность труда была минимальной.

Если вновь произведенный капитал 1-го подразделения не может быть реализован, он обесценивается. Оказывается, что затраченная на его производство часть общественного труда, была затрачена впустую, не образовала стоимости. Поскольку его нельзя продать, то нельзя выплатить и кредитных обязательств, взятых ранее в расчете на его реализацию; и если этих обязательств много, предприятие может потерпеть крах. В этом заключается ускоряющая роль кредитной системы во время кризиса, но не она, как мы видим, является главной причиной возникновения кризисной ситуации. Система кредита лишь ускоряет ход событий.

Если часть капитала, полученная как прибыль в результате очередного оборота капитала, не вкладывается в производство, то при наличии дефицита рабочей силы эта часть капитала обесценивается, по крайней мере частично, так как к следующему обороту стоимости цены на средства производства и рабочую силу могут еще более возрасти, и то, что раньше стоило 1000 долларов, теперь уже стоит 1100 долл. Продукция, произведенная с помощью таких средств производства, обойдется предпринимателю еще дороже, что еще более затруднит сбыт или уменьшит его доход. Именно поэтому капитал нужно вкладывать в новое производство немедленно, как только он произведен, а значит и произведенную продукцию нужно тоже немедленно реализовывать.

Разорение части производителей приводит к лишению работы части рабочих. С одной стороны, это уменьшает дефицит рабочей силы и должно уменьшать остроту кризиса, замедлять темп его развития. Но здесь все зависит от темпа накопления капитала. Если темп накопления невысокий, как это имело место на ранних стадиях развития капитализма, то и развитие кризиса будет вялым, почти незаметным. Но при достаточно большом ТЕМПЕ накопления и достаточно высокой степени эксплуатации увеличение количества рабочих рук на рынке труда за счет разорения части предпринимателей не компенсирует дефицита рабочей силы. Этих рабочих продолжает все больше нехватать для применения новому произведенному капиталу в виде средств производства. Кроме того, не нужно забывать, что уволенные рабочие, как правило, имеют иную квалификацию и профессию, чем требуется для того, чтобы задействовать вновь произведенные средства производства.

В такой обстановке предприятия 1-го подразделения не могут нормально работать, так как их продукция не реализуется. Они останавливаются или переходят на неполный рабочий день. Увольняются рабочие 1-го подразделения. Платежеспособный спрос со стороны населения падает, потребление сокращается, конкурентная борьба за сбыт обостряется путем дальнейшего снижения цен, что приводит к дальнейшему разорению или остановке предприятий уже во втором подразделении, и к дальнейшему увольнению новых рабочих.

Налицо явный парадокс. Процесс, начавшийся с истощения ресурсов рабочей силы, привел через повышение зарплаты рабочих к разорению относительно неэффективных предприятий, и к появлению огромных масс безработных, к излишку рабочей силы. Потребление в обоих подразделениях резко сокращается, рынок "коллапсирует" (сжимается), так как разорившиеся предприниматели перестают покупать средства производства, и их непроданное количество возрастает еще более. Возникает лавинообразный процесс, ускоренный и обостренный законами капиталистического производства.

Повышение цены на рабочую силу при экстенсивном расширении производства в результате возникновения ее дефицита является причиной, приводящей к кризису во всех отраслях хозяйства. Вновь произведенный капитал в виде сырья и средств производства не может быть применен из-за отсутствия рабочей силы. Начинается кризис, и по видимой причине он начинается с перепроизводства капитала, хотя по-существу он начинается с дефицита рабочей силы.

Может возникнуть вопрос: "А каким же образом возникает дефицит рабочей силы, если всегда есть безработные?" Ответ уже был дан выше: большинство безработных в каждый данный момент времени - это люди либо низкой квалификации, либо не той специализации, профессии, которая на данный момент нужна развивающейся промышленности. На перекавалификацию специалистов и рабочих нужны время и деньги, а кризис не ждет - время его развития измеряется месяцами, а то и неделями. Поэтому возникновение дефицита рабочей силы возможно и при наличии армии безработных; точнее его можно назвать дефицитом необходимой рабочей силы среднего качества. Последнее обстоятельство является весьма существенным, ибо использование рабочей силы более низкого качества означает в конечном счете снижение конкурентоспособности выпускаемой продукции, совершенно так же, как если бы при ее выпуске использовалось бы низкокачественное сырье или изношенное сверх меры оборудование.

Способ преодоления этого затруднения известен - он точно такой же, как и при дефиците и повышении цены любого другого товара. Этот способ - повышение производительности труда, снижение издержек производства, техническое перевооружение производства. Действительно, кризиса можно было бы избежать, если бы вновь созданные средства производства были бы не просто новыми станками прежних типов, каждый из которых требует новых рабочих рук, а были бы машинами более высокопроизводительными, обеспечивающими увеличение выпуска продукции при том же количестве рабочих рук. Именно в этом смысле и следует понимать выражение "техническое перевооружение производства".

Другими словами, темпы роста объема промышленной продукции должны соответствовать темпам роста производительности труда. Если этого не происходит, значит, расширение производства идет за счет притока рабочей силы в промышленность, и наоборот, если налично такой приток, значит темпы роста производительности труда отстают от темпов роста производства.

(Читатель должен был заметить, что пока при анализе возникновения и развития кризиса нам не потребовалось учитывать потребление и само наличие класса капиталистов. События будут развиваться точно так же, если класса капиталистов вообще не существует. Перед нами картина действия закона стоимости при товарном производстве, причем большая часть этих выводов справедлива для любого промышленного производства, в том числе и для "социалистического".

Однако на пути преодоления кризиса с помощью повышения производительности труда существует опасность, связанная с тем, что, начатое слишком поздно, техническое перевооружение производства может сильно затянуться из-за спада деловой активности во время уже начавшегося кризиса. Техническое перевооружение производства *должно опережать* возможное возникновение дефицита рабочей силы, чтобы не допустить возникновения кризиса.

До второй мировой войны в периоды промышленного подъема производство расширялось преимущественно на экстенсивной основе, на постоянной для данного периода технической базе, так как это был наиболее простой путь получения максимальной прибыли; а получение максимальной прибыли при данных условиях всегда было единственным критерием успешной деятельности капиталистического предприятия.

Таким образом, в условиях наличия исключительно частной собственности на средства производства основной закон бытия человечества - ЗАКОН СТОИМОСТИ - при определенной степени развития производительных сил общества вызывает периодически повторяющиеся кризисы.

По мере усиления международной торговли и связей между промышленным производством различных стран кризисы перепроизводства капитала (если называть их правильно) стали захватывать все большие районы Земного шара, превращаясь в мировые кризисы. Отправным пунктом крупномасштабных кризисов по-прежнему является дефицит рабочей силы, но уже возникающий повсеместно и в гораздо больших размерах из-за того, что с развитием капиталистической системы в определенный исторический период развития техники специализация рабочей силы исчезает в связи с внедрением массового поточного производства и упрощением отдельных операций при разделении труда. Возникновение дефицита рабочей силы определяется все тем же несоответствием между темпом роста капитала, ростом производства средств производства и недостаточным темпом роста производительности труда. Последнее же вызывается тем, что в условиях господства исключительно частной собственности предприниматели не могут самостоятельно проводить разумную амортизационную политику. Они не могут вкладывать вновь созданный капитал тем или иным способом в разработку и производство новой высокопроизводительной техники, ибо это не дает во многих случаях немедленной прибыли, необходимой для выживания предприятия. Отсюда и пошли истории о несчастных изобретателях, чьи выдающиеся изобретения, бывало, "клялись предпринимателями под сукно", задерживались с внедрением, потому что не было необходимых средств и возможностей для их реализации, доходы от которой виделись где-то в туманном будущем. Предприниматели в этих условиях были вынуждены увеличивать производство и снижать себестоимость продукции простейшими средствами, имеющимися

в их распоряжении, в значительной степени путем простого расширения производства, которое, несколько снижая затраты на выпуск единицы продукции, неизбежно ведет в конечном счете к появлению дефицита рабочей силы, а вслед за этим - к очередному кризису.

Расширенное производство на интенсивной основе

Устранить основное противоречие, возникающее в ходе накопления капитала, можно только тем же самым путем, каким устраняется любой кризис, возникающий при появлении дефицита любого другого товара (в данном случае товара рабочая сила). Этот путь - повышение производительности труда.

Но при рассмотрении вопроса о расширенном производстве мы нигде не занимались специально вопросом роста производительности труда. Она росла сама по себе, стихийно, беспланово, в ходе естественного прогресса человеческих знаний. Специально на ее повышение почти не выделялось средств, не затрачивался капитал. По крайней мере в марксовых схемах. Между тем ясно, что создание более высокопроизводительных машин, чем существующие, возможно лишь благодаря специальным усилиям в этом направлении, усилиям, требующим дополнительных капиталовложений и квалифицированного труда, усилий не изобретателей-одиночек, не отдельных лабораторий, а целых фирм, институтов и даже отраслей науки и техники. Чем дальше мы продвигаемся по пути прогресса, тем нужно затрачивать все больше и больше таких усилий.

Откуда же взять для этого средства, и как в этом случае может и должен происходить процесс накопления?

Пусть первый оборот капитала 1-го подразделения принес прибавочную стоимость m' . Пусть она была направлена не на расширение производства при прежнем уровне производительности труда, т.е. не разделилась на $m(c)$ и $m(v)$ в отношении S , а была направлена на научно-технические разработки новой высокопроизводительной техники *для обоих подразделений*. При этом она, конечно, тоже может и должна делиться на постоянный и переменный капитал, так как нужно нанять новую рабочую силу и приобрести новое оборудование, но эти последние имеют совершенно другое качество. Эта рабочая сила - высококвалифицированные ученые и инженеры, а это оборудование - научное оборудование, предназначенное не для выпуска предметов потребления, а для научных и технических исследований и разработок.

Поэтому и органическое строение этого капитала может быть *первоначально* совершенно иным, чем в остальных сферах промышленности.

Таким образом

$$m' = C''' + V'''$$

Часть C''' осталась в 1-ом подразделении, часть V''' обменялась на продукты потребления во 2-ом подразделении.

После второго оборота капитала в 1-ом подразделении создалась прибавочная стоимость $2m'$ в виде новых средств производства. Теперь, после двух оборотов капитала, у нас имеется часть m' от предыдущего оборота в виде C''' и сама $2m' = nV'$ (расчет упрощенный, только для примера, так как не учитывается прибавочная стоимость от труда инженеров, возникающая из капитала V''').

Но вот стоимость $2m'$ – это качественно новая стоимость. Для того, чтобы функционировать как капитал, ей уже не нужно делиться на C и V , ей не нужны новые рабочие. Это более высокопроизводительные машины, созданные трудом рабочих и инженеров, за который был уплачен капитал общей стоимостью $(V' + V''')$, и они могут обеспечить почти при том же количестве рабочей силы большее количество продукции, чем оно было бы выпущено при простом расширении производства на прежней технической основе. Стоимость всей этой продукции теперь, конечно, выросла и составляет примерно

$$W = C' + V' + 2m' = C' + V' + nV' + C'''$$

но стоимость единицы этой продукции остается на прежнем уровне или может даже уменьшиться, если ее выпускается достаточно много.

Теперь капиталисты 2-го подразделения на накопленную у них за два цикла прибавочную стоимость (m'' и $2m''$) могут купить у 1-го подразделения новые высокопроизводительные машины, и при этом им также не нужно делить вновь созданный капитал на постоянный и переменный, так как дополнительное количество продукции и более высокая стоимость будут созданы руками и усилиями того же количества рабочих второго подразделения.

Более того, возникшая в 1-ом подразделении в результате второго оборота капитала стоимость $2m'$ может при определенных условиях (ведь это - средства производства) вновь быть пущенной в накопление, представляющее теперь собой уже процесс создания новой высокопроизводительной техники, с помощью все тех же ученых и инженеров, того же их числа. То есть для осуществления последующих оборотов капитала в 1-ом подразделении не нужно каждый раз вновь произведенный капитал делить на постоянный и переменный.

Таким образом, вместо того, чтобы искать на рынке свободные рабочие руки, теперь капиталу нужно искать свободные рабочие головы, умные головы инженеров. Но эти головы сами по себе не появляются на рынке. Вначале их очень мало (их и потом будет все время нехватать). Поэтому их рыночная цена велика. За свое образование они платят сами (или им помогают фирмы и государство, если видят в этом практическую выгоду). Отсюда величина V''' представляется достаточно большой, что несколько снижает величину органического строения капитала в этой новой отрасли, в так называемом ТРЕТЬЕМ ПОДРАЗДЕЛЕНИИ. Этим, кстати, и объясняется большая разница в заработной плате между низко- и высококвалифицированными рабочими и инженерами. Однако, эта новая рабочая сила, так же, как и создаваемый ею продукт – научно-технические знания и на их основе высокопроизводительные средства производства – обладают замечательной особенностью, а именно: они могут участвовать в нескольких оборотах капитала, каждый раз возрастающего по своей величине, без увеличения их собственной численности.

Капитализм сделал первое важное открытие в своей жизни, когда нашел товар - рабочую силу - потребление которого создавало большую стоимость, чем стоимость самого товара.

Капитализм сделал второе, не менее важное открытие, когда нашел рабочую силу, которая сама стала производить капитал - науку в лице ученых и инженеров.

Раньше простая рабочая сила производила только прибавочную стоимость, именно *стоимость*, которая могла стать капиталом только совершив процесс деления на постоянный и переменный капиталы, *только при этом условии она могла самовозрастать*.

Теперь новая производительная сила, новое средство производства – НАУКА – сама производит капитал, потому что вновь созданная стоимость уже не нуждается в делении для того, чтобы самовозрастать; достаточно ее приложить к уже имеющейся рабочей силе в виде ученых и инженеров. Именно поэтому наука называется производительной силой, вот в чем смысл этого названия. Но название это не вполне правильное, следовало бы называть науку средством производства.

Все это дает возможность капиталисту не заботиться более о поиске рабочей силы прежнего качества, простой рабочей силы, а требует от него сосредоточить усилия на организации производства и науки. Результатом всего этого является вот что:

1. Если при постоянном рабочем дне и внедрении новой высокопроизводительной техники стоимость единицы продукции уменьшилась (в целом по обществу и по всем производимым продуктам), значит, уменьшилось и необходимое рабочее время для производства рабочей силы и, значит, теоретически степень эксплуатации рабочей силы может увеличиться.

2. Так как в результате накопления капитала в виде все более дорогостоящей техники органическое строение капитала S может увеличиться, то норма прибыли может уменьшиться. Но предыдущая причина может противодействовать этому.

3. Так как стоимость рабочей силы, необходимой как для первого, так и для всех остальных подразделений, все время увеличивается, то рост органического строения капитала S , вызванный применением машин с более высокой стоимостью, по этой причине может замедляться.

4. Увеличение частей V' и V''' (но не за счет численности работающих, а за счет применения более высококвалифицированной, более высокооплачиваемой рабочей силы) при прежней степени эксплуатации труда позволяет получить относительно бóльшую абсолютную величину прибавочной стоимости.

Таким образом представляется, что могут существовать определенные условия, позволяющие сбалансировать все эти взаимно противоречивые *тенденции*. Мировой кризис 1929-31 гг заставил ведущие капиталистические государства, прежде всего США, заняться исследованием экономических законов и принять на себя функции регулятора

экономических отношений. Этому способствовало также значительное к тому времени развитие банковской системы; очень большое количество предприятий осуществляло все свои финансовые расчеты через банки, которые могли таким образом контролировать их деятельность. Государственный сектор уже выступает таким образом как некий внешний фактор по отношению ко всем предпринимателям страны. Не вдаваясь в рассмотрение экономических инструментов и механизмов, которые использует капиталистическое государство для регулирования экономики, отметим только, что благодаря развитию национальных банков и государственного сектора в промышленности, государственные мероприятия во многих случаях обеспечивают опережающий темп повышения производительности труда, исключая возможность возникновения дефицита рабочей силы, прямо ведущего к кризису.

Здесь уместно будет привести высказывание одного американского специалиста на советско-американском симпозиуме по экономике, по-видимому близко знакомого с этой проблемой.

"При оценке антициклических мероприятий государства, - пишет А. Бэрнс, - следует избегать крайностей. Нельзя отрицать действенности некоторых из них, иногда достаточно сильно влияющих на формирование цикла. Но надо также ясно видеть, в каких сложных условиях осуществляются правительственные мероприятия, направленные на сглаживание циклических колебаний. Чтобы экономические рецепты были действенными, необходимо, чтобы правильно ставились экономические диагнозы. Пока что такие диагнозы несвоевременны, несовершенны, а иногда – ошибочны. На практике мы обычно не уверены в понимании характера наших экономических трудностей. Это, по необходимости, ограничивает эффективность использования какого-нибудь одного, главного инструмента или их комбинаций.

Серьезным препятствием для проведения действенной антициклической политики является также разрыв во времени между принятием решений и реализацией мер хозяйственного регулирования..."

Одним из таких инструментов регулирования экономики являются амортизационные отчисления. Это средства, являющиеся частью полученной прибыли, которые, в отличие от последней, не облагаются налогом. Контроль за расходованием этих средств осуществляется банками, а сами эти средства направляются на модернизацию производства, на увеличение в конечном счете производительности труда.

И здесь следует обратить особое внимание на указание Маркса о воздействии на продолжительность жизни основного капитала не только физического, но, главным образом, морального износа, под которым понимается снижение производительности данных средств производства по сравнению с возросшей средней производительностью труда в обществе.

"Срок службы средств производства...сокращается вследствие постоянных переворотов в средствах производства, переворотов, которые с развитием

капиталистического способа производства постоянно учащаются, превращаясь в непрерывный процесс модернизации производства."

"С этим связаны и смена производства и необходимость постоянного возмещения средств производства вследствие их морального износа, который наступает задолго до того, как они физически отживут свое время". т. е. придут в негодность.

"Амортизационные отчисления в ходе расширенного воспроизводства используются как часть стоимости, которая, отделившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый - в добавочный или в более эффективный основной капитал".

Все эти проблемы весьма актуальны в современный период. В развитых капиталистических странах амортизационной политике придается большое значение именно сейчас, когда идет научно-техническая революция. Согласно этой политике осуществляется ускоренное списание основного капитала, "расчистка" места для внедрения новой техники. Амортизационные отчисления не облагаются налогом, и это стимулирует техническое перевооружение производства. В настоящее время значительный рост суммы амортизационных отчислений привел к самофинансированию монополий, т. е. к превращению амортизационных отчислений в один из основных источников капиталовложений.

Только после того, как значительная часть доходов предприятий стала расходоваться не на прямое расширение производства, а на повышение производительности труда, когда возникли целые отрасли машиностроительной и электронной промышленности, задачей которых был не просто выпуск все более высокопроизводительных машин, а машин еще и *выгодных* для внедрения (машин для производства машин), что обеспечивает эту выгоду; только после внедрения разумной амортизационной политики, направленной на достижение вышеуказанной цели, и ряда других государственных экономических мероприятий, стало возможным успешное сочетание экстенсивного развития производства с непрерывным его техническим перевооружением, постоянно отодвигающим в будущее момент возникновения дефицита рабочей силы, а, следовательно, и момент начала кризиса.

Инфляция

Накопление капитала вышеописанным способом, путем интенсификации производства, не обязательно имеет следствием удешевление единицы продукции. Далеко не во всех случаях внедрение высокопроизводительного и соответственно более дорогого оборудования сопровождается таким большим увеличением выпуска продукции, что удается снизить цену на единицу этой продукции. Продукции выпускается действительно больше, но и стоимость она имеет большую. Капитал выполнил свою жизненную функцию, он возрос, возросла его стоимость. Но при этом норма прибыли могла и уменьшиться. Ведь если возрос постоянный капитал, а переменный остался прежним, то норма прибыли уменьшается. Может уменьшиться даже норма прибавочной стоимости, если из-за удорожания средней единицы продукции необходимое рабочее время увеличилось, а прибавочное уменьшилось. Конечно, переменный капитал $V'+V'''$ тоже возрос, ведь на него

обмениваются продукты 2-го подразделения. Возрос, по-видимому и V , так как возросла квалификация занятого персонала, а вместе с тем и стоимость рабочей силы; возросла заработная плата. Но стоимость единицы продукции может тоже возрасти – одно другому не противоречит. Этот процесс называется инфляцией.

Инфляция происходит из-за того, что значительная часть капитала расходуется на повышение эффективности производства, и потому, что ускоренное списание старого оборудования вызывает увеличение доли основного капитала в единице продукции. Чем выше темп развития отрасли, тем быстрее устаревает как продукция, так и оборудование для выпуска этой продукции. Остановить этот процесс невозможно, так как вместо инфляции, тесно связанной с интенсификацией производства и являющейся, по-существу, ее следствием, мы немедленно получим кризис, связанный с дефицитом рабочей силы. Можно только спорить о мерах по снижению темпа инфляции и уменьшению ее отрицательного действия на перспективное качество будущей рабочей силы, но этим занимаются специалисты и обсуждение этого вопроса в нашу задачу не входит.

Часто можно слышать утверждения, что инфляция вызывается гонкой вооружений, что цены растут из-за того, что часть промышленности работает на создание военной техники, по-существу бесполезной для народа, что труд рабочих, занятых в этих отраслях, является выброшенным впустую а зарплату им платить надо, и потребляют они из общего котла, "съедая" часть произведенной обществом продукции, не производя ее и так далее. Для капиталистической системы это неверно.

США тратят только около 30% от своего государственного бюджета (образованного за счет налогов) на оборону, что составляет само по себе достаточно малую часть от всего национального дохода. Средства государственного бюджета получают в капиталистическом государстве от налогов на прибыль предпринимателей и эти налоги, хотя и заметные, не составляют львиной доли от самой величины прибыли. Цены же растут гораздо быстрее, причем не только и не столько на продукты питания и потребления, как это должно было бы следовать из разного рода "заказных" рассуждений, а как раз на средства производства, что подтверждает нашу точку зрения на причину инфляции. Если бы можно было полностью свернуть военное производство, то инфляция от этого нисколько бы не уменьшилась, точно так же как от прекращения военного производства не исчезла бы возможность кризиса. Характер производимой продукции (будь то военная продукция или средства мирного освоения космоса, не сулящие немедленной прибыли или другие нематериальные потребности общества, на которые оно сочло необходимым и возможным выделить специально часть средств из своих доходов), виды производимых товаров не имеют ничего общего с самими товарными отношениями, а именно этими отношениями и определяются возможности развития кризисов и темпы инфляции.

Только для примера рассмотрим таблицу федерального бюджета США, приведенную в приложении к журналу "Мировая экономика и международные отношения" номер 8, 1981, стр.110.

Федеральный бюджет США

Доходы	78\79	79\80	80\81	81\82
Индивидуальный подоходный налог	217,8	244,1	284,0	233,2
Налог на прибыль корпораций	65,7	64,6	66,0	62,4
Взносы на социальное страхование	141,6	151,8	174,8	203,3
Прочие доходы	22,1	35,2	38,3	55,7
Косвенные налоги	18,7	24,3	44,4	55,7
Сумма	465,9	520,0	607,5	650,3

Расходы	78\79	79\80	80\81	81\82
Военные	117,7	135,9	162,1	188,8
Экономическая помощь другим государствам	6,1	10,7	11,3	11,2
Научно-исследовательские работы и освоение космоса	5,0	5,7	6,3	6,9
Сельское хозяйство	6,2	4,8	1,1	4,1
Природные ресурсы, охрана окружающей среды и энергетика	19,0	20,1	21,8	20,7
Содействие развитию промышленности, торговли и транспорта	18,2	27,2	26,2	22,1
Жилищное строительство и коммунальное хозяйство	9,5	10,1	11,1	8,1
Образование и подготовка кадров	29,7	30,8	31,8	25,8
Здравоохранение	49,6	58,2	66,0	73,4
Социальное обеспечение, в том числе:				
-пособия безработным	10,7	18,0	26,1	19,0
-помощь голодающим	28,6	36,7	42,2	40,5
-пенсии ветеранам войны	19,9	21,2	22,6	23,6
-проценты по государственному долгу	52,6	74,8	94,1	98,1
Сумма	493,7	579,6	662,7	695,3
Сальдо	-27,7	-59,6	-55,2	-45,0

Теперь проведем некоторые очень грубые подсчеты.

Во-первых, если мы вспомним, что число работающих в США составляет около 100 млн. человек, и в среднем каждый из них зарабатывает около 1500 долл. в месяц, то-есть около 20 тыс. долл. в год, то общая годовая сумма заработной платы в стране составит примерно 2000 миллиардов долл. или 2 триллиона. Таким образом указанный в таблице подоходный налог составляет несколько более 10% от среднего заработка. То же относится и к страховым взносам.

Из таблицы следует (столбец 81/82 гг), что военные расходы составляют

$$188,8:650,3 = \text{примерно } 29\%$$

От общей суммы заработной платы это составляет всего около 3%, а от суммы национального дохода и того меньше. Вряд ли сокращение военных расходов даже до нуля помогло бы ликвидировать кризисы и безработицу, хотя, конечно, аж на 3% облегчило бы участь безработных и пенсионеров. Из таблицы, в частности, следует, что утверждения о постоянном сокращении расходов на здравоохранение и социальное страхование просто ложны – они растут как относительно, так и абсолютно.

Мы уже не будем обращать внимание на то, что у редакторов журнала "МЭ и МО" как говорится "сальдо не сходится с бульдо", а именно – если сложить все расходы в столбце 81/82, то получится цифра 603, а не 695,3. Если сложить все составляющие раздела "Социальное обеспечение", вы получите не 241,6, а 181,2. Сумма первых пяти пунктов "ДОХОДОВ" равна 595,3, а вовсе не 650,3. И так почти по каждому столбцу. Радует лишь совпадение доходов в первых трех столбцах с их суммой – значит, мы действуем правильно, складывая из частей целое, и ничего не упускаем из виду.

На кого рассчитана такая с позволения сказать "информация", если не на недоумков, которым лень взять в руки конторские счета?! Это несоответствие, конечно, не обесценивает наших представлений о влиянии военных расходов на благополучие нации, скорее – оно их может только уточнить.

Автоматизация производства

Любая наука, претендующая на точность, имеет дело с величинами, которые тем или иным способом можно измерить. Но на вопрос: "Чем и как можно измерить стоимость?" - эту основную категорию марксовской политэкономии, нельзя дать никакого ответа. Величина стоимости неизмерима, эта категория введена политэкономиями лишь для объяснения их точки зрения на происхождение, источник прибавочной стоимости. И, хотя примеры "расчета" Марксом валовой стоимости всего национального продукта "сходятся" на бумаге, это всего лишь примеры для школьников, не более того. В масштабах общества, реальной общественной системы такой расчет сделать вряд ли возможно.

Но это и не требуется. Понятие *стоимости* непродуктивно, оно практически никогда и нигде само по себе не используется. На практике имеют место средняя прибыль, цена производства и издержки производства. Эти три понятия хорошо объяснены и связаны у Маркса. С них мы и начнем выяснение вопросов, которые как нам кажется, не нашли достаточной проработки в "Капитале". И начнем мы с того места, где остановился Маркс, с вопроса о выяснении происхождения средней нормы прибыли.

Для начала мы согласимся с основными исходными допущениями Маркса, а именно – что норма прибавочной стоимости во всех отраслях общественного производства одинакова. Мы также согласимся пока с примерами Маркса, представленными на стр.263 третьего тома, только несколько видоизменим эту таблицу. Не меняя существа дела, мы расположим капиталы пяти различных отраслей в ином порядке, а именно - в порядке возрастания органического строения капитала S сверху вниз. Тогда обе таблицы Маркса, сведенные в одну, будут иметь вид:

Капиталы	Норма прибав. стоим.	Прибав. стоим.	Потреб. часть «С»	Издержки производства	Стоимость	Цена	Отклонение цены от стоимости
60С+40V	100%	40	51	91	131	113	-18
70С+30V	100%	30	51	81	111	103	-8
80С+20V	100%	20	70	90	90	92	+2
85С+15V	100%	15	40	55	70	77	+7
95С+5V	100%	5	10	15	20	37	+17

при условии средней прибыли 22% и среднего органического строения капитала $S=78c/22v$.

Далее цитируем Классика:

"Цена производства товара равняется таким образом издержкам его производства плюс присоединенная к ним... средняя прибыль ("Капитал" т.3 с.164) "Нормы прибыли, господствующие в различных отраслях, первоначально очень различны. Они уравниваются путем конкуренции в единую общую норму прибыли, представляющую собой среднее из этих различных норм прибыли... Только конкуренция капиталов в различных отраслях производства создает цену производства, уравнивая норму прибыли между отраслями (там же стр.187)... Если предложение и спрос покрываются, товары продаются по их рыночной стоимости (стр.197) "которая мало отличается от цены производства."

Маркс говорит, что рыночные индивидуальные стоимости товаров посредством внутриотраслевой конкуренции превращаются в рыночную стоимость. В зависимости от соотношения между спросом и предложением происходят колебания рыночной цены. Эта цена также отклоняется от цены производства, но при равенстве спроса и предложения, по-видимому, стремится к ней. Это - одна сторона конкуренции.

Но при более высоком уровне развития капиталистических производственных отношений:

"... дело идет о том, чтобы продать товары по ценам, доставляющим среднюю прибыль... какую получает всякий другой капитал такой же величины" (стр.203) в любой другой отрасли. "Капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль... капитал осуществляет такое соотношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль... Постоянное уравнение происходит тем быстрее, чем подвижнее капитал, т. е. чем легче он может быть перенесен из одной сферы в другую и... чем скорее рабочая сила может быть переброшена из одной сферы в другую (стр.204)."

Из 50 страниц, посвященных уравниванию средней нормы прибыли, на эту основную мысль отводятся лишь две последние. Очень интересен здесь еще один момент:

"Капиталист, даже вовсе не затрачивающий в своей отрасли переменного капитала, следовательно, вовсе не применяющий труда (что в действительности, конечно, невозможно), совершенно так же извлекал бы свою прибыль из неоплаченного прибавочного труда, как и капиталист, который (опять-таки в действительности невозможное допущение) применял бы только один переменный капитал, затрачивая таким образом весь свой капитал на рабочую силу, на заработную плату".

Маркс не идет дальше. Мы же вынуждены сделать следующий шаг, так как дожили до тех времен, когда капиталисты "делают невозможное" – применяют полностью автоматизированные предприятия без использования рабочей силы (японские гибкие производственные системы-роботы), а также организуют предприятия с использованием рабочей силы в чистом виде без какого-либо оборудования (фирмы-посредники и пр.). На первых порах нас будет интересовать совсем простой вопрос: при каких условиях выгодно заменять ручной труд машинным, живой труд рабочих - автоматами?

Получить на него ответ оказывается трудно, если не разобраться детальнее в механизме выравнивания межотраслевой нормы прибыли. По счастью, Маркс не успел дать обоснованного объяснения действия этого механизма, поэтому нам здесь не придется его ни "поправлять", ни "опровергать".

Марксово объяснение процесса выравнивания средней нормы прибыли может быть верным теоретически, однако на практике такой процесс может происходить с очень большими задержками во времени. Гораздо быстрее происходит автоматический процесс саморегулирования внутри отрасли, сводящийся к следующему.

Повышенная норма прибыли в отрасли ведет к ускоренному накоплению капитала. Этот капитал вкладывается в расширение старых и строительство новых предприятий. Но, хотя товары и продаются с повышенной нормой прибыли, уровень спроса не увеличивается пропорционально увеличению предложения и темпу накопления капитала. Так может иногда происходить только в редких случаях при очень высоком уровне спроса. Спрос может стать ограниченным даже при снижении цены на товары в отрасли из-за увеличения в ней конкуренции. Поэтому при постоянном уровне спроса и появлении конкурентов, действующие предприятия вынуждены уменьшать объем продаж таким образом, чтобы общее количество проданных отраслью изделий не увеличилось. Величина постоянного капитала в отрасли увеличилась за счет основного капитала новых предприятий (оборотный капитал в отрасли мы считаем неизменным, раз не изменилось общее количество произведенных товаров). Но предприятия переходят на сокращенную рабочую неделю, на неполный рабочий день. Для каждого отдельного предпринимателя это означает при уменьшенном "V" относительное увеличение "C". а стало быть и уменьшение прибавочной стоимости. В отрасли происходит увеличение "S". Кроме того, при борьбе за распределение ресурсов оборотного капитала цена на него может возрасти. Тогда затраты на постоянный капитал еще больше возрастут и норма прибыли еще более снизится.

(Поэтому, кстати, очень трудно бороться с крупным капиталом - нужно создать такой же капитал по величине, чтобы снизить его доходы вдвое. А когда капиталы мелкие - они возрастают стихийно и их трудно объединить.)

Увеличение органического строения капитала в отрасли продолжается до тех пор, пока прибыль не упадет до средней. Таким образом вследствие конкуренции в условиях ограниченного спроса, увеличение вложения капитала ведет к снижению прибыли в отрасли.

Такое объяснение процесса выравнивания нормы прибыли не требует привлечения каких-то посторонних соображений о перераспределении капитала между отраслями; все определяется внутриотраслевой конкуренцией. Обратим внимание и на то, что нам здесь не требуется использовать понятие стоимости как таковой, то-есть как некоторой неизмеряемой величины, которая может быть как больше, так и меньше величины средней прибыли.

Капиталист стремится противодействовать процессу снижения средней нормы прибыли, снижающему его годовой доход. Чтобы этот доход не уменьшился, капиталисту нужно так снизить издержки производства, чтобы товар остался того же качества, но мог быть продан по меньшей цене и в большем количестве. Это можно сделать только в том случае, если ввести в производство высокопроизводительное оборудование. Эта мера вызовет увеличение доли постоянного капитала, уменьшение доли переменного капитала, но, как это ни кажется странным с первого взгляда, повышает норму прибыли. А странным это кажется поначалу только потому, что мы уже свыклись с многократно повторяемым тезисом Маркса о том, что прибавочный продукт создается только за счет эксплуатации рабочей силы и, следовательно, чем больше рабочей силы используется в производстве, тем больше величина прибыли. На самом деле это не так, что мы сейчас и покажем, и что, между прочим, совершенно не противоречит всему, ранее изложенному Марксом.

Итак, до тех пор, пока в отрасли идет процесс накопления капитала (причем неважно, накапливается ли он только за счет повышенной нормы прибыли в отрасли или перетекает в нее из других отраслей), рабочий день сокращается, возникает избыток рабочей силы. Идут два противоположно направленных процесса – увеличение "С" и уменьшение "V".

Вначале, для ясности, рассмотрим небольшой пример. Пусть в отрасли, в которой $S = C/V = 60/40$ средняя прибыль равна $n=22\%$, и пусть она даже равна средней норме прибыли, хотя это и не обязательно. Если из 60с расходуется 50с, то издержки производства $ИП=50+40=90$ и товары отрасли продаются по цене производства $ЦП=90+22=112$. Что произойдет, если теперь на каком-либо одном предприятии заменить всех рабочих машинами?

Примем для простоты, что новый постоянный капитал изнашивается или расходуется в прежней пропорции. Тогда из 100с авансированных будет израсходовано $5/6$ части, то есть 83с. Поскольку переменный капитал теперь равен $V=0$, то $ИП=83$. Так как остальные производители продолжают производить при прежнем ОСК, то ЦП товара не изменится, она по-прежнему будет равна $ЦП=112$, и капиталист автоматизированного предприятия получит прибыль $n=112-83=29$. Он выиграл +7.

Если заменяется машинами только часть рабочих, выигрыш будет меньше, но он все равно будет. Но это до тех пор, пока не будет автоматизирована вся отрасль. А дальше?

Если объем продаж останется тем же, капиталисты этой отрасли начнут получать прибыль более средней, более 22%. В отрасли начнет накапливаться новый капитал, конкуренция на продаже продукта и покупке сырья усилится, товары могут стать несколько дешевле, а сырье - несколько дороже. Прибыль вернется к средней величине. Если цены на сырье не изменились, то не изменились и издержки производства, так что цена продукта стала $ЦП=ИП+N_{ср}=83+22=105$. *Цена товара должна падать*, если не учитывать подорожания оборотного капитала.

Рабочие, высвободившиеся из полностью автоматизированной отрасли, должны будут найти себе новую работу или пополнить ряды безработных. Следует отметить, что вследствие необходимости производить новое автоматизированное оборудование для нашей отрасли, в других отраслях образовались другие рабочие места. Однако при этом возможно, что там требуется другая рабочая сила, другого качества, другой специализации. Вопрос о переподготовке рабочей силы является сегодня одним из основных вопросов дальнейшего роста капиталистической экономики.

Подорожание оборотного капитала, т.е. сырья для нашей отрасли при ее частичной или полной автоматизации, может быть вызвано усилением конкурентной борьбы из-за возникновения новых предприятий. Это подорожание может иметь место из-за получения отраслью повышенной прибыли, часть которой может быть перераспределена между поставщиками сырья и поставщиками автоматизированного оборудования из других отраслей в нашу отрасль. Интересно отметить, что после удаления из отрасли всех рабочих предприниматели оказываются в положении, когда применять неполный рабочий день нет смысла, дешевле оставить в работе только часть оборудования, заставив его работать круглосуточно, а все лишнее – продать. Часть капитала снова утечет из отрасли, и в ней останется ровно столько капитала, сколько необходимо для получения средней прибыли. Описанные процессы могут быть как аperiодическими, так и колебательными, в зависимости от целого ряда внешних и внутренних условий.

В наиболее выгодных условиях при внедрении автоматизации находятся отрасли с малым отношением C/V . Хотя и до внедрения автоматизации, и через некоторое время после ее введения капиталисты получают ту же самую среднюю прибыль, но во время переходного процесса из одного состояния в другое они успевают сорвать некоторую часть сверхприбыли, возникающей из-за того, что часть отрасли еще продолжает работать при прежнем отношении C/V . Чем быстрее капиталист реорганизует свое производство в сторону автоматизации, тем большее время он может продавать свои товары по прежней цене, получая добавочную прибыль; тем большее время он может покупать сырье по прежней цене, получая добавочную прибыль; тем большее время он может покупать сырье по прежней цене, если оно вздумает потом подорожать. Поэтому хотя в отрасли с малым отношением C/V , то есть с малым ОСК, применяется бóльший процент ручного труда, и, казалось бы, это выгодно для капиталиста, общий закон стоимости диктует капиталисту избавляться от ручного труда, вернее, от избытка ручного труда.

От частных примеров, приведенных выше, перейдем к общему случаю с произвольной величиной ОСК. Пусть при применении обычной рабочей силы издержки производства составляют

$$ИП_1 = K_1C + V$$

где K_1C - часть постоянного капитала, переносящего свою стоимость на продукт;
 V - переменный капитал, входящий в продукт полностью.

Если мы полностью автоматизируем наше производство, то величина переменного капитала станет равной нулю. Но теперь на эти деньги мы купим не рабочую силу, а машины (конечно, если такие машины можно придумать, если они появились на рынке). Таким образом, для покупки новых производственных автоматов у нас есть сумма $(C + V)$. На самом деле, конечно, стоимость оборудования обычно меньше стоимости C , так как C делится на основной и оборотный капитал. Но для наших рассуждений это не имеет пока большого значения, тем более, что есть отрасли, где оборотный капитал составляет существенно меньшую величину, чем основной.

Теперь на продукт за то же время будет перенесена стоимость

$$ИП_2 = K_2 (C + V)$$

Величина K_2 показывает, что новое оборудование может изнашиваться с другой скоростью, чем старое, переносить на произведенный продукт большую или меньшую часть от суммарной стоимости новых средств производства.

Замена $ИП_1$ на $ИП_2$ выгодна только в том случае, если $ИП_2$ МЕНЬШЕ, чем $ИП_1$. Однако результат замены будет различным при различном ОСК, то есть при различном отношении C/V .

На рис.1 изображены графики, связывающие величины K_1 и K_2 между собой при различных величинах ОСК как параметра при условии, что $ИП_1 = ИП_2$. Из этих графиков следует, во-первых, что при любом ОСК величина K_2 всегда больше K_1 . Это означает, что если принять издержки производства равными в обоих случаях, то, как раз для обеспечения равенства издержек производства при одной и той же величине V , во втором случае можно допустить больший износ основного капитала. При одной и той же степени переноса основного капитала на продукт издержки производства во втором случае (в случае автоматизированного производства) всегда окажутся меньше, чем при использовании живой рабочей силы. (Укажем еще раз, что все это верно при условии, что удастся найти на рынке машины-автоматы с той же производительностью и по цене $(C+V)$).

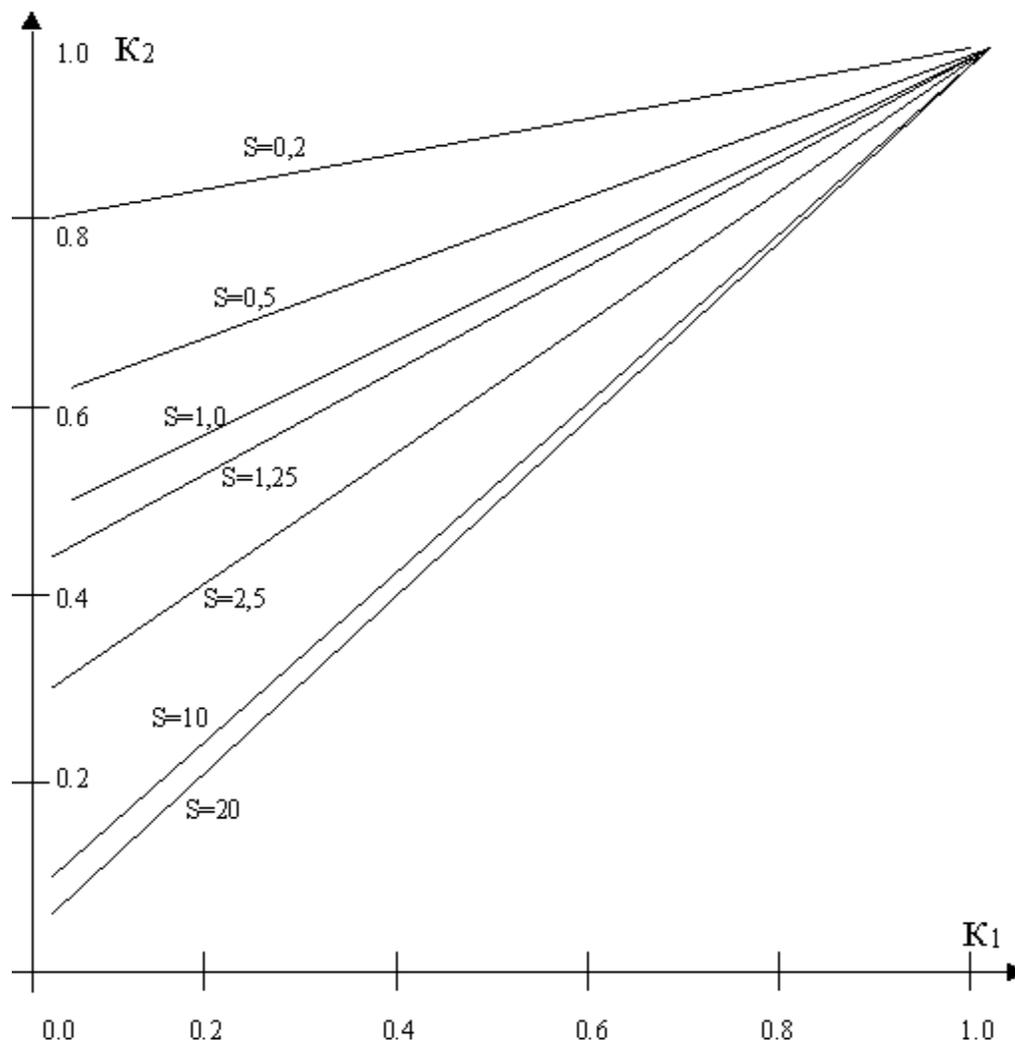

Рис. 1

$$S = C/V$$

Чем меньше S , тем выгоднее внедрять машины

$$ИП_1 = K_1 C + V$$

$$ИП_2 = K_2 (C + V)$$

Автоматы могут стоить и несколько дороже, чем $(C+V)$. Но и при этом условии применение таких машин может быть выгодным, если $ИП_2$ все же остаются меньшими, чем $ИП_1$, что вполне возможно, так как допускается больший износ оборудования. Последнее обстоятельство дает ключ к пониманию выражения вроде "процесс ускоренного списания капитала", остающихся непонятными в рамках классических взглядов – ведь при списании капитала он как бы недоиспользуется, его стоимость переносится на меньшее количество произведенного продукта, и списание его должно увеличивать издержки производства, а не удешевлять продукцию. На самом же деле необходимость процесса внедрения нового высокопроизводительного оборудования только и можно объяснить вышеописанным

образом. При этом мы можем считать, что производство автоматизируется, модернизируется как бы частично, что в наших формулах участвует не вся величина V , а только часть ее; ничего принципиально это не меняет. Новые издержки производства все равно будут при новых условиях меньше старых.

Итак, полная или частичная автоматизация отрасли временно приводит к повышению нормы прибыли в отрасли, которая затем снова падает до средней нормы прибыли. Если изобретаются машины, способные заменить ручной труд (неважно, человека или лошади) машинным при той же или большей производительности, предприниматель неизбежно от живого труда отказывается. Прибыль от живого труда была, прибыль от машинного труда осталась. Но теперь, говорит Маркс, она уже не производится в этой отрасли, она как бы "сосется" из других отраслей. Из каких же?

Товар, произведенный в нашей автоматизированной отрасли, продавался в другую отрасль по определенным ценам производства. Может быть, эти цены увеличились? Нет; они даже могут снизиться, как мы это показали. Может быть, снизились цены на сырье, покупаемое в других отраслях, и наша отрасль "грабит" другие отрасли? Нет; эти цены могут быть даже выше, чем раньше. Далее, предприниматель оплачивал рабочую силу по цене ее производства, как и любой другой товар. Если он ее оплачивал по издержкам производства, то дело обстоит еще хуже – теперь-то он уж точно оплачивает автоматы по цене производства, то есть как бы сам оплачивает прибавочную стоимость труда, функционирующего в отрасли, производящей машины. За счет чего же создается прибыль в автоматизированной отрасли?

Если все второе подразделение будет автоматизировано, и в нем останется, скажем, 0.1% стоимости труда малоквалифицированных наблюдателей за течением технологического процесса, то разве в нем перестанет вырабатываться прибыль; вернее сказать, разве предприниматели этого подразделения перестанут получать прибыль? Нет. Нет, если верить Марксу, если процесс выравнивания средней нормы прибыли действительно существует в природе. А он, наверное, существует, иначе Марксу не потребовалось бы его объяснять. Это, по-видимому, коренной вопрос политэкономии, один из вариантов ответа на который предложен Марксом в его модели; но на этот вопрос модель Маркса отвечает не очень уж убедительно. Для решения этого вопроса нам придется уточнить понятие живого труда и степени его эксплуатации.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В этом разделе мы повторим до определенной степени материал предыдущей, первой части. Для тех, кто начнет чтение прямо с этого места, изложение будет непрерывным. Для тех, кто до этого прочитал все же первую часть, повторение не помешает, тем более, что в дальнейшем мы уже не будем пользоваться цитатами из Маркса, а попытаемся более современным языком изложить суть дела.

РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Основой материального благосостояния человека и человечества является труд. Даже для того, чтобы сорвать банан с дерева, надо на него залезть, приложить некоторое количество труда, то-есть напряжения физических и духовных сил. Понятие справедливости, выработанное человечеством на протяжении тысячелетий, требует, чтобы основная часть продукта, полученного в результате труда отдельного человека, принадлежала этому человеку, а не кому-то другому. (Здесь и далее имеются в виду средние, обычные условия существования человека, а не экстремальные, критические, при которых понятия о справедливости могут претерпеть существенные изменения.)

Общественное производство становится таковым только после того, как в обществе возникает разделение труда. Натуральное хозяйство на крупном хуторе почти не требует постоянных связей с внешним миром, так как все необходимое для жизни производится тут же на месте, и затем тут же распределяется и потребляется. Толчок общественному разделению труда дает развитие ремесленничества, когда каждый человек или группа людей производят один какой-нибудь продукт, который нужно обменивать на другие (предметы первой необходимости), чтобы обеспечить необходимые условия жизни и производства. В первую очередь такими вещами становятся орудия сельскохозяйственного производства – плуги, упряжь, телеги, бочки и пр. Список этот постоянно возрастает, включая в себя предметы роскоши, средства производства, необходимые для работы ремесленников – от сырья до станков и инструментов и т.п. Необходимость обмена продуктами порождает необходимость торговли ими. Как универсальное средство обмена возникают деньги. Произведенные продукты при обмене становятся товарами, а сам процесс обмена, как условно говорят экономисты, совершается "на рынке".

В докапиталистических общественных формациях богатые люди первоначально составляли свое богатство (как правило) за счет либо прямого грабежа, либо за счет сильнейшей эксплуатации людей, находившихся в личной зависимости от них (рабов, крепостных). Однако, когда в обществе появились свободные люди, ремесленники, имевшие право собственности на продукт, произведенный их собственным трудом на принадлежавших им средствах производства; право на продукт, предназначенный для обмена на рынке, с этого времени появилось и понятие о справедливом обмене.

ЭТА СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ И ТОЛЬКО В ТОМ, ЧТО ПРОИЗВЕДЕННЫЕ ТОВАРЫ ДОЛЖНЫ ОБМЕНИВАТЬСЯ ДРУГ НА ДРУГА ПРОПОРЦИОНАЛЬНО КОЛИЧЕСТВУ ТРУДА, ЗАТРАЧЕННОГО НА ИХ ПРОИЗВОДСТВО.

Причем не какого угодно труда, а так называемого "общественно-необходимого", труда средней квалификации, необходимой для производства данного товара, и среднего количества такого труда. Иначе это не обмен, а обман.

Именно в соответствии с этим устанавливаются цены на рынке при обмене товаров друг на друга. Эти общественно-необходимые затраты материалов и труда среднего качества и средней интенсивности, необходимые для производства единицы продукта, называются **СТОИМОСТЬЮ**.

Непосредственно измерить общественно-необходимые затраты рабочего времени на создание единицы данного продукта нельзя, невозможно. На это указывал еще Маркс. **СТОИМОСТЬ** - это отвлеченная экономическая категория, реально в природе не существующая, а потому и неизмеряемая, неизмеримая, введенная в рассмотрение экономистами лишь с целью выяснения существа экономических законов. Оценку ее можно произвести только с помощью рынка, на котором устанавливается цена на продукт, приблизительно пропорциональная (но не равная) его **СТОИМОСТИ**.

РЫНОК, ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЕСТЬ ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ данного продукта. Никакого другого способа оценки стоимости человечество не придумало за все время своего существования.

Конечно, цена приблизительно соответствует стоимости только в случае приблизительного равенства спроса и предложения. Случаи неравенства мы рассмотрим позже при выяснении механизма выравнивания средней нормы прибыли.

Но это еще не все. Средний производитель, жил ли он десять веков назад или в прошлом веке, всегда был вынужден работать несколько больше, чем это было необходимо для поддержания своего существования. Если бы он жил, не задумываясь о завтрашнем дне, ему хватило бы, скажем, шести часов рабочего времени, чтобы произвести то количество продукта, продав которое на рынке, он мог бы приобрести такое равноценное количество предметов "первой необходимости", чтобы назавтра он смог повторить свой производственный жизненный цикл. Но наш ремесленник так поступать не может. Он, как и любой другой средний человек, может работать и 8 и даже 10 часов в сутки без особого вреда для здоровья. Некоторые, кстати, так и делают. Скажете, что это он делает по извечной человеческой страсти как можно больше заработать, пока есть такая возможность? Может быть. Но для этого есть и объективная необходимость.

Во-первых, никто не знает, что будет завтра, и запас не помешает.

Во-вторых, необходимо совершенствовать процесс производства. А для этого нужно заработать некоторое количество лишних денег. Не обязательно даже изобретать самому

новые средства производства, на это способен далеко не каждый. Но можно заплатить их изобретателю или производителю, а для этого нужно самому поработать сверх необходимого времени.

В-третьих, сам производитель, к сожалению, не вечен, и требуются средства для обеспечения его семьи и воспитания детей, чтобы они могли впоследствии, став самостоятельными, обеспечить себя сами и помочь престарелым родителям.

В-четвертых, нужно платить налоги, то-есть часть времени работать на общество. И так далее.

В общем, необходимо производить несколько больше, чем это необходимо только для поддержания рабочей силы трудящегося в ее сегодняшнем состоянии. И ремесленник производит столько товаров, сколько он может произвести с максимальным напряжением своих сил. В среднем все производители в обществе работают с таким максимальным напряжением, которое тем самым становится СРЕДНЕЙ принятой в обществе интенсивностью труда.

При этом оказывается, что, купив на рынке шерсть по рыночной цене, скажем, 10 марок за килограмм, сделав из нее пряжу, а затем продав ее также по рыночной цене пряжи, которая равна 20 марок за килограмм, и при этом проработав 10 часов, наш ремесленник получает денег больше, чем он израсходовал на покупку шерсти. Такова уж ситуация на рынке (мы рассматриваем установившийся режим). В противном случае заниматься прядением нет никакого смысла, и наш ремесленник должен поискать другой способ заработать себе на жизнь.

Для того, чтобы завтра сделать то же самое, он снова должен купить на 10 марок шерсти. При этом также оказывается, что для поддержания его собственного существования (выпить, закусить и прочее) ему достаточно истратить только пять марок. А оставшиеся пять могут быть направлены туда, куда он пожелает. Это и есть прибавочная стоимость, созданная его трудом сверх необходимой величины этого труда.

Например, он может их накапливать, и тогда через несколько лет построит себе новую мастерскую. Может купить новый станок взамен старого, на котором он будет обрабатывать больше шерсти, а значит – получит еще больше денег, значит – расширит свое производство. Он может пропить эти деньги, то-есть потратить их непроизводительно. Но в любом случае эти пять марок – это его прибыль. Он получил денег больше, чем это безусловно необходимо для его непосредственного существования. Но он ДОЛЖЕН так поступать, он не может работать по 6 часов в день в то время, как другие работают по 10 часов. Иначе в конце концов он состарится в одиночестве, без семьи и без детей, не сможет произвести их на свет и создать новую рабочую силу. Но еще раньше его вообще вытеснят с рынка такие же как он сам предприниматели, но менее ленивые и более сообразительные, получившие-таки свою прибыль и использовавшие ее производительно – на расширение производства и его интенсификацию, что в результате приведет к увеличению количества произведенной ими пряжи и уменьшению ее цены. И тогда окажется, что наш незадачливый, обленившийся ремесленник не сможет обеспечить даже сегодняшние свои

потребности, ибо того количества пряжи, которое он продолжает производить, уже недостаточно даже для покрытия его минимизированных расходов.

Таким образом, мы обнаруживаем первую особенность РЫНОЧНОЙ системы обмена товарами (то-есть продуктами, произведенными в условиях общественного разделения труда независимыми производителями). Эта система ЗАСТАВЛЯЕТ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ РАБОТАТЬ С МАКСИМАЛЬНО ВОЗМОЖНОЙ В ДАННЫХ УСЛОВИЯХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ТРУДА.

В это понятие входят все особенности процесса труда, определяющие количество произведенного продукта при данном его качестве, а именно – интенсивность труда, его организацию, уровень технологии, качество сырья, своевременность поставок и пр. Поскольку так поступают все производители, эта максимально возможная производительность труда становится одновременно СРЕДНЕЙ по обществу. Если производитель работает с такой производительностью труда необходимое время, он может рассчитывать в случае продажи своего товара на получение средней прибыли. И наоборот, если ему удастся получить среднюю прибыль, значит его производительность труда по крайней мере не ниже средней.

В нашем случае прибыль, получаемая независимым производителем-ремесленником, является результатом его собственного труда. Мы обращаем здесь особое внимание именно на НЕЗАВИСИМОСТЬ нашего производителя, ибо если он в той или иной степени зависит от другого человека или группы лиц, они могут просто отнять у него большую или меньшую часть прибыли в той или иной форме. Вся прибыль от труда раба присваивается рабовладельцем. Вся прибыль от труда крепостного крестьянина присваивается феодалом. Ни раб, ни крепостной по собственной воле и на свои средства практически не могут ни расширять производство, ни даже в какой-либо степени влиять на него.

Иное дело – свободный ремесленник. Он обязан отдавать часть своей прибыли князю, по разрешению которого живет в городе и чья дружина его охраняет, часть прибыли он должен отдавать на поддержание в городе порядка, бытового и гражданского, часть... и так далее. Но это - налоги. Они отдаются из прибыли. В среднем они не выше прибыли, и только таким образом и возможно его существование как независимого производителя. (В противном случае кое-кто из желающих поживиться за чужой счет, ограбил бы его, отняв не только прибыль, но и все имущество, а возможно, и жизнь.) Но при этом и ему самому должна остаться часть прибыли, так как он может заниматься своим ремеслом только в том случае, если его дело приносит ему хотя бы минимальный доход, на который он может содержать семью как сегодня, так и в перспективе. Иначе он не станет этим делом заниматься добровольно, а принуждать его к этому в этих условиях силой равносильно полному его уничтожению как эффективного производителя, равносильно превращению его в раба.

Мы уделяем нашему ремесленнику такое большое внимание потому, что без этого трудно будет понять мир, в котором он живет и работает, и призываем читателя к терпению, поскольку, возможно, его мир может скоро стать и вашим миром. (Написано в 1973 году в СССР - прим. авт.)

Пока наш ремесленник в городе занимается прядением шерсти, купленной в деревне, в этой самой деревне идет обычная деревенская жизнь. Крепостные крестьяне вручную сеют пшеницу, затем жнут ее серпами, молотят на токах вручную цепями, веют ее, разбрасывая вокруг лопатами и везут молотить зерно в муку на водяную мельницу – единственное механическое устройство на всю округу.

Но несколько мастеровых людей в разных концах королевства, по имени Макс и Мориц, придумали механические, на конной или паровой тяге, сеялку, жнейку, молотилку, веялку и мельницу. Вначале эти аппараты были очень дорогостоящими, ведь они производились вручную в единичных экземплярах, а труд ремесленника достаточно дорого стоит. Помещикам, у которых были крепостные крестьяне, не имело смысла их покупать и применять – не по карману. Эти машины покупали только крупные землевладельцы, и не для производства в широком масштабе, а для экзотики и поощрения ремесел (меценатство).

Но постепенно степень эксплуатации крестьянского труда усиливалась. Причиной тому была главным образом военная опасность. Необходимость содержать все более и более мощную армию для защиты своих рубежей от грабежей заставляла феодалов (князей, королей) усиливать экономическое давление на своих вассалов до такой степени, что большая часть доходов от сельского хозяйства уходила "в центр", а на эффективное ведение и, тем более, на расширение производства у микрофеодалов (помещиков) просто не оставалось средств. При такой системе, начиная с определенного момента начинают приходить в упадок как помещичье, так и крестьянское хозяйство, ибо они взаимосвязаны. Государство, возглавляемое крупными и мелкими землевладельцами (правильнее называть их крестьяновладельцами, ибо в конечном итоге важно, что феодал владеет не землей – фермер ведь тоже землевладелец – а людьми), это государство начинает задыхаться под бременем военных расходов. Производимого продукта начинает едва хватать, чтобы прокормить помещика с собственными крестьянами. Помещик не в состоянии внедрять у себя новую технику и технологию обработки земли и урожая – они слишком дорого для него стоят. Зато недорого стоит земля, которая при таком способе ведения хозяйства мало плодоносит. В этой ситуации крестьяновладельцы и их государство могут представляться крестьянам кровососами, могут возникнуть крестьянские бунты. Первое время эти бунты подавляются, но это не решает проблемы – ведь внешняя военная угроза остается или даже возрастает. И, наконец, кое-где находятся люди, которые раньше других понимают, что нужно что-то менять в государстве, чтобы не лишиться вообще всего. И они реализуют идею освобождения крестьян тем или иным способом – начиная от выкупа земли и самих крестьян до компенсации помещикам и аристократам их стоимости. Последние кладут деньги в банк и живут на проценты, превращаясь в буржуа-рантье и постепенно вымирая, но при этом хотя бы не мешая остальным предпринимателям заниматься производственной деятельностью.

В результате этих реформ в деревне оказывается вначале большое число равнообеспеченных крестьян. Равнообеспеченных земель, но, возможно, не другими средствами производства (лошади, плуги и пр.), и уж во всяком случае находящихся далеко не в равных условиях по умению работать, хозяйничать, знанию земли, сельского хозяйства вообще и другим качествам, совершенно необходимым для того, чтобы стать независимыми производителями сельхозпродукции. Будучи хотя и обложенными

налогами, но все же НЕЗАВИСИМЫМИ производителями, они на первых порах пользуются прежними методами обработки земли и ведения хозяйства. Но уже через пару-тройку лет в деревне начинается сильное расслоение. Более способные богатеют, менее способные едва сводят концы с концами. И никакие стимулы не могут заставить этих последних работать лучше – они и так уже работают на пределе своих возможностей, только возможности эти у них по разным причинам меньшие, чем у сильных.

С этого момента в деревне начинается процесс капитализации. Он начинается именно с деревни, а не с города, так как большая часть независимых производителей теперь сосредоточена именно в деревне. В городе не имеется достаточного количества рабочих рук, чтобы организовать массовое капиталистическое производство, да и нет для этого достаточных условий и самой необходимости. В деревне же более удачливые и сильные, способные хозяева получают возможность использовать рабочую силу свободных, но менее удачливых и более ленивых крестьян. Но теперь использование этой рабочей силы, в отличие от рабочей силы крепостных, становится куда более дорогим удовольствием, прежде всего потому, что малообеспеченных крестьян, соглашающихся работать по-найму, существенно меньше, чем раньше было крестьян крепостных – это сравнительно небольшой процент от их числа. Кроме того, все они имеют земельные наделы и худобно, но все же могут прокормить себя и семью, в крайнем случае с помощью этой же семьи. Им нужно теперь заплатить столько, чтобы им было выгоднее работать по-найму (а они нанимаются на сезон или даже на год), чем на своем земельном участке. Поэтому цена рабочей силы возрастает во много раз. В свою очередь это заставляет нанимателя рабочей силы настолько высоко организовать и вести свое хозяйство, чтобы применение столь высокооплачиваемой рабочей силы было еще и экономически выгодно.

И вот тут-то появляются наши городские ремесленники Макс и Мориц со своими машинами – сеялкой, веялкой, жнейкой и молотилкой. Кроме того, находится еще и специалист по правильному, рациональному ведению сельского хозяйства, агроном. И на селе рождается капиталист – человек, купивший на свои деньги средства производства (машины), землю, и заплативший свои деньги наемным рабочим в качестве заработной платы. При правильной организации сельскохозяйственного производства количество продукта, произведенного с помощью машин, резко возрастает. Препрежее и даже большее количество продукции производится теперь гораздо меньшим количеством людей, что даже при относительно высокой заработной плате приводит к снижению стоимости единицы сельхозпродукции. Это, в свою очередь, приводит к снижению доходов тех сельскохозяйственных производителей, которые по тем или иным причинам не применяли наемного труда и машин, то-есть передовых методов производства, а стало быть их удельные издержки производства стали теперь выше общественно-необходимых затрат (СТОИМОСТИ). В конце концов они оказываются вынужденными либо также применять эти способы производства, либо уходить с рынка производителей сельхозпродукции и становиться наемными рабочими, переходя на рынок рабочей силы.

Так же поступают и остальные независимые производители. Спрос на средства производства в сельском хозяйстве возрастает, возрастает и количество сельхозпродукции, цены на нее падают, так как продукты питания можно потреблять все же в ограниченном количестве. При слабом развитии путей сообщения экспорт сельхозпродукции затруднен,

особенно для более или менее изолированных в географическом отношении стран или стран с большими территориями. Возникает так называемый АГРАРНЫЙ КРИЗИС перепроизводства продуктов потребления. Эти продукты производятся теперь при помощи гораздо меньшего количества рабочей силы, чем имеющееся население в деревне. Цена на рабочую силу может упасть ниже ее стоимости, и сельскохозяйственное население в прежнем количестве оказывается не в состоянии при этих условиях прокормить себя не потому, что оно производит мало продукции, а потому, что оказывается ненужным для процесса производства и, как следствие, не может найти работу, найти возможность заработать и заплатить за еду. И все это на фоне избытка произведенной продукции. Часть населения возвращается к своим земельным наделам, если не успела их продать во время земельного бума, часть подается в город на заработки, часть, возможно под угрозой голодной смерти, покидает страну. Эта ситуация неразрешима в рамках господства частной собственности, так как на следующий год повторится то же самое. Средняя по обществу производительность труда в сельском хозяйстве возросла настолько, что прежнего количества рабочей силы в деревне просто не нужно, она должна уйти из этой сферы производства.

Так обстояло дело на первых порах развития капитализма, когда возникшая ситуация была новой и неожиданной для общества и не было средств ее изменить. В настоящее время в развитых странах разработаны механизмы помощи фермерам, особенно в урожайные годы, когда цены на продукцию могут резко упасть. Кроме того, существуют внешние рынки и слаборазвитые страны. Не исключено, что по мере развития этих стран рынки будут сокращаться, и проблему придется решать другими методами.

Аграрный кризис может длиться годами, пока не рассосется избыток сельского населения, пока это население не переквалифицируется и не найдет работу в городе. Но при этом создаются благоприятные условия для развития промышленности. Неважно, что часть сельхозпродукции даже уничтожается, все равно капитализация сельского хозяйства уже достигла такого уровня, что при наличии новой агротехники село имеет большой резерв производительности и способно накормить весь народ. Низкая стоимость рабочей силы в городе позволяет производить новые виды товаров для села – в первую очередь средства транспорта и связи, благодаря чему сельские производители решают одну из самых главных своих задач – проблему доставки продукции потребителю в город и на экспорт. Кроме того, промышленность дает возможность переработки сельскохозяйственной продукции как в пищевые продукты другого вида и качества, так и в сырье для промышленности. Одновременно с ростом товарообмена между городом и деревней растет промышленное производство. Таким образом происходит постепенный выход из аграрного кризиса.

По мере развития промышленности в народном хозяйстве переходной процесс от феодализма к капитализму сменяется установившимся. Этот процесс характеризовался использованием в промышленности рабочей силы, произведенной ранее в сельском хозяйстве, и лишь сравнительно немного переработанной, переориентированной на ее использование в промышленности. После того, как возникает чисто промышленный пролетариат, не имеющий корней в деревне, а избыток рабочей силы на селе рассасывается, промышленные рабочие и их семьи вынуждены существовать с самого рождения на заработную плату, получаемую в промышленном секторе общественного производства.

РАБОЧАЯ СИЛА СТАЛА ТОВАРОМ С ТОГО МОМЕНТА, КОГДА БЫЛ УЗАКОНЕН НАЙМ сельскохозяйственных рабочих. Во время аграрного кризиса предложение рабочей силы превышает спрос на нее, поэтому она может продаваться даже ниже СТОИМОСТИ, ниже необходимых затрат на ее ежедневное воспроизводство. Это ведет к ее физическому исчезновению. Но по мере возникновения армии промышленных рабочих и увеличения потребности в рабочей силе в промышленности (причем в рабочей силе все более и более квалифицированной), рабочая сила начинает оплачиваться как и любой другой товар – по так называемой ЦЕНЕ ПРОИЗВОДСТВА.

Средняя прибыль. Цена производства.

Действие закона стоимости как регулятора общественного производства

Затраты труда и средств производства на производство единицы конкретного продукта называются **ИЗДЕРЖКАМИ ПРОИЗВОДСТВА**. Средние по обществу (общественно-необходимые) издержки производства – это и есть **СТОИМОСТЬ** продукта. Но что такое средняя прибыль?

Как мы видели, прибыль возникает из того обстоятельства, что производитель вынужден работать несколько больше времени, безусловно необходимого для поддержания его в "рабочем состоянии". Это время может колебаться в некоторых пределах, но не может быть больше определенной величины, после превышения которой рабочая сила начинает быстро приходить в негодность. Избыточный труд как раз и является источником прибавочной стоимости, из которого возникает прибавление капитала или просто **ПРИБЫЛЬ**. Часть этой прибыли отдается организациям, так или иначе защищающим интересы производителя (иначе эти организации производителям вообще не нужны), другая часть остается в руках производителя.

Согласно Марксу все без исключения товары продаются по **ЦЕНЕ ПРОИЗВОДСТВА**, равной их стоимости плюс средняя прибыль. Отношение прибыли к стоимости называется **нормой прибыли**. Она имеет тенденцию к понижению из-за конкуренции между производителями. Появление на рынке все новых и новых производителей приводит, наконец, к тому, что в какой-то момент предложение товаров полностью удовлетворяет спрос, то-есть все вынесенные на рынок товары удается продать. Но если завтра появятся новые производители или увеличится выпуск товарной массы, то часть товаров может остаться непроданной, нереализованной. Производитель товара не может этого допустить, ибо тогда окажется, что часть затраченных средств и труда выброшены впустую. И продавцы начинают снижать цену на свой товар. При этом обычно цена не падает ниже стоимости, так что прибыль, хотя и уменьшается, но все же не до нуля.

В случае товаров определенного типа (например, бензин) новым производителям удается продавать свои товары иногда даже и в большем количестве, так как при снижении цены на бензин средства транспорта становятся более доступными, люди начинают больше возить и ездить, интенсивность товарообмена может возрасти. Спрос следует за предложением, кроме того при снижении стоимости транспорта удается снижать цены и на другие товары.

Но при прочих равных условиях появление на рынке все новых поставщиков в конце концов все же снижает норму прибыли.

В других случаях часть товаров просто может остаться непроданной, и производители получают непосредственное снижение нормы прибыли. В обоих случаях норма прибыли испытывает тенденцию к понижению. Однако этому снижению можно сопротивляться.

В прежние времена это сопротивление осуществлялось довольно-таки прямолинейно. Ремесленники организовывали "цеха", то-есть объединения, которые следили за тем, чтобы количество производителей не возрастало больше определенной величины. По-существу это было монополизацией производства, так как объединение, синдикат, цех диктовали цены на рынке, и принудительно, минуя всякую конкуренцию, ограничивали само производство. Цехи заручались поддержкой феодальной, королевской власти, платя ей большую мзду. Однако, это имело и свои отрицательные стороны, препятствуя развитию капитала, в частности – нарождающимся мануфактурным производствам. Развитие техники и технологии позволяло путем разделения труда на предприятии-мануфактуре резко увеличить производительность труда и выпуск продукции. Но королевская власть поддерживала цеховую аристократию, запрещая на каком-то историческом периоде организацию новых высокоэффективных предприятий, конкурирующих с цехами ремесленников. Эта же власть устанавливала высокие таможенные пошлины на ввоз в страну товаров, конкурирующих с продукцией цехов.

Однако такую политику нельзя было назвать дальновидной. Все это могло продолжаться до тех пор, пока интересы стран с различным уровнем развития производительных сил не стали сталкиваться на внешних рынках. И тут стало ясно, что более конкурентоспособными являются те страны, правительства которых допускали у себя в стране развитие новых производительных сил. Возможности импорта в страны с низким уровнем развития технологии и производительных сил стали сокращаться, и это стало причиной многих военных столкновений. В этих войнах обычно побеждали страны с более высоким уровнем развития производительных сил. Поводом к таким войнам обычно бывали мотивы политические, а причинами – сугубо экономические.

Будучи вынужденными конкурировать с цеховиками на внутреннем рынке, владельцы капиталистически организованных предприятий не имели другой возможности выжить и поддерживать прибыль на минимальном уровне, как только усиливать эксплуатацию наемных рабочих, заставляя их работать больше и интенсивнее. Это, в свою очередь, вызывало недовольство эксплуатируемого класса со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до буржуазных революций и гражданских войн.

Объем данной работы не позволяет более детально проследить связь между ростом капитала и политическими изменениями в обществе как между причиной и следствием. Эти связи подробнее рассмотрены в трудах классиков и не только марксизма. Из этих исторических исследований Маркс и Энгельс сделали совершенно правильный фундаментальный вывод, что капитал в своем развитии ломает все политические перегородки в обществе, препятствующие его неограниченному росту.

Обычно это происходит именно через усиление эксплуатации трудящихся, работающих в отраслях хозяйства, вынужденных конкурировать с другими отраслями, по тем или иным причинам оказывающимся в привилегированном положении благодаря покровительству господствующих классов.

В более поздние времена, после того, как капитализировались все отрасли хозяйства, и после того, как были узаконены максимальная продолжительность рабочего дня и минимальная заработная плата, у предпринимателей не осталось иного способа противодействовать снижению средней нормы прибыли, как только повышать производительность труда на своих предприятиях. Именно с этого времени начинается бурное развитие промышленности, организованной по капиталистическому принципу.

Итак, в установившихся капиталистических условиях производства все без исключения товары продаются по цене производства, равной средней сумме затраченного на их производство капитала (то-есть стоимости) плюс средняя прибыль на примененный (а не только израсходованный) в их производстве капитал.

Эта прибыль появляется, конечно, лишь при условии, что товар продан. Наемный рабочий в этих условиях тоже продает свою рабочую силу как товар. На производство его товара РАБОЧАЯ СИЛА (РС) были затрачены определенные средства (при воспитании и обучении) и труд самого рабочего (при повышении его квалификации до необходимого обществу уровня). Теоретически товар РС ничем не отличается от всех других товаров. Как и все товары, он имеет свою потребительскую ценность – он может быть использован при производстве других товаров как компонент, увеличивающий стоимость этих товаров. [Мы специально здесь применяем термин "потребительская ценность" вместо термина "потребительская стоимость" как более близкий по смыслу и не вносящий путаницы с термином СТОИМОСТЬ, выражающим общественно-необходимые затраты рабочего времени].

Но, с точки зрения операции купли-продажи, товар РС равноправен с другими товарами. Когда его мало, то он дорог, и может продаваться существенно выше СТОИМОСТИ. Когда его много, он дешевеет, и цена на него может упасть даже ниже СТОИМОСТИ. Поэтому **в установившемся режиме капиталистического производства товар РС, как и все другие товары, продается по ЦЕНЕ ПРОИЗВОДСТВА, а значит и его производитель (трудящийся) ДОЛЖЕН ПОЛУЧИТЬ СРЕДНЮЮ ПРИБЫЛЬ.** Как и любой другой производитель любого другого товара, если только он хочет продолжать участвовать в капиталистическом способе производства (а у него нет другой возможности, если не считать возможности эмиграции в СССР), он должен эту прибыль не проесть-пропить, а израсходовать ее производительно – и не только на воспроизводство своей рабочей силы, а и на ПРОИЗВОДСТВО нового товара, новой рабочей силы своих детей, дав им воспитание и образование, профессиональную подготовку. Если позволят условия общественного производства, он израсходует эту прибыль либо на экстенсивное расширение своего производства (воспитав большее количество детей), либо расширяя свое производство интенсивно, то-есть давая меньшему числу детей более высокую профессиональную подготовку. Чувства чувствами, а экономика - экономикой.

Безусловно, во время переходного периода от феодализма к капитализму товар РАБОЧАЯ СИЛА может покупаться капиталистами по цене даже ниже стоимости. Так ведь и любой товар может постигнуть такая участь. Но в установившемся режиме, да еще при монополистическом способе торговли рабочей силой, олицетворением чего являются профсоюзы, товар РС предпринимателям приходится покупать по цене производства, равной стоимости товара РС плюс средняя прибыль на вложенный в ее производство капитал.

Могут возразить, что этот переходный процесс слишком уж затянулся – почти на два столетия. Но кто сказал или доказал, что он может или должен протекать быстрее?

* * *

Вопрос об источнике прибыли является одним из основных вопросов политической экономии. Маркс считал, что прибыль возникает из прибавочного труда, неоплаченного предпринимателем труда, труда сверх минимально необходимого, достаточного для поддержания существования трудящегося как производителя.

Однако, один человек может присваивать себе плоды труда другого только в том случае, если последний находится от него в личной зависимости, если он не является свободным человеком, **СВОБОДНЫМ ПРОИЗВОДИТЕЛЕМ**. Изложенное выше позволяет утверждать (и мы это покажем в дальнейшем более подробно), что **только после того как РАБОЧАЯ СИЛА СТАЛА ТОВАРОМ стала невозможной сколько-нибудь значительная эксплуатация труда.**

* * *

Разница между СТОИМОСТЬЮ товара и ИЗДЕРЖКАМИ ПРОИЗВОДСТВА (то есть реальными затратами капитала на производство конкретного товара конкретным производителем) есть ПРИБЫЛЬ от производства этого товара. Если издержки производства будут больше СТОИМОСТИ продукции, это немедленно отразится на величине прибыли, а если они окажутся выше цены производства, то производитель товара начнет терпеть УБЫТКИ.

Поэтому ЗАКОН СТОИМОСТИ позволяет КАЖДОМУ производителю непрерывно сопоставлять результаты своей деятельности с результатами продажи своего товара. Поэтому он является законом, автоматически регулирующим общественное производство, автоматически поощряющим прибыльные предприятия и столь же автоматически устраняющим из жизни предприятия убыточные.

Конечно, теоретически возможно и бесприбыльное ведение общественного производства, при котором все товары, в том числе и рабочая сила, будут продаваться по СТОИМОСТИ, но это одновременно означает остановку технического, технологического и прочего прогресса.

Цена производства рабочей силы

Создает ли живая сила прибавочную стоимость или нет - это определяется ценой производства рабочей силы и производительностью ее труда.

Когда рабы стоили дешево, как это было в эпоху расцвета Рима, то при определенной производительности труда, даже очень низкой, сумма результатов их труда была достаточной для содержания их самих и рабовладельцев. Рабовладелец тратит средства не только на поддержание рабочей силы на некотором определенном уровне; он еще и заплатил за раба на рынке деньги. Он, конечно, может убить раба, точно так же, как он может убить лошадь или просто выбросить кошелек с деньгами в реку. Но для обеспечения постоянного производства на определенном уровне нужно было обеспечить некоторый минимальный уровень жизни рабов. Они должны были отслужить свой срок службы в среднем. В неволе при таких условиях жизни рабы должны были плохо воспроизводиться, это обходилось рабовладельцу дороже, чем купить нового раба, пока была такая возможность. Тем не менее, следует иметь в виду, что цена производства даже рабской рабочей силы на самом деле существовала – она определялась расходами на войну с государствами, откуда добывались невольники – военнопленные. По мере того, как эти государства усиливались и оказывали Риму все большее сопротивление, цены на рабов непрерывно повышались.

Если при этом производительность труда рабов не увеличивается, то стоимость и цены всех продуктов, произведенных при помощи рабского труда, тоже будут повышаться. В конце концов оказывается, что цена рабов приближается к сумме цен производимых ими продуктов, и использование рабов становится просто невыгодным. Прибавочная стоимость становится такой маленькой, что смысл использования рабского труда теряется. Наступает кризис недопроизводства.

Действительно, если рабовладелец имел, например, ковровую мастерскую, в которой работали рабы, и цена производства рабской рабочей силы была очень высокой, то при нехватке на рынке продукции, производимой трудом других рабов, работающих в земледелии, цена на хлебные лепешки поднимется столь высоко, что дохода от мастерской не хватит, чтобы прокормить работающих в ней рабов, не говоря уже о самом рабовладельце. Производство приходит в упадок.

Применение рабского труда ничем не отличается от применения любого машинного труда. Предприниматель покупает машину-раба по цене ее производства, и тратит определенные средства на то, чтобы эта машина работала с заданной производительностью труда в течение определенного времени. Как машина, так и раб являются полной собственностью хозяина предприятия. Необходимо отметить, что раб был продан по цене производства, так как для тех, кто его добыл в качестве военного трофея, раб является продуктом производства "военной отрасли хозяйства". Производители рабов (военные, армия) получили от его приобретения и продажи свою долю прибыли, долю прибавочной стоимости, произведенной в их подразделении с помощью ратного труда подчиненных им воинов. Теперь эта новая рабочая сила произведет в другой сфере другую прибавочную стоимость.

Здесь уместно задать вопрос: а если бы эти воины в результате своего ратного труда добыли бы не рабов, а станки-автоматы, способные производить ту же продукцию в том же объеме и требующие для своего содержания в течение того же времени ту же стоимость, но только не в форме хлеба и воды, а в форме электроэнергии и машинного масла? Была бы получена в сфере производства прибавочная стоимость или нет?

Действительно, величина создаваемой прибавочной стоимости зависит только от возможности заставить производить живую или неживую машину такое количество продукции, стоимость которой больше, чем стоимость средств, необходимых для приобретения машины и поддержания ее существования и работоспособности в течение определенного времени. При определенных условиях живая сила может произвести больше стоимости, чем сама потребляет. Однако и блок автоматического управления, встроенный в станок-полуавтомат и позволяющий управлять этим станком без участия человека, ничем с этой точки зрения от человека не отличается. В одном случае оплачивается некоторое количество энергии, необходимое для работы блока автоматического управления станком, в другом – выплачивается заработная плата, которая также идет на поддержание рабочей силы в кондиционном состоянии. Время работы, рабочий день здесь совершенно ни при чем.

Можно легко себе представить, что для нормальной, качественной работы блока управления его нужно через каждые 8 часов отключать для охлаждения и профилактики на 16 часов; и в этом отношении он также не будет отличаться от человека. Он израсходовал за 8 часов 10 киловатт электроэнергии и 100 грамм машинного масла. Но этот станок сам не производит ни энергии, ни масла. Он производит ложки из листов дюралья. Известна сегодняшняя цена на рынке на энергию, масло, дюраль, ложки. Эти цены сложились в результате рыночной конкуренции во всех отраслях производства и одновременного выравнивания нормы прибыли между этими отраслями. И если существует общественная потребность в ложках, если они нужны в других сферах производства или потребления, и при этом не придумано никакого другого способа производить эти ложки, кроме как с помощью станка такого типа, то можно быть уверенным, что сумма цен на энергию, масло и дюраль окажутся меньше цены на ложки и именно на величину средней нормы прибыли.

Будет ли все это означать, что наш бедный станок-автомат подвергается эксплуатации?

Пример с завоеванием автоматических станков и их использованием вместо рабов ясно показывает, что замену рабов автоматами можно толковать как увеличение производительности труда в военном подразделении. Созданная там прибавочная стоимость, более высокая, чем раньше, пошла в дальнейшем на перераспределение в масштабах всего общества. И хотя ни продолжительность рабочего дня у военных не увеличилась, ни прочие условия не изменились, производительность их труда возросла, так как их военачальники, видимо, изобрели более совершенные способы грабежа (или шантажа) высокоразвитых стран. Конечно, можно утверждать, что, поскольку эти станки-автоматы были получены из стран-производителей этих автоматов практически по бросовым ценам, а в этих странах они были сделаны с помощью труда рабочих, то используется труд не военного подразделения общества рабовладельцев, а тех рабочих, которые живут в высокоразвитых странах. Но таким образом эту цепочку рассуждений

можно продолжать бесконечно, если не ограничить ее утверждением, что без определенных усилий военного подразделения эти станки вообще не были бы добыты, и пришлось бы довольствоваться трудом рабов, добываемых в менее высокоразвитых странах.

Таким образом, напрашивается заключение, что в условиях рыночной системы полная автоматизация каких-либо отраслей производства эквивалентна общему увеличению производительности труда в обществе. Капиталистическая экономика построена таким образом, что выгода от использования живого труда в различных отраслях общественного производства распределяется между подразделениями общественного производства пропорционально вложенному капиталу, неважно – частный он или общественный.

Чем же все-таки отличается использование в производстве живой силы от применения машин с точки зрения политической экономии?

Если взять, к примеру, лошадь, то нам кажется, что она ничем не отличается от машины, ибо требует для поддержания своего существования, своей работоспособности определенных стоимостных затрат. Можно ли считать, что лошадь создает прибавочную стоимость только потому, что продукт, который она создает своим трудом, продается на рынке дороже, чем стоит овес для ее содержания? Можно ли считать, что лошадь подвергается эксплуатации только потому, что этот прибавочный продукт, который она безусловно создает своим трудом, идет не на повышение калорийности и улучшение вкуса овса и не на утепление конюшни и покраску стен ее в различные цвета для улучшения самочувствия лошадей во время отдыха, а идет в пользу человека-эксплуататора, хозяина этой лошади? Ведь хозяин сам определяет потребности лошади, ограничивая их на определенном минимальном уровне, который требуется по его мнению для безусловного производства максимума производимой лошадью продукции.

Чем дешевле стоит владельцу средств производства рабочая сила, тем при прочих равных условиях может быть выше степень ее эксплуатации. В настоящее время использование лошадиного труда почти везде невыгодно; затраты на покупку и содержание рабочей лошади превышают доходы от использования ее труда. Перевозка грузов и прочие работы существенно более выгодны при использовании для этих целей машин. Труд лошади в городских условиях почти не создает прибавочной стоимости, скорее она может принести убытки ее владельцу. Поэтому лошади, если бы они обладали сознанием человека, могли бы быть вполне удовлетворены тем, что практически дожили до лошадиного коммунизма – их труд уже больше не эксплуатируется, и они используются в лучшем случае как спортсмены на скачках или для развлечения богатых людей, но эта работа обычно не очень тяжелая. При этом характерно, что условия их жизни значительно изменились: их теперь кормят высококачественным витаминизированным овсом и держат в специальных конюшнях с душем, кондиционированным воздухом и квалифицированным обслуживающим персоналом. Разве могли они мечтать об этом в мрачные времена, когда труд их предков использовался лишь для приведения в действие примитивных орудий труда, и их массами гнали на войну в составе кавалерийских отрядов и заставляли там погибать? И какой парадокс: когда они работали "как лошади", то получали за свой труд ничтожное вознаграждение и жили в ужасных условиях. А сейчас!? Отметим по ходу дела, что с наступлением этого "лошадиного коммунизма" количество лошадей во всем мире

существенно уменьшилось по сравнению с прежними временами. Их осталось ровно такое количество, которое нужно для удовлетворения потребностей эксплуататоров в лошадиных услугах. Были выведены самые лучшие по мнению эксплуататоров породы, которые для своего нормального существования требуют иногда весьма больших затрат. Испортить хорошую лошадь очень легко, поэтому тратятся большие деньги на создание специальных условий для их содержания.

Как мы увидим несколько позже, этот пример – не такая уж смешная аналогия... Есть основания считать, что при наличии кучки эксплуататоров развитие производительных сил может привести при определенных условиях к похожему состоянию и человеческого общества. Развитие акционерного капитала, когда каждый трудящийся в той или иной мере оказывается "капиталистом" и получает ту или иную часть общественного продукта в соответствии со своим капиталом, до некоторой степени препятствует этому.

Отвечая на поставленный выше вопрос о разнице между машинным и живым трудом, мы должны прежде всего иметь в виду, что понятие "эксплуатация" не является чисто экономическим понятием – это понятие "политическое", содержание которого зависит от решения вопроса о признании за объектом или субъектом, выполняющим ту или иную работу, каких-либо прав на часть производимой с его помощью продукции сверх безусловно необходимой для поддержания его существования в необходимом для процесса производства состоянии. Эту долю продукта обычно определяет хозяин производственного процесса. За домашними животными человек никогда не признавал такого права, за машинами – тем более. Каждодневная практика показывала, что ни машинам, ни животным не требуется ничего более самого необходимого, хотя иногда это "необходимое" может быть просто "роскошным" для человека. Например, наличие кондиционированного воздуха в помещениях для вычислительных машин высокого класса совершенно необходимо, тогда как человек может работать и в условиях паровой кочегарки. Рабовладельцы не признавали такого права за рабами; и действительно, иначе нельзя вести рабовладельческий способ существования и производства. Они крайне удивились бы точке зрения современного человека на эксплуатацию рабского труда как аморальную; с их точки зрения раб был ничем не лучше лошади, скорее – хуже нее по целому ряду параметров (и действительно, в Древнем Риме на тяжелых работах часто использовали рабов вместо лошадей). Большинство современных людей считает лошадь бессознательным существом, и, тем более, не считает убийство лошадей аморальным. Но спросите любого конюха или кавалериста, и они вам приведут множество примеров вполне сознательного отношения боевых и беговых лошадей к окружающему миру; и уж тем более отрицательно они отнесутся к возможности использования этих лошадей как рабочих, причем не с экономической, а именно с моральной точки зрения.

Поэтому вопрос об "эксплуатации рабочей силы" – это вопрос политэкономический, политический, зависящий от уровня развития общественного сознания, который в свою очередь определяется уровнем развития производительных сил. На известном этапе развития, когда за каждым человеком стала признаваться возможность быть свободным тружеником, когда право каждого на свободу (а, значит, и на продукт своего труда) было узаконено, понятие "эксплуатация" стало применимым ко всем СВОБОДНЫМ ТРУДЯЩИМСЯ без исключения. И только на этой основе, как пишет Маркс, и могла

сложиться система наемного труда. Некоторое время после возникновения такой системы, при которой оплачивалось только сиюминутное применение рабочей силы, а не вся рабочая сила в течение всей жизни трудящегося, как это имело место в рабовладельческом обществе, "живые машины" доставались капиталистам как бы бесплатно, издержки производства этой рабочей силы были весьма малы, что позволяло иметь очень высокую степень эксплуатации. Постепенно выяснялось, что эти "живые машины" работают "на износ", и неспособны при этих условиях воспроизводиться в масштабе общества в прежних размерах и качестве. Количество и качество рабочей силы в стране не должно ухудшаться, если страна хочет сохранить свои позиции на мировой арене как в торговом, так и в военном отношениях. Но качество рабочей силы может быть сохранено или улучшено только при сокращении до разумных пределов продолжительности рабочего дня и при определенном уровне заработной платы.

Разработанные в Англии, а затем и в других странах законы, ограничивавшие продолжительность рабочего дня, были приняты буржуазным государством при противодействии достаточно большой группы капиталистов же, но показали свою правильность в целом для нации. Рабочий день под давлением со стороны рабочих постепенно сокращался до 8 часов, после чего его сокращение в законодательном порядке потеряло смысл, так как он начал сокращаться сам по себе из-за описанного ранее процесса повышения относительной величины органического строения капитала в каждой отрасли, и рабочие были вынуждены протестовать уже против его дальнейшего сокращения.

Живая сила наемного рабочего отличается от машинной еще и тем, что капиталист покупает ее на время, чтобы иметь возможность получить ее всегда не хуже среднего качества и кондиции. Отдельному капиталисту, может быть, глубоко наплевать на интересы общества и государства; его интересы в большинстве случаев ограничиваются проблемой получения максимальной прибыли при минимальных затратах. Это обстоятельство является движущей силой процесса эксплуатации труда, действующей эффективнее, чем плеть надсмотрщика. В отличие от раба, наемный рабочий уверен в том, что если сегодня он будет работать плохо, то завтра он вообще может не получить работы.

Для того, чтобы при данной производительности общественного труда создавать определенное количество общественного продукта, требуется вполне определенное количество рабочей силы определенной кондиции и специализации. Степень ее эксплуатации зависит от того, покупается ли она по издержкам ее производства, выше них или ниже. Поскольку система наемного труда вызывает бешеную конкуренцию среди рабочих за сбыт своей рабочей силы, цена на нее может упасть ниже издержек производства, и она начинает просто вымирать. Именно это обстоятельство делает возможным бессовестную эксплуатацию рабочих. До тех пор, пока они не были объединены в профсоюзы, не могло быть и речи о снижении степени эксплуатации, поскольку предложение труда превышало спрос на него. Здесь в полной мере применимо положение Маркса о частнокапиталистической форме присвоения продукта общественного труда капиталистами.

Конкуренция среди рабочих как владельцев товара РАБОЧАЯ СИЛА отличается от конкуренции среди обычных производителей за сбыт своего товара. Если при падении

нормы прибыли в отрасли ниже средней величины капитал начинает "утекать" из отрасли, то для обычной рабочей силы этот отток затруднен необходимостью переквалификации, требующей затрат, и даже просто традициями, инертностью, привычками, надеждой все-таки в конце концов получить хорошую работу по специальности. Это позволяет капиталистам отрасли некоторое время извлекать дополнительную прибавочную стоимость из труда рабочих, уплачивая им за труд лишь величину издержек производства рабочей силы или около того. Поэтому в целом ряде случаев рыночная цена рабочей силы может быть достаточно близка к издержкам производства рабочей силы, в то время как остальные товары могут продаваться по ценам производства.

Предприниматель нанимает рабочих и платит им тот минимум, который может заплатить по закону до того момента, когда они начнут бастовать, т. е. организовано отказываются работать за эту плату, да еще не дают это делать штрейкбрехерам. Спрашивается, почему они в конце концов часто соглашаются работать за рыночную цену труда, равную издержкам производства рабочей силы, а не за ИП + СНП (средняя норма прибыли)?

Потому что, во-первых, условием соглашения между рабочими и предпринимателями является возможность при данном уровне рыночных цен вообще продолжать работу предприятия (шахты, завода). Если при требуемом рабочими уровне заработной платы предприниматель не сможет получать приблизительно среднюю норму прибыли, он вообще должен прекратить производство, так как в конце концов не сможет расплатиться с банками и кредиторами. Так оно, кстати, и бывает во время крупных кризисов. Поэтому переговоры между рабочими и предпринимателями иногда затягиваются на месяцы, а предприятия стоят (забастовки горняков и металлургов в Англии).

Потому что, во-вторых, если издержки производства любого товара легко подсчитываются, то для товара РАБОЧАЯ СИЛА это сделать труднее. Издержки ее производства определяют сами рабочие и единственным критерием для них является РЕАЛЬНАЯ заработная плата.

Потому что, в-третьих, и это, возможно, самое главное, никто не может определить, какую часть от цены производства рабочей силы составляют издержки ее производства. Сама постановка этого вопроса относительно РАБОЧЕЙ СИЛЫ как ТОВАРА лишена смысла. Если, к примеру, автоматизируется какая-то отрасль производства, то, по Марксу, это означает, что общественно-необходимые затраты рабочей силы, рабочего времени при автоматическом производстве продукта равны нулю, и живая рабочая сила, если кто-нибудь вздумает затратить ее теперь для производства именно этого продукта, вообще не создаст никакой стоимости, сколько бы времени ни составляла продолжительность ее применения, а скорее принесет убытки (как использование лошадей вместо машин в вышеописанном примере). Применяя для производства этого продукта живую рабочую силу, а не автоматы, нельзя будет даже выплатить ей издержки производства рабочей силы, их просто неоткуда будет взять.

Наконец, еще одно отличие живой силы от машинной состоит в том, что товар РАБОЧАЯ СИЛА – очень скоропортящийся. Этот товар не может находиться достаточно долго вне процесса производства, не может лежать в законсервированном виде, дожидаясь, пока возникнут общественные условия для его эффективного применения. Его нужно кормить

непрерывно, нужно затрачивать средства на его поддержание в минимально кондиционном состоянии, аналогично тому, как хранят бананы в овощехранилище. А для этого в капиталистической системе товар «рабочая сила» должен либо участвовать в процессе производства, т.е. потребляться производительно, либо эффективно храниться, получая пособие по безработице или оплаченный долгосрочный отпуск.

Время от времени во всяком производстве возникают ситуации, когда в той или иной отрасли спрос на товары падает настолько, что при данном уровне заработной платы, которая установилась в отрасли ранее, продолжать производство на данном оборудовании в данных условиях бессмысленно, ибо не извлекается средняя норма прибыли. Это является следствием отсутствия общественной потребности в прежнем количестве продукции данного вида и качества. Сворачивание производства до требуемой рынком величины обычно приводит к забастовкам и волнениям рабочих данной отрасли. Следует отметить, что такое положение часто складывается отнюдь не по вине отдельных предпринимателей. Веди рабочие это предприятие сами, результат был бы точно такой же.

Это положение складывается в силу объективных обстоятельств общественного производства. Если, например, цены на уголь падают из-за того, что дешевеет нефть, а горнорудная промышленность не обладает к этому времени нужной технологией, применив которую, можно было бы понизить цены на уголь, и тем самым сохранить рынок сбыта угля, угольные шахты становятся неэффективными до тех пор, пока такая технология не будет разработана и освоена. Север США очень богат углем, но он там находится в такой форме, что при имеющейся технологии его разработка была бы неэффективной, невыгодной, а технология подземной газификации угля еще недостаточно совершенна, чтобы ее применение обеспечило бы производство топлива со средней нормой прибыли. В таких случаях бывает, что во избежание беспорядков среди рабочих шахты передаются в руки государства, т.е. существуют за счет налогоплательщиков, национализируются, и положение рабочих постепенно нормализуется теми или иными средствами (переобучение, переселение, дотации и пр.) Нация смотрит на такие действия правительства с пониманием, так как ситуация в горнорудной промышленности в данном случае сложилась из-за объективных обстоятельств, а не по чьему-то злему умыслу. При появлении более эффективной технологии такие шахты снова могут быть переданы в руки частных компаний. Но вот в этом случае часто возникают протесты со стороны социалистически настроенных членов общества. Пока целая отрасль жила за счет народа, это их не беспокоило. Но как только создались условия для ее самокупаемости и извлечения в ней средней прибыли, они начинают кричать о том, что теперь снова капиталисты начнут эксплуатировать рабочих. Из изложенного выше ясно, чего стоят и почему появляются такие протесты.

При наличии в стране закона о минимальной ставке заработной платы, ее условно можно принять за величину **МИНИМАЛЬНОЙ ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ**. В настоящее время в США (1982 год) минимальная величина зарплаты составляет около 3.5 долл. в час. Перевод долларов в рубли проще всего (хотя и не вполне корректно) приблизительно определять из следующих соображений (напоминаем, что это относится к 1983 году!)

Инженер средней квалификации в США получает от 1500 до 2200 долл, инженер в СССР - от 150 до 220 рублей. Таким образом, соотношение составляет около 10:1. Все другие коэффициенты пересчета через валютные курсы не отражают существа дела - для отдельного человека важна реальная заработная плата, и даже не столько само качество и количество реальных материальных благ, которые можно на эти деньги приобрести (понятно, что при этом уровень жизни, т.е. эти самые блага в США раз в 5-7 выше и лучше), а возможность при этой зарплате находиться на определенной ступени общественного положения, т. е. продолжать оставаться инженером и дать возможность своим детям стать инженерами или даже пойти еще дальше. Именно об этом аспекте существования, о процессе воспроизводства рабочей силы определенного качества мы сейчас и говорим, а не о том, «лучше» жить в Штатах инженерам или «хуже».

Таким образом, при 40-часовой рабочей неделе минимальная заработная плата составит 140 долл в неделю или около 600 долл в месяц. Эта цифра приблизительно соответствует уровню пенсионного обеспечения по старости и болезни (400 долл). Это тем более представляется правильным, что под издержками производства рабочей силы логичнее понимать величину пособия по безработице плюс различные выплаты из общественных фондов. Это именно те средства, которые буржуазное государство считает возможным выделять на то, чтобы временно бездействующая рабочая сила не теряла своей кондиции и была способна самовоспроизводиться. Это тем более кажется логичным, что величина пособия по безработице дифференцирована в зависимости от специальности трудящегося и определяется уровнем его зарплаты перед потерей работы.

Следовательно, ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА рабочей силы действительно может рассматриваться как сумма издержек производства рабочей силы плюс средняя прибыль; последняя получается владельцем товара РАБОЧАЯ СИЛА в тех случаях, когда ему удастся этот товар продать.

Из изложенного становится ясно, что нельзя безоговорочно принять положение Маркса о том, что рабочая сила покупается капиталистом по стоимости. Ведь, во-первых, ни один товар при капитализме не продается по стоимости – он продается по цене производства; во-вторых, как в стоимость, так и в цену производства, в том числе и рабочей силы, входят издержки производства и прибавочная стоимость; просто в случае продажи по цене производства эта прибавочная стоимость меньше, она равна СРЕДНЕЙ ПРИБЫЛИ.

Конечно, такая система отношений и такой взгляд на процесс общественного производства мог возникнуть только на определенном этапе и определенном уровне развития самой капиталистической системы и рабочего движения или, как иногда пишут буржуазные экономисты, на том этапе развития рыночной системы хозяйства, когда взаимоотношения отдельных товаропроизводителей были заменены взаимоотношениями более или менее крупных организаций товаропроизводителей. Поясним, что здесь имеются в виду с одной стороны организация капиталистов в лице буржуазного государства и организация производителей рабочей силы (профессиональные союзы) с другой. Последние стоят на страже интересов рабочих в том отношении, что **они препятствуют самим рабочим продавать свою рабочую силу ниже издержек производства!**

Но если более или менее квалифицированная рабочая сила есть товар, такой же товар, как и остальные товары, то на него должны распространяться все свойства товара! Для его производства нужно затратить определенные средства. Если, скажем, условия подготовки очень квалифицированного специалиста усложняются, если для ее подготовки владелец рабочей силы должен затратить большие усилия в учебе, на что не каждый способен, приобрести книги, видеотехнику, обучаться в колледжах, оборудованных современными дорогостоящими средствами эффективного обучения, оплачивать труд профессоров, врачей и т. п., то такой товар, если он находит сбыт, должен продаваться достаточно дорого. По Марксу, его ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА может даже превышать его СТОИМОСТЬ, если при его производстве было затрачено большое количество постоянного капитала (хотя мы теперь знаем, что норма прибыли будет все равно выравнена). Там же, где не требуется применять большое C/V , где при производстве рабочей силы не требуется участия высококвалифицированных специалистов-преподавателей и дорогостоящей техники, где не требуется ума, квалификации и образования, там, где РАБОЧАЯ СИЛА есть чисто физическая сила, и для производства столь дешевого в изготовлении товара не требуется особых затрат и усилий, в таких отраслях может быть высока конкуренция, и цена производства рабочей силы может даже упасть до издержек производства. Это проявляется в виде неполной занятости рабочей силы.

Рабочая сила, как и любой другой товар, присоединяет к произведенному с ее помощью продукту свою цену производства, в которой, кроме издержек производства, заключена и часть прибавочной стоимости, которая должна будет распределиться в отрасли, занимающейся производством рабочей силы. Что именно отнести при этом к собственно издержкам производства, а что – к прибыли трудящегося, сказать очень трудно, и в каждом конкретном случае требует, по-видимому, особого анализа. Важно при этом, однако, другое. Мы хотели показать, как может осуществляться на практике положение, при котором все продают с прибылью, потому что общественный труд создает прибавочный продукт, прибавочную стоимость, которой хватает на всех членов общества, но которая при капиталистической системе хозяйства распределяется по единому принципу – по величине капитала, вложенного в сферу производства, а в других экономических системах – по каким-то другим принципам – по должности, рабочему времени и т.д и т.п.

Все продают с прибылью потому, что все общество производит прибыль.

Производство товара "рабочая сила"

В капиталистической системе производителем рабочей силы является сам свободный рабочий. Он выносит на рынок рабочую силу как товар. *Но всякий товар, в том числе и товар "рабочая сила" прежде чем продавать, нужно сначала произвести.* Нельзя рассматривать рабочую силу как нечто, данное Богом в руки рабочему, и последний может это нечто продать, не приложив никаких усилий, никакого труда к его созданию. Может быть, так оно и было в Древней Спарте, когда совершенно обнищавшие и одичавшие горцы спускались в долины и просились в рабство, потому что сами не могли прокормить не то что семью, а и самих себя. Но современный рабочий (а тем более – квалифицированный рабочий) затрачивает достаточно большое количество материальных средств и собственных усилий для овладения своей профессией и для воспитания собственных детей

– смены промышленных рабочих. Кроме того, к процессу производства рабочей силы причастны также очень многие люди – учителя, врачи и пр. Они также используют средства производства, частные или государственные. Их услуги оплачиваются из средств семьи рабочего. Поэтому с полным правом можно считать, что рабочий затрачивает определенный капитал на производство товара, который называется "рабочая сила", который принадлежит ему лично как производителю этого товара, и который он надеется впоследствии продать.

Эти затраты также можно условно разделить на постоянный капитал – стоимость материальных предметов, связанных с его существованием и развитием, и переменный капитал – личные усилия в обучении и физической подготовке. Его действия похожи на действия ремесленника, производящего некий товар, но этим товаром является его собственная рабочая сила. Рабочий расходует свою рабочую силу в процессе обучения и воспитания. Он затратил определенный капитал во время этого процесса, причем достаточно длительного! И теперь он, естественно, хочет продать свой товар, и понятное дело, продать с прибылью. Хороший ремесленник продает свой товар с прибылью для себя, он может кормить не только свою семью, он может даже расширять производство за счет получаемой прибыли; это делает и семья рабочего. Он даже использует в этом производстве наемную рабочую силу, причем в большом количестве – учителя, врачи, и др. специалисты.

Покупатель же этого товара (капиталист) за редким исключением будет использовать его непосредственно для потребления (как гейшу, например). Чаще всего и в основном товар "рабочая сила" будет включен после его покупки в какой-то производственный процесс. Следовательно с точки зрения покупателя он ничем не отличается от любого другого средства производства, приобретаемого им на рынке для той же цели.

Это очень важный момент, может быть самый важный!

Таким образом, товар "рабочая сила", изготовленный в процессе подготовки рабочей силы (в течение примерно 20 лет!) был создан в результате вложения капитала, как постоянного C_{pc} , так и переменного V_{pc} . И теперь этот товар выносится на рынок.

Дело обстоит так, как будто существует еще одно, "нулевое" подразделение, в котором производится рабочая сила для остальных подразделений. И это не "как будто", это действительно так. Схема, отражающая эти производственные отношения, приведена на рис.2.

Для любого товара, говорит Маркс, если он в конце концов продается, реализуется его цена производства, т.е. $ИП+Пр=ЦП$, сумма издержек производства и прибыли. Зная прибыль $Пр$ (а она всегда известна), можно по цене производства определить издержки производства. Нет причин, по которым товар РАБОЧАЯ СИЛА в этом отношении должен отличаться от любого другого товара, если этот товар, конечно, нужно производить, если он не валяется на улице, как никому не нужная вещь. Поэтому он действительно продается по цене производства, и рабочий должен получить прибыль (сверх затраченных им издержек производства своей рабочей силы).

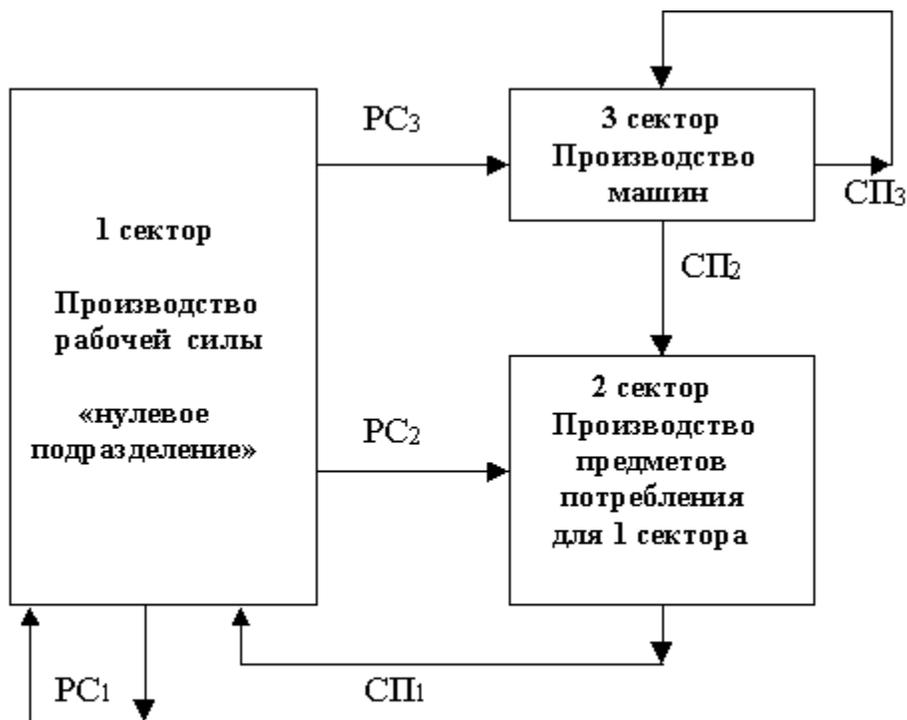

Рис.2. Простое воспроизводство
(с учетом «нулевого подразделения»)

Какова величина этой прибыли, это всегда известно в капиталистической системе; это известно и в ЭРС. По данным журнала "Новый мир" (1985,8, В.Селюнин) в 1985 году на каждый вложенный рубль было получено 15 копеек прибыли. Уровень жизни, по Марксу, различен в различных странах, но столь же различно и качество рабочей силы. И если величину C для рабочей силы еще можно приблизительно определить, то величина V определяется труднее. Ведь часть рабочей силы при производстве новой рабочей силы не покупается, а затрачивается вначале родителями рабочего на его воспитание, а затем уже и самим рабочим на овладение навыками труда и знаниями в этой области. Величину V для рабочей силы так же трудно определить, как и "величину средней интенсивности труда". Она выражает собой среднюю величину необходимого рабочего времени, которое должен затратить рабочий на подготовку своей рабочей силы, на доведение ее качества до уровня нужной в данный момент производству кондиции. Затратив необходимые средства на приобретение средств обучения и на рабочую силу учителей, воспитателей и т.п., но не приложив к ним собственного живого труда самого рабочего, нельзя получить и рабочую силу нового качества, нельзя произвести товар РАБОЧАЯ СИЛА.

Практически конкуренция заставляет продавать рабочую силу не по стоимости, а по цене производства, как и любой другой товар, и получать при этом не целиком прибавочную стоимость, а лишь среднюю норму прибыли.

Интересно, что если в среднем по обществу в любой отрасли степень эксплуатации рабочей силы составляет, например, 100%, то и каждый отдельный производитель своей рабочей силы должен обеспечивать такую же степень эксплуатации своей рабочей силы. В этом случае он работает на себя, производит свой собственный товар РАБОЧАЯ СИЛА, как средневековый ремесленник. Эта степень эксплуатации тоже складывается стихийно, так как продать свою рабочую силу смогут лишь те ее производители, которые обеспечили все необходимые экономические условия при ее производстве, в том числе обеспечили и требуемую обществом степень "самоэксплуатации".

Каждый человек может затратить достаточное количество переменного капитала V для производства своей рабочей силы. Но не для каждой профессии требуется затрата большого постоянного капитала C или высокая плата за обучение. После приобретения специальности трудящийся не просто должен вернуть эти деньги, аналогично тому, как капиталист должен вернуть авансированный капитал после продажи произведенного товара. Он должен обеспечить прибыль, должен обеспечить себе и своей семье нормальные условия существования. Он сможет сделать это только в том случае, если ему удастся применить свои умения и знания, продать свой товар. Но уж если это получается, он должен получить прибыль не ниже средней.

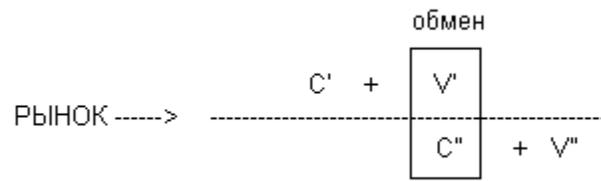
Таким образом, мы приходим к схеме общественного производства, не только отражающей обмен товаров и разделяющей все общественное производство на различные подразделения, в каждом из которых производятся свои товары – средства производства, предметы потребления, средства производства средств производства или научная продукция и, наконец, рабочая сила. Эта схема подводит нас к мысли о том, что для нормального функционирования общественного механизма прибыль должна уравниваться в целом по обществу, а не только между капиталистами 1-го и 2-го подразделений, как это следует из рассуждений Маркса. Так как рабочая сила – тоже товар, и для подготовки квалифицированной рабочей силы требуются не только определенные денежные затраты, но и своя сфера производства, то в этой сфере тоже должна иметь место средняя прибыль, иначе в капиталистической системе эта сфера просто не может существовать.

Трудящийся, продающий свою рабочую силу как товар, является производителем своего товара и его полноправным хозяином. В этом смысле он подобен ткачу, выносящему на рынок товар, произведенный его собственным трудом. Поскольку, однако, индивидуум часть своей жизни воспитывается в семье и на средства своих родителей, он не является в полной мере владельцем своей рабочей силы, он не произвел ее сам от начала до конца. В полном смысле слова ПРОИЗВОДИТЕЛЕМ рабочей силы является семья трудящегося, именно она является первичной ячейкой общественной системы производства.

Если рабочая сила не находит применения, не продается, она не реализует свою СТОИМОСТЬ, не реализует, возможно, даже часть этой стоимости. Возникает армия безработных, большие массы непроданного товара РАБОЧАЯ СИЛА. Рабочий вынужден либо продавать свой товар по цене производства, приближающейся к издержкам производства, либо вообще выбрасывается из процесса производства, если цена не компенсирует затрат на производство рабочей силы.

Действительная схема общественного производства

До сих пор мы рассматривали вслед за Марксом процесс товарообмена между подразделениями без учета потребностей самой рабочей силы. В схемах Маркса рабочая сила в явном виде не участвует, она учитывается там лишь с точки зрения необходимости выплаты ей переменной части авансированного капитала. Отсюда получается, что капиталистическое общество по Марксу устроено так, как будто капиталисты первого подразделения обмениваются продуктами производства-потребления с капиталистами второго подразделения. Действительно, Маркс изображает схему процесса простого воспроизводства в виде диаграммы:

Выделенные "рамочкой" буквы означают, что объем продукции на сумму V' , произведенный в 1-ом подразделении, обменивается на равную ему по стоимости сумму V'' продукции 2-го подразделения.

Продукция V' существует в форме средств производства. И именно в этой форме капиталисты 2-го подразделения покупают ее у капиталистов 1-го подразделения. Но продукция C'' существует в форме предметов потребления. В такой форме она капиталистам 1-го подразделения не нужна. Для процесса своего производства им нужна рабочая сила на сумму V' и они покупают ее, уплачивая зарплату своим рабочим. 1-е подразделение в целом, может быть, и приобретает продукцию у 2-го подразделения, но конкретно делают это не собственники продукции, произведенной в 1-м подразделении, а рабочие этого подразделения. И поэтому нам будет, возможно, полезнее представить себе обмен между этими подразделениями в виде схемы рис.3.

Из этой схемы ясно что трудящиеся, занятые во 2-м подразделении общественного производства, вступают в прямой обмен с товаропроизводителями (предпринимателями) 2-го подразделения; этот товарообмен осуществляется с помощью денежного обмена, но он "замыкается" внутри 2-го подразделения. Предприниматели платят зарплату своим рабочим, а те покупают у них предметы потребления.

Рабочие, занятые в 1-м подразделении, находятся в более сложных отношениях с обоими подразделениями. Они продают свой товар РАБОЧАЯ СИЛА в первое подразделение, а на полученные за него деньги покупают товары (предметы потребления) во втором подразделении. Поэтому в прямой обмен между подразделениями "вклинивается" промежуточное звено – производители товара "рабочая сила" – трудящиеся 1-го подразделения.

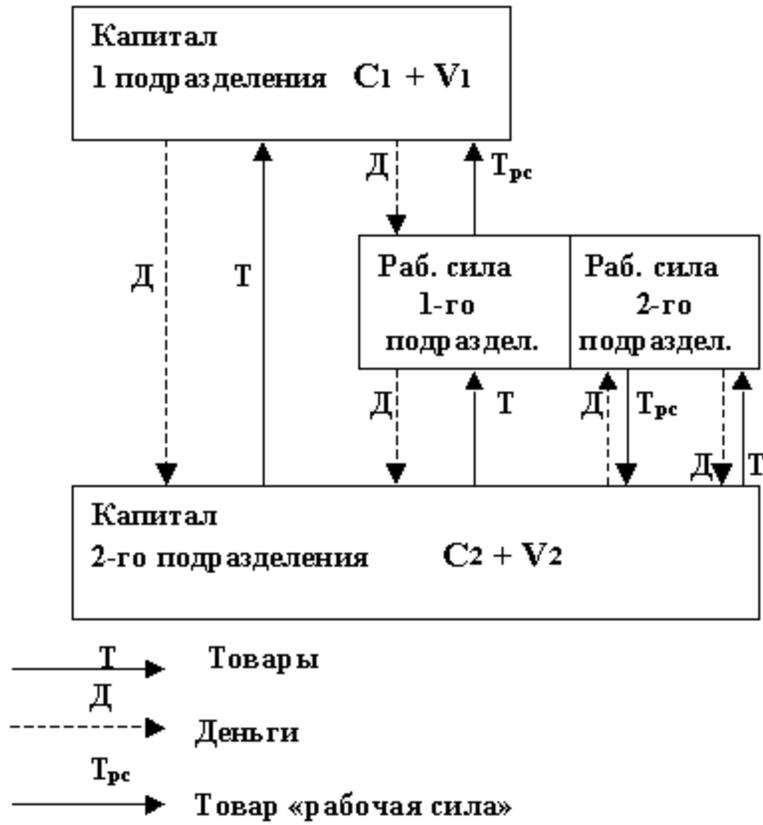

Рис. 3. Товарообмен между подразделениями

Структура общественного производства

Из всего изложенного следует, что действительная схема общественного производства может быть упрощенно представлена в виде трех взаимосвязанных секторов, как это показано на рис.4.

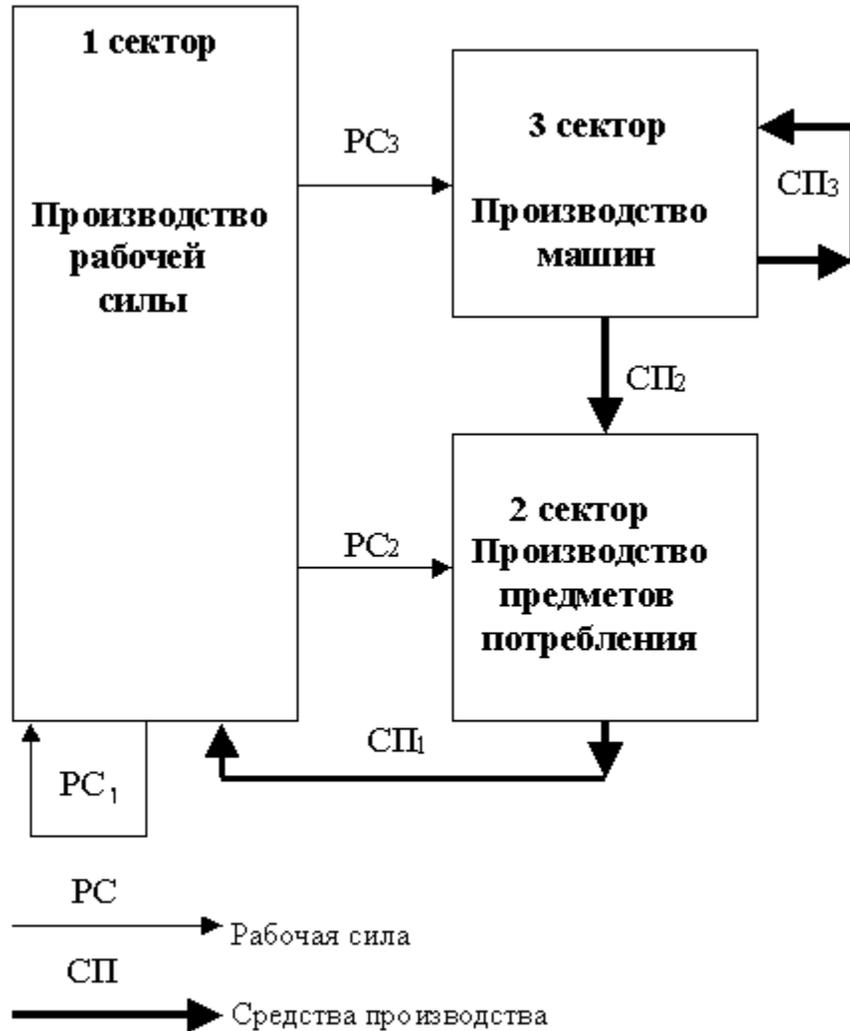

Рис.4. Экстенсивное производство

(Чтобы не использовать термин "нулевое подразделение" для обозначения подразделения, производящего рабочую силу, мы изменим их нумерацию. А для того, чтобы при этом избежать путаницы, будем называть наши подразделения, в отличие от марксовских, "секторами").

В секторе 3 создаются средства производства как для самого этого сектора, так и для сектора 2, где создаются так называемые "предметы потребления" для сектора 1, в котором они как раз и являются теми средствами, без которых невозможно производство товара РАБОЧАЯ СИЛА в секторе 1.

Производителем товара РАБОЧАЯ СИЛА (РС) является рабочий и его семья. Для того, чтобы произвести этот товар, нужно затратить довольно много сил, средств и времени. Еженедельная оплата труда рабочего не есть оплата товара РС, как пытался показать Маркс. Это лишь плата за товар РС в рассрочку. СТОИМОСТЬ же товара РС одного человека, например в США, на сегодняшний день обычно измеряется десятками, а то и сотнями тысяч долларов (кстати, именно такие суммы страховки выплачивают авиакомпании семьям погибших при катастрофах). Она составляется из расходов на воспитание ребенка в течение 16 лет (от 5 до 8 тыс.долл. ежегодно) и из расходов на его образование (примерно столько же, если не больше). Только достигнув 25 лет трудящийся человек начинает получать прибыль, которую почти сразу же начинает вкладывать (в среднем, конечно) в создание новой рабочей силы в виде своих детей. (Ситуация до некоторой степени напоминает выращивание леса на продажу).

В секторе 1 создается также рабочая сила определенного вида, которая затем используется в этом же секторе – это рабочая сила учителей, воспитателей, врачей и других специальностей, участвующих в создании товара РАБОЧАЯ СИЛА. Эту рабочую силу товаропроизводитель РС (рабочий, инженер) нанимает и использует как любой предприниматель, оплачивая ее также по цене производства, в результате чего стоимость, созданная этой наемной рабочей силой (РС) входит в стоимость вновь созданной рабочей силы самого трудящегося.

Такова действительная схема общественного производства. Как и должно быть в соответствии со здравым смыслом, в ней, во-первых, ничего не потребляется непроизводительно. Напротив, **ВСЕ ПРОИЗВОДИТСЯ С ЦЕЛЬЮ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРОИЗВОДСТВА**, и одни товары непрерывно превращаются в другие. Действует своего рода **ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ СТОИМОСТИ**.

Во-вторых, все товары без исключения продаются и покупаются по цене производства, то есть продаются с прибылью.

И, в-третьих, в полном соответствии с утверждением Маркса, эта прибыль **ДЛЯ ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ**, в том числе и для производителей товара РС равна средней по обществу. С точки зрения любого независимого производителя это представляется справедливым.

Еще раз о кризисах

Во времена, описанные Марксом в "Капитале", для борьбы со снижением средней нормы прибыли применялся преимущественно один, доступный для всех производителей метод снижения издержек производства – способ расширения производства, превращение его в массовое производство. Практика показала, что чем крупнее производство, тем меньше могут быть удельные затраты (на единицу продукции), тем выше может быть оборачиваемость капитала, тем быстрее переносит он свою стоимость на продукт, тем быстрее окупается и начинает приносить прибыль. И на первых порах становления капиталистического производства получаемая прибыль немедленно вкладывалась в расширение производства на почти неизменной его технологической базе. Этот способ расширения производства называется ЭКСТЕНСИВНЫМ. Производство товаров действительно очень быстро увеличивалось. Но, как правило, через 8-10 лет возникали весьма неприятные ситуации.

Дело в том, что на прибыль, полученную от продажи произведенного товара, предприниматель покупает новые средства производства и новую рабочую силу с целью получить (произвести) еще большую прибыль. Новые средства производства он может купить в секторе 3. Но, после того, как постепенно рассасываются запасы свободной рабочей силы, возникшие в сельском хозяйстве во время аграрного кризиса, вступает в действие простая арифметика. Экстенсивно развивающаяся промышленность стремится развиваться по закону сложных процентов, так как вновь полученная прибыль вкладывается в расширение производства. А количество рабочей силы возрастает далеко не так быстро. В результате наступает момент, когда намечается возникновение ДЕФИЦИТА РАБОЧЕЙ СИЛЫ. И не просто рабочей силы, а НЕОБХОДИМОЙ рабочей силы (по качеству и квалификации), так как на рынке труда при этом может иметь место предложение рабочей силы в большом количестве, но рабочей силы, непригодной в данное время для использования в производстве (не соответствующей или по квалификации или по специальности). В этих условиях покупатели товара РС (предприниматели) для обеспечения своей потребности в рабочей силе начинают поднимать уровень заработной платы, вступая в экономическую борьбу между собой за товар РС. Но одновременно возрастают и издержки производства выпускаемой продукции, так как эта зарплата в них входит. Это приводит к снижению прибыли. Так происходит до тех пор, пока на наиболее отсталых в технологическом отношении предприятиях прибыль не упадет ниже некоторой критической величины, при которой деятельность таких предприятий становится убыточной. Эти предприятия останавливаются, а их рабочие теряют работу. Часть из них, обладающая необходимой квалификацией, может найти работу на продолжающих функционировать предприятиях, но часть (иногда – большая часть) не может, так как их специальность и квалификация могут быть в данное время не нужны общественному производству.

Все это может происходить в различных вариантах. Но чаще всего получается так, что в отраслях с относительно малым ОРГАНИЧЕСКИМ СТРОЕНИЕМ КАПИТАЛА ($ОСК=C/V$, где C – постоянный капитал, материальные затраты, а V – переменный капитал, заработная плата), где издержки производства ($ИП=C+V$) товара включают в себя в большей степени заработную плату и в меньшей степени – материальные затраты, в этих

отраслях необходимость увеличения заработной платы рабочим приводит к более резкому снижению прибыли, чем в отраслях с более высоким ОСК. Обычно это отрасли добывающей промышленности и некоторые другие. Эти отрасли принимают на себя удар кризиса первыми, ибо именно в них прибыль падает ниже критической раньше, чем в других отраслях. Но рабочая сила, теряющая свои места в этих отраслях, вовсе не всегда может найти себе применение в других отраслях. Если, к примеру, угольные шахты слабо механизированы, и ручной труд применяется там в больших количествах, то исчерпание резервов на рынке рабочей силы вначале вызовет подъем зарплаты, а затем остановку шахт, так как производство угля станет нерентабельным, особенно, если есть заменяющие его источники энергии. Если же зарплату не поднимать, то шахтеры могут начать забастовку, так как предметы потребления дорожают и жить становится все труднее. Но после остановки шахт шахтеры со своей относительно узкой квалификацией не смогут найти работу в других отраслях, даже не подвергшихся кризису, а в своей угледобывающей отрасли все предприятия оказываются примерно в одном положении. Забастовки шахтеров не помогают улучшить положение, так как предприниматели не могут более повышать зарплату, не терпя при этом убытков. Кризис бьет одновременно и по рабочим и по предпринимателям. Интересно здесь отметить, что если бы рабочие сами были бы "владельцами" этой шахты, то положение совершенно не изменилось бы (что и подтвердилось в Англии в 1960-70 годах).

Массовое сокращение потребления в 1-м секторе ведет к сокращению производства во 2-м секторе. Становится бессмысленным производить предметы потребления и продукты питания (средства производства рабочей силы в 1 секторе), так как на них снижается платежеспособный спрос из 1-го сектора. Произведенная во втором секторе прибыль не может быть потрачена на средства производства, предлагаемые третьим сектором, так как эти средства производства невозможно будет соединить с рабочей силой PC2 как по причине ее дефицита, так и из-за сокращения спроса на средства производства со стороны второго сектора.

В результате средства производства, произведенные в 3-ем секторе, оказываются непроданными. Маркс, анализируя некоторые аспекты кризисов, обнаружил это явление и дал название экономическому кризису как кризису "перепроизводства средств производства". Однако, это перепроизводство лишь следствие (причем не первое) основной причины, по которой кризис и должен был бы получить свое название - КРИЗИС ДЕФИЦИТА РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

В результате всех этих процессов возникает резкое торможение роста производства. Рабочая сила увольняется из многих секторов производства, армия безработных резко увеличивается, доходы населения падают (во время Великой депрессии 30-х годов падение доходов населения США достигло аж 20%!! Каково?) И это в то время, когда имеется относительный избыток произведенных продуктов и средств производства. Чем больше увольняется рабочих, тем меньше они потребляют СП₁, тем меньше производится этих СП₁, тем меньше становится спрос на СП₂ и СП₃ и так далее. Процесс приобретает лавинообразный характер, и может развиваться в считанные месяцы, а то и недели, иногда совершенно неожиданно.

Во время кризиса часть предприятий с относительно малым ОСК прекращает свое существование, а другие предприятия (с относительно высоким ОСК) продолжают функционировать (этот пункт требует переосмысления – прим. ред.). Часть средств производства нерентабельных предприятий продается оставшимся "на-плаву" предпринимателям. В основном это – недвижимость, сырье и часть неустаревшего оборудования. (Именно так и следует понимать слова Маркса об обновлении производства в результате кризисов). А так как эти выжившие предприятия продолжают все-таки работать и производить прибыль (иначе и они были бы вынуждены закрыться), то эта прибыль попрежнему вкладывается в расширение производства. Но предприятий, производящих прибыль по наилучшей технологии, по отношению к числу действующих предприятий становится (в процентном отношении) значительно больше, хотя общее число предприятий стало меньше.

К тому времени и цена рабочей силы несколько уменьшается; это облегчает условия для продолжения работы действующих предприятий. Общая прибыль, производимая в стране, может стать временно меньшей, но зато эта прибыль производится теперь на предприятиях с наилучшей имеющейся технологией, с наивысшей возможной производительностью труда, и вкладываться эта прибыль будет в приобретение наиболее высокопроизводительных средств производства. Последнее относится также и к средствам производства рабочей силы, поставляемым из 2-го сектора в 1-ый.

В дальнейшем за то же самое время можно будет, если возникнет необходимость, произвести больше продукции. Что же касается цены на нее и получения большей прибыли, то они не обязательно должны увеличиться, и может быть даже наоборот. Но это уже вопрос более специальный, и к нему мы частично обратимся при обсуждении причин инфляции при капиталистическом способе производства.

По мере получения новой прибыли и приобретения новых средств производства организуются новые рабочие места на действующих и новых предприятиях, увеличивается количество занятой рабочей силы, покупательная способность населения, производство во втором, а затем и в третьем секторе. Общественное производство выходит из очередного кризиса.

Интенсификация производства

При рассмотрении расширенного производства мы не занимались специально вопросом роста производительности труда. Она росла как бы сама по себе, стихийно, бесплано, в ходе естественного прогресса человеческих знаний. Специально на ее повышение не расходовались средства, не затрачивался капитал. Новые машины и технологии создавались время от времени одиночками-изобретателями и покупались задешево предпринимателями, получавшими затем от применения этих изобретений в некоторых случаях очень большой доход. Это из тех времен дошла до нас грустная сказка о несчастном изобретателе, ограбленном бессовестным предпринимателем - капиталистом. Ситуация до определенной степени напоминала аграрный кризис, когда рабочая сила трудящегося-изобретателя обходилась предпринимателю слишком дешево, чтобы он уплачивал ему цену производства его изобретательской рабочей силы. Он имел возможность заплатить ему

ниже стоимости его рабочей силы, так как для него она "валялась на дороге", она была произведена без его участия, без участия его капитала.

Между тем ясно, что систематическое создание более высокопроизводительных машин, чем существующие, возможно лишь благодаря специальным усилиям в этом направлении, требующим дополнительных капиталовложений и дополнительного труда, усилий не изобретателей одиночек, и даже не отдельных лабораторий, а целых фирм и даже отраслей науки и техники. Откуда же взять для этого средства и как должен происходить процесс накопления капитала в этом случае?

Прибавочная стоимость, произведенная в третьем секторе, производящем средства производства для второго и третьего секторов, должна быть направлена (и направляется) не на простое расширение производства машин и оборудования, а на научно-технические разработки высокопроизводительного оборудования для обоих этих секторов и, возможно, даже для 1-го сектора. Эта прибавочная стоимость может разделиться на постоянный и переменный капитал, так как нужно нанять новую рабочую силу и приобрести новое оборудование. Но эта рабочая сила и эти новые средства производства имеют совершенно другое качество. Эта РС – высококвалифицированные ученые и инженеры, а эти средства производства – научное оборудование, предназначенное не для непосредственного выпуска предметов потребления и простейших средств производства, а для научно-технических исследований и разработок. Поэтому органическое строение капитала в этой сфере может и должно быть совершенно иным с самого начала; оно, как правило, больше, чем в остальных секторах общественного производства, затраты на рабочую силу здесь могут составлять значительно меньшую часть от стоимости оборудования.

Вследствие производительного применения прибавочной стоимости в указанном направлении, в 3-ем секторе создаются средства производства нового типа. Предприниматели 2-го и 3-го секторов, желающие превратить свою прибавочную стоимость в новый капитал, получают теперь необыкновенную возможность, которой у них не было ранее. Теперь они могут не делить вновь полученную прибыль на постоянный и переменный капитал, не нанимать новых рабочих для работы на вновь закупаемых средствах производства старого образца. Они могут потратить всю или почти всю полученную ими ранее прибыль на приобретение у некоторых производителей 3-го сектора новых высокопроизводительных машин. Таким образом выпуск продукции во 2-ом и частично в 3-ем секторах может быть увеличен без применения новой рабочей силы, без увеличения спроса на нее и, следовательно, БЕЗ УВЕЛИЧЕНИЯ ДЕФИЦИТА РАБОЧЕЙ СИЛЫ в обществе. Благодаря этому ослабляется главная действующая пружина развития кризиса – снижается дефицит рабочей силы.

Следствием этого является, во-первых, увеличение органического строения капитала во всех остальных секторах общественного производства и связанное с этим перераспределение средней прибыли. Процесс увеличения ОСК, начатый в одной части 3-го сектора, распространяется на все общественное производство. ОСК увеличивается во всех отраслях, подтягиваясь до уровня ОСК передовых отраслей (!).

Во-вторых, возникшая при разработке и создании новых высокопроизводительных машин новая прибавочная стоимость, произведенная в 3-ем секторе, может быть вновь пущена в производство вышеуказанным способом, поскольку вновь созданная техника также может быть использована и для научно-технических исследований. У этой части предпринимателей 3-го сектора также возникает теперь возможность при прежнем (или почти прежнем) количестве персонала приобрести на вновь созданную прибыль преимущественно средства производства, не разделяя их на постоянный и переменный капиталы, как это делалось ранее.

Таким образом, вместо того, чтобы искать на рынке труда свободные рабочие руки, капиталу нужно теперь искать свободные рабочие головы, умные головы инженеров. Вначале их очень мало; их и потом будет постоянно нехватать. Поэтому их рыночная цена велика. Эта рабочая сила "с неба не падает", ее нужно действительно производить. За свое образование производители этой РС платят сами, или им помогают организации или государство, если видят в том выгоду. Поэтому доля переменного капитала, затрачиваемого предпринимателями на их приобретение, несколько больше, чем заработная плата рабочим. Этим и объясняется разница в заработной плате квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы. В общей сумме средств, необходимых для воспитания и подготовки новой инженерной и научной рабочей силы, доля средств, необходимых для получения человеком соответствующей специальности и квалификации по сравнению с долей средств, необходимых просто для его пропитания, существенно и непрерывно возрастает. (Все это несколько снижает максимально возможный темп увеличения ОСК, но не слишком).

Но эта новая рабочая сила (ученые и инженеры), так же как и создаваемый ими продукт (научно-технические знания, и на их основе – новые высокопроизводительные средства производства) обладают замечательной особенностью. Они могут участвовать во многих оборотах капитала, каждый раз возрастающего по величине, почти без увеличения их собственной численности.

Капитализм сделал первое важное открытие в своей жизни, когда нашел товар (рабочую силу), потребление которого создавало бóльшую стоимость, чем стоимость самого товара РС. Капитализм сделал второе, возможно более важное, открытие, когда нашел такую рабочую силу, которая сама стала производить капитал – НАУКУ в лице ученых и инженеров.

Все это дает теперь возможность предпринимателю не заботиться более о поиске новой рабочей силы прежнего качества, простой рабочей силы, а требует от него сосредоточить свои усилия на ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА И НАУКИ. В результате в общественном производстве возникает и постепенно увеличивается в размерах еще один сектор – четвертый – сектор производства научных знаний, сектор производства способов производства и новых технологий (см.рис.5).

Вследствие этого в общественном производстве возникает целый ряд новых тенденций и процессов, из которых мы здесь укажем только некоторые.

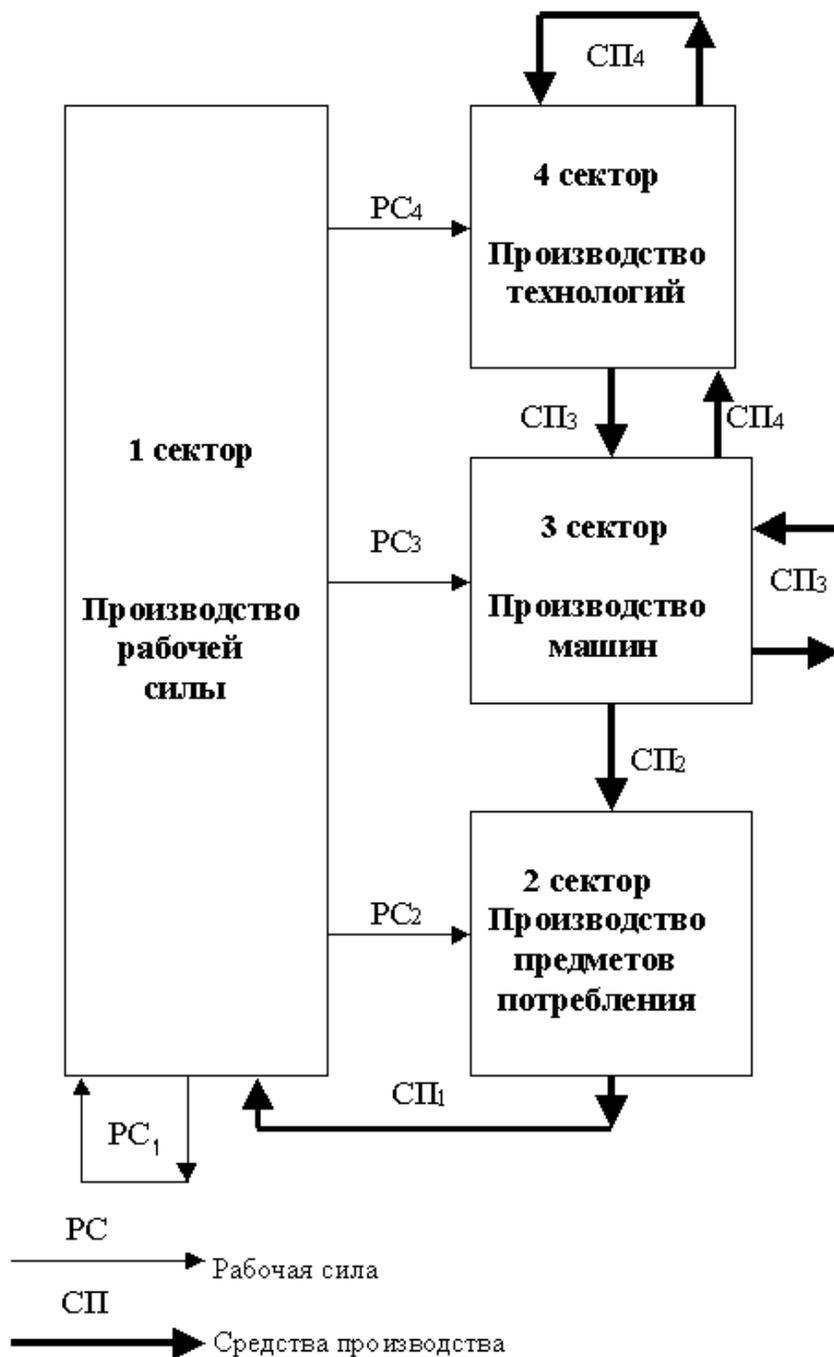

Рис.5 Интенсифицированное производство

1. Если при постоянном рабочем дне и внедрении новой высокопроизводительной техники стоимость единицы продукции уменьшилась (в среднем по обществу), значит уменьшилось и необходимое время для производства рабочей силы и, казалось бы, "степень эксплуатации труда" может увеличиться.

2. Однако, поскольку органическое строение капитала в результате внедрения новой техники имеет тенденцию увеличиваться, то это ведет к снижению средней нормы прибыли. Поэтому с точки зрения предпринимателя первая и вторая тенденция оказываются противоположно направленными и приблизительно уравнивают друг друга.

3. Так как стоимость рабочей силы, необходимой для всех секторов, увеличивается (главным образом из-за необходимости подготовки персонала, способного работать на новой технике), то эта тенденция противодействует первой. Из-за нее темп роста ОСК немного замедляется, снижая возможность повышения степени эксплуатации труда.

4. С другой стороны, непрерывное увеличение стоимости рабочей силы во всех секторах требует большей величины переменного капитала, что теоретически позволяет получать большую величину прибавочной стоимости.

Искусство балансировки указанных (и еще не указанных) тенденций и есть искусство управления производством, которое во всех развитых странах осуществляется через банки и налоговую политику государства предпринимателей. Именно в банки стекается вся информация о финансовой деятельности и положении предприятий. И все мероприятия, проводимые банками и государством, в конце концов должны приводить к тому, чтобы снижался дефицит необходимой рабочей силы как первопричины экономического кризиса.

Из изложенного уже ясно, что в отличие от простой рабочей силы, которую развивающийся капитализм получал вначале почти даром из капитализируемой деревни, высококвалифицированную РС необходимо производить за свой, капиталистический счет; не воспроизводить (по Марксу), а именно ПРОИЗВОДИТЬ. Поэтому сегодня не может идти и речи о какой-то "эксплуатации" рабочей силы высококвалифицированных (да и всех прочих) трудящихся. Капиталисты высоко оплачивают рабочую силу развитых стран не с целью политического подкупа, ибо каждый капиталист преследует только свои узкие индивидуальные экономические интересы, а не руководствуется политическими мотивами. Они оплачивают ее столь высоко потому, что ее постоянно нехватает для ИНТЕНСИВНО развивающегося производства, потому что они ВЫНУЖДЕНЫ оплачивать ее подготовку, вынуждены делать это из чисто экономических соображений.

Неквалифицированная РС, если ее удастся продать, также оплачивается по цене производства, но, естественно, ниже высококвалифицированной, так как для ее производства нужно затратить меньший капитал.

Отметим здесь попутно, что все вышесказанное объясняет, почему Маркс и вслед за ним Энгельс так старательно уходили от вопроса о значении сложного (понимай - высококвалифицированного) труда, считая, что сложный труд это всего лишь

помноженный простой труд, и что этот вопрос не заслуживает более детального рассмотрения. Как видим, очень даже заслуживает.

Еще раз об инфляции

(Хотя часть этого раздела под тем же названием имеется в первой части книги, мы повторим его здесь для связности изложения, чтобы не отправлять читателя на его поиски.)

Накопление капитала вышеописанным способом, путем интенсификации производства, не обязательно имеет следствием удешевление единицы продукции. Далеко не во всех случаях внедрение высокопроизводительного (и обычно более дорогостоящего) оборудования сопровождается столь большим увеличением выпуска продукции, что удается снизить цену на нее, и таким образом потеснить конкурентов на рынке. Продукции действительно может выпускаться больше, но и стоимость она имеет бóльшую. Капитал выполнил свою жизненно важную функцию, он возрос, возросла его СТОИМОСТЬ. Но при этом норма прибыли могла и уменьшиться, если изменилось органическое строение капитала, если возрос постоянный капитал, а переменный почти не изменился. Может даже уменьшиться и норма прибавочной стоимости, если из-за удорожания рабочей силы увеличилась абсолютная величина заработной платы. Все зависит от соотношения между ОСК и количеством выпускаемой продукции.

Важно понять, что рост промышленного производства не обязательно сопровождается снижением цен на продукцию, часто бывает даже наоборот. Одновременно с этим может повышаться и заработная плата. Одно другому не противоречит.

Этот процесс называется ИНФЛЯЦИЕЙ. Инфляция происходит из-за того, что значительная часть вновь произведенного капитала расходуется на повышение эффективности производства, а также оттого, что ускоренное списание старого оборудования вызывает увеличение доли основного капитала в единице продукции. Чем выше темп развития отрасли, тем быстрее устаревают ее продукция, а также и оборудование для выпуска этой продукции. Остановить этот процесс невозможно, да и незачем, так как вместо ИНФЛЯЦИИ, ЯВЛЯЮЩЕЙСЯ ОТРАЖЕНИЕМ ПРОЦЕССА ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА, мы немедленно получим кризис, связанный с дефицитом рабочей силы. Можно только спорить о мерах по снижению влияния инфляции на уровень жизни малоквалифицированных и безработных членов общества, и о влиянии инфляции на ухудшение в перспективе качества рабочей силы, но это уже «высший экономический пилотаж», этим занимаются специалисты, и мы сейчас это обсуждать не будем; нам бы в основах разобраться.

Для того, чтобы лучше понять причины и механизм действия инфляции, необходимо ответить на вопрос: "При каких обстоятельствах выгодно заменять ручной труд машинным, живой труд рабочих (даже квалифицированных) заменять автоматами?"

Вначале, для ясности, рассмотрим небольшой пример.

Пусть в какой-то отрасли $ОСК=C/V=60/40$ и средняя прибыль равна $Пр=20\%$

Тогда издержки производства $ИП=C+V=60+40=100$ и товары отрасли продаются по цене производства $ЦП=ИП+Пр=100+20=120$ (например тысяч долл.)

Что произойдет, если на каком-нибудь предприятии заменить всех рабочих автоматами?

Если новый постоянный капитал (новые машины) изнашивается за тот же период времени, за который ранее выплачивалась рабочим их заработная плата V , и если эти новые автоматы стоят столько же (V), то издержки производства останутся теми же, и никакого выигрыша владелец предприятия не получит. Выигрыш получится только в том случае, если за этот период времени износ новых машин будет меньше, чем 100% , например 50% . Тогда за этот период издержки производства составят только

$$ИП=C+0,5V=60+20+80.$$

Но товары будут попрежнему продаваться по цене $ЦП=120$, так как остальная часть отрасли работает по прежней технологии, и цена производства, по которой продаются товары, отражает *средние* затраты на их производство.

Наш предприниматель получит теперь прибыли вдвое больше. Это стало возможным благодаря не просто применению машин, заменяющих ручной труд (независимо от их собственной стоимости и срока службы), и не просто машин, выпускающих больше продукции, но машин, переносящих на произведенный продукт за прежний интервал времени меньшую стоимость, чем прежняя цена рабочей силы (при прежней или большей производительности). Только в этом случае прибыль может увеличиться. Только в этом смысле и следует понимать термин "высокопроизводительное оборудование" – оно более производительное постольку, поскольку ПРОИЗВОДИТ БОЛЬШЕ КАПИТАЛА, а не больше продукции, как это было принято считать в советской политэкономии.

Так (или примерно так) все происходит до тех пор, пока не будет автоматизирована большая часть отрасли. А дальше?

Если объем продаж останется тем же, то предприниматели этой отрасли будут получать прибыль более средней, более 20% . В отрасли начнет накапливаться новый капитал, конкуренция на покупке сырья увеличится, а сами товары могут стать несколько дешевле из-за конкуренции на их продаже. Прибыль вернется к средней величине. Если цены на сырье не изменились, то не изменились и издержки производства. Поэтому товары будут продаваться по цене производства, которая теперь равна

$$ЦП=ИП+Пр=80+20=100.$$

Цена товара должна падать, если не учитывать подорожания сырья. Рабочие, высвободившиеся из полностью автоматизированной отрасли, должны будут найти себе новую работу или пополнить армию безработных. Вследствие необходимости производить новое автоматизированное оборудование, в другой отрасли могли образоваться новые

рабочие места. Однако вполне возможно, что там требуется рабочая сила совсем другой специальности и квалификации. Поэтому вопрос о переподготовке рабочей силы является одним из основных для нормального роста экономики.

В наиболее выгодном положении при внедрении автоматизации оказываются отрасли с относительно малым ОСК. Хотя и до введения автоматизации и после ее введения предприниматели получают ту же самую прибыль, но во время переходного процесса из одного состояния в другое наиболее дальновидные из них успевают сорвать некоторую часть сверхприбыли, возникающей из-за того, что часть отрасли еще работает при прежнем ОСК. Чем быстрее предприниматель реорганизует свое производство в сторону автоматизации, тем большее время он сможет продавать свои товары по прежней цене, получая добавочную прибыль; тем большее время он сможет покупать сырье по прежней цене, если оно вздумает потом подорожать. Поэтому, хотя в отрасли с малым ОСК применяется большой процент ручного труда и, казалось бы (по Марксу), это должно быть выгодно для капиталиста, общий для всех ЗАКОН СТОИМОСТИ ДИКТУЕТ ИЗБАВЛЯТЬСЯ ОТ ИЗБЫТКА РУЧНОГО ТРУДА.

Каким же образом получается прибыль в полностью автоматизированном производстве, если верно утверждение Маркса, что прибавочная стоимость создается живым трудом, а прибыль возникает из прибавочной стоимости труда рабочих, присваиваемой предпринимателем-капиталистом? Маркс отвечает – из других отраслей, не захваченных автоматизацией, так как прибыль усредняется по обществу путем перекачки капитала из одной отрасли в другую. Но из каких именно и каким образом?

Товар, произведенный в нашей автоматизированной отрасли, продавался в другие отрасли по определенным ценам производства. Может быть, эти цены увеличились?

Нет, они могут даже уменьшиться, как мы видели, в результате повышенной конкуренции. Может быть, снизились цены на сырье, и наша передовая отрасль грабит другие отрасли? Нет, эти цены могут стать даже выше в результате все той же конкуренции.

Далее, предприниматель оплачивал рабочую силу как товар, по цене ее производства. Если он ее оплачивал по стоимости, как считал Маркс, то теперь дело обстоит еще хуже. Теперь-то он уж точно оплачивает купленные в другой отрасли машины-автоматы как и все другие товары – по цене производства, то-есть сам оплачивает прибавочную стоимость труда в отрасли, производящей автоматы. За счет чего или кого же создается прибыль в автоматизированной отрасли?

Рассмотрим опять простой пример. Я - предприниматель. В своей конторе я держу сто клерков, которым плачу по сто марок в месяц, что в год составляет 120 тысяч марок. Я могу купить компьютер за 100 тысяч и посадить за него одного клерка за 1000 марок в месяц, и все равно я останусь в выигрыше, если компьютер выдержит год работы. За счет чего я получил прибыль?

Компьютер, произведенный усилиями 3-го и 4-го секторов, был продан мне по цене производства, то-есть его производители получили свою часть прибыли. Получил прибыль

и я, мог даже получить сверхприбыль, если бы компьютер стоил дешевле. Кроме того, клерк, которого я посадил за компьютер, отнюдь не из числа тех, которые у меня работали, и которые если и могли считать, то только на счетах. Они имели недостаточную квалификацию, чтобы работать на новых средствах производства. Я их уволил и нанял специалиста более высокой квалификации. И я должен заплатить ему больше, чем любому из моих бывших служащих, что я и делаю. Ведь и он вложил в производство своей рабочей силы существенно больше средств и труда, чем остальные клерки. На большой вложенный капитал он получает и большую прибыль. И это тоже представляется справедливым.

Все дело в том, что в 3-ем и 4-ом секторах трудом ученых, инженеров, квалифицированных рабочих и предпринимателей была создана прибавочная стоимость столь большой величины, что если бы вся она осталась в этих секторах, то прибыль там могла составить не то что средние 20%, а все 200% или даже 2000%

Вначале, когда первые высокопроизводительные машины выбрасываются на рынок, так обычно и бывает. Но затем, по мере освоения выпуска этих машин конкурентами, цены на них снижаются и прибыль возвращается к среднему уровню. В других отраслях, потребляющих эти машины для применения в своем производстве, имеет место аналогичная картина: сначала волна получения сверхприбыли, а затем последующее возвращение к средней прибыли.

И действительно, я не стану покупать компьютер, если он стоит (в моем случае) более ста тысяч – мне это невыгодно: и сам я не получу прибыли, и нанятому мною высококвалифицированному клерку не смогу заплатить его заслуженную долю прибыли. Для еще меньшей конторы, чем моя, компьютер даже за 50 тысяч – слишком дорогая игрушка. Фирма, производящая компьютеры, вначале изучает спрос на рынке (проводит МАРКЕТИНГ, выражаясь языком бизнесменов), а этот спрос определяется именно возможностью для покупателя компьютера получить прибыль в результате его приобретения.

Именно такой механизм позволяет очень быстро перераспределить прибавочный продукт, произведенный в какой-либо отрасли, более или менее равномерно по всем отраслям в соответствии с капиталом, вложенным в производство товаров этих отраслей. И это перераспределение производится автоматически.

В ходе вышеописанных процессов (при постоянном уровне спроса и продаж) в автоматизируемой отрасли начинает накапливаться новый капитал. Препрежнее количество продукции начинает производиться с помощью более дорогостоящего постоянного и переменного капитала и при меньшем количестве рабочей силы. Если число производителей осталось прежним, степень конкуренции при сбыте продукции первоначально также останется прежней. Но в том случае, если возрастание постоянного капитала опережает уменьшение переменного капитала, издержки производства могут увеличиться, и норма прибыли падает ниже средней. Часть капитала утекает из отрасли, нерентабельные предприятия закрываются. Общее количество выпускаемой продукции несколько уменьшается, цена на нее увеличивается, а затем ее выпуск на оставшихся предприятиях снова увеличивается до прежнего уровня, способного удовлетворить спрос.

На деле эти процессы происходят столь тесно переплетаясь, что можно и не заметить резкого изменения цен, так как в продаже имеются товары, изготовленные как по новой, так и по старой технологии, и дешевые и дорогие. Но теперь эта более дорогостоящая продукция выпускается на более механизированных и автоматизированных предприятиях, и, как правило, имеет более высокое качество. Ну и цену, конечно. Норма прибыли для оставшихся в отрасли предприятий возвращается к прежней средней величине (как всегда, здесь возможны варианты). Произошло обновление капитала и технологии в отрасли, то есть тот же самый процесс, что и во время экономического кризиса, только менее болезненный и резкий. Цены на продукцию увеличились – это и есть ИНФЛЯЦИЯ, отражающая увеличение капитала в отрасли, вернее ее внешняя сторона. При этом, как мы видели на примере с клерком, вновь принятым в мою контору, зарплата оставшимся в отрасли рабочим тоже увеличилась. Согласно всем законам экономики она и должна увеличиться. Только рабочие эти уже не совсем те, что работали в этой отрасли ранее. Инфляция, господа !

Дорожает действительно все, но раз ВСЕ, значит и рабочая сила. Жизнь действительно дорожает, но одновременно растет и КАЧЕСТВО этой жизни, необходимое для ПРОИЗВОДСТВА НОВОЙ, еще более квалифицированной, еще более высокопроизводительной рабочей силы. ИНФЛЯЦИЕЙ называется именно этот комплексный процесс, а не только лишь внешняя его сторона, проявляющаяся в "обесценивании" денег.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Действие закона стоимости в различных общественно-экономических формациях

Любое современное достаточно развитое общество достигло этого уровня развития только благодаря разделению труда между отдельными членами этого общества, ибо разделение труда есть наиболее эффективный способ приложения сил человеческих. Разделение же труда между производителями необходимо предполагает обмен продуктами труда между ними. Во все века справедливым считался обмен продуктами, на производство которых было затрачено примерно одинаковое количество труда (среднего производителя).

Теоретически, по Марксу, количество труда может быть измерено средним по обществу рабочим временем, затраченным на производство данного продукта. Так как практически измерить это время не представляется возможным, усреднение трудозатрат производится с помощью рынка, на который выносятся однотипные продукты, произведенные многими независимыми производителями. Именно на рынке, независимо от чьего-либо желания или указания производится усреднение трудозатрат отдельных производителей, и эти усредненные трудозатраты называются стоимостью продукта, принимающего при выносе его на рынок форму товара.

Товары обмениваются друг на друга в соответствии с законом стоимости, по которому этот обмен производится в зависимости от стоимости данных продуктов, товаров. С тех пор, как существует обмен, он в той или иной степени подчинялся закону стоимости. Однако, в зависимости от того, в чьих руках находятся средства производства и обмена, закон стоимости оказывает различное влияние на функционирование, развитие, а иногда и на само существование того или иного типа общества.

Посмотрим же на развитие мировой истории с этой точки зрения.

Дорабовладельческие формации

Здесь мы извиняемся за длинную цитату, но видимо, лучше не скажешь...

"К 2500 г. до н.э. закончилась та эпоха технического прогресса, которую мы можем назвать первой в истории человечества технической революцией. Одновременно произошли решающие перемены в структуре общества. На смену простым варварским общинам более или менее равных по своему благосостоянию земледельцев пришли государства, в которых подавляющее большинство населения жило на грани физического существования, часто в качестве рабов или крепостных, а все "излишки" плодов их труда использовались для создания роскошных условий жизни царьков или королей, знати и жрецов, а также для содержания чиновников и армий, составлявших "механизм" для изъятия у масс этих "излишков". Классовое деление стало основой структуры общества.

С точки зрения угнетенного крестьянина, крепостного или раба эти перемены выглядели явной катастрофой. Но с точки зрения человечества в целом, и в особенности с точки зрения людей, живущих сегодня на рубеже нового общественного преобразования, это был необходимый шаг вперед.

В «неолитическом» обществе, где излишек, созданный сверх минимального уровня, необходимого для физического существования, распределялся поровну между жителями деревни, редко какая-либо семья могла выменять у кузнеца на полученную долю излишка хотя бы одно орудие труда. Но возрастающая концентрация богатств в руках у немногих за счет многих давала возможность этим немногим обменивать имеющиеся у них излишки продуктов питания или других средств удовлетворения жизненных потребностей на изготовленные кузнецом орудия труда, и таким образом обеспечивать существование кузнеца или другого ремесленника-специалиста. Далее, многие технические сооружения (ирригационные системы, возведение городов, строительство гаваней, дорог и т. п.), имевшие большое значение для технического прогресса, требовали организации больших масс рабочей силы, изымаемой из непосредственного производства средств удовлетворения жизненно необходимых потребностей. Это стало возможным лишь потому, что несколько лиц обладали достаточным богатством (или, что практически равноценно этому, достаточной властью, чтобы заставить других работать на себя), чтобы содержать эти огромные массы людей.

Поэтому за полным установлением крупных классовых государств в Египте, Месопотамии и долине Инда незадолго до 3000 г. до н.э. последовало несколько веков великого расцвета различных областей техники. Был улучшен процесс обработки металлов, изобретено литье по глиняным моделям, разработан управляемый процесс выплавки бронзы (сплава меди с оловом, прежде получавшегося случайно иногда из руд, содержавших оба эти металла). Это привело к коренному улучшению качества изделий из металла по сравнению с изделиями из меди. Появилась возможность делать более долговечные орудия труда и отливать сложные по форме изделия, чего нельзя делать из меди без ее легирования. Все эти технические новшества дошли до Египта позже, через 1000 с лишним лет. К 2500 г. до н.э. корабли достигали в длину 35 метров и численность их экипажа составляла до 120 человек.

И все же с 2500 г. до н.э. наступил период, когда в течение многих веков технический прогресс шел черепашиными шагами. Длительное время не только не было сколь-нибудь серьезных открытий, но даже в тех областях техники, где основные идеи были уже разработаны, но еще не реализованы, и где, как это нам теперь кажется, небольшие дополнительные усилия должны были привести к большим достижениям, даже там не было никакого дальнейшего технического прогресса, вплоть до средних веков. Этот технический застой был вызван не нехваткой задач, требующих своего решения. Некоторые из задач могли оказаться и трудными на той стадии прогресса, но усовершенствование упряжи или разработка специализированных молотов для конкретных целей были шагом, отнюдь не непосильным для разума людей того времени. Здесь надо искать более глубокие причины.

Наиболее вероятное объяснение кроется в природе социальной системы, господствовавшей в наиболее развитой части мира в этот период застоя. Общества того периода, когда социальные перемены были завершены, и классовое деление четко выявилось и установилось, делились в широком смысле на два класса. Огромные массы угнетенного народа – крестьяне, ремесленники, крепостные, производительным трудом которых создавались все материальные блага общества, получали за свой труд лишь то, без чего невозможно было бы само их существование. Малочисленные правящие группы жрецов, привилегированной знати и царьков никаким производительным трудом не занимались, но жили в роскоши, пользуясь плодами труда других.

Технические условия того времени обусловили очень большую пропасть, разделяющую эти два класса. Ведь медь была довольно редким металлом, а ее производство обходилось дорого; это в еще большей степени относится к олову, другой составной части бронзы. Добычу этих обоих металлов могли монополизировать небольшие кучки людей, пользующихся большой властью. Но бронза на этом уровне развития техники была главной основой экономического, и, тем более, военного могущества; вот почему власть и богатство были весьма резко сосредоточены в руках отдельных людей. Зависимость таких государств от ирригации, контроль над которой также легко монополизировать, подчеркивала эту тенденцию. В таком обществе независимые средние классы были весьма малочисленны (горстка купцов в Месопотамии, почти полное отсутствие их в Египте). Деление общества на небольшие автократические группы правителей и огромные массы трудового люда было почти абсолютным.

Рассмотрим теперь отношение этих двух классов к процессу изобретений и усовершенствований. Трудовой люд уже был знаком с существовавшими тогда техническими средствами, у него были и практические навыки, позволявшие ему осознать, как именно следовало бы усовершенствовать эти средства. Но он не был заинтересован в подобном усовершенствовании, поскольку вся добавочная масса продуктов его труда, создаваемая в результате такого усовершенствования, отбиралась у него, и еще больше обогащала его хозяев. К тому же, работая днем и ночью до полного изнеможения, люди труда не имели столько свободного времени, чтобы заниматься изобретательством.

С другой стороны, господствующий класс смотрел на мир только с точки зрения потребителя. Люди этого класса, не зная толком способов производства, обычно не догадывались о его технических недостатках, и не имели практических навыков для совершенствования производства. Они были хорошо знакомы с искусством эксплуатации людей труда, управления ими, изъятия у крестьянина собранного им урожая до последнего зерна и немало внесли "усовершенствований" в это свое искусство. Но они были неспособны совершенствовать методы технического развития общества.

Итак, вследствие того, что один класс обладал и знаниями, и навыками, необходимыми для технического развития, но не имел ни побудительных стимулов, ни свободного времени, а у другого класса не было таких знаний и навыков, технический прогресс оказался невозможным.

Различными путями собрано немало свидетельств того, что именно форма общества была причиной прекращения технического развития. В Египте, например, где процесс деления общества на классы был практически завершен, застой был почти полным. В Месопотамии, где у численно небольшого класса независимых купцов было прочное положение, и в различных периферийных районах, где новая социальная структура была не столь прочной и жесткой, еще мог происходить некоторый, правда, довольно скромный, прогресс. Так, колесная повозка получила распространение в Месопотамии и Сирии уже к третьему тысячелетию до н.э., то есть к тому времени, когда новый социальный строй обрел устойчивость. Но в Египте этого еще не произошло, а общество уже сформировалось. Конечно, египтянам уже было известно колесо, потому что они использовали его в переносных лестницах и военных колесницах, применявшихся уже в середине третьего тысячелетия до н.э. при военных осадах. И хотя, благодаря наличию нильского речного транспорта, роль наземных перевозочных средств в древнем Египте была гораздо меньше, чем в других странах, и здесь было немало таких работ, где применение повозок облегчило бы труд и повысило бы его производительность. Тем не менее, примерно до XVI века до нашей эры повозки распространения в Египте не получили. И даже после этого периода их внедрение было следствием вторжения народов из тех стран, где они уже широко применялись. Напрашивается вывод, что колесо не получило распространения в Египте потому, что сведения о нем не успели достигнуть этой страны до того, как ее общественный строй стал столь неблагоприятным для нововведений, что даже препятствовал его использованию" (С.Лилли. "Люди, машины, история")

(Конец цитаты)

Следует здесь же отметить, что любая авторитарная, диктаторская система построения общества требует для поддержания своего существования определенной идеологической системы обработки умов эксплуатируемых людей. Изначально в качестве такой идеологической системы выступала религия, и именно поэтому любая королевская власть всегда поддерживала религию своей страны и боролась против иноверцев единым фронтом со жрецами (священниками). Как уже было показано многими борцами против религии, господство последней в умах широких масс носит такой характер, что препятствует всякому свободомыслию вне установленных канонів и рамок, что противоречит основному методу изобретательства, требующему, как правило, взглянуть на положение вещей с другой, не совсем обычной точки зрения. "Это так, потому что нельзя иначе" – примерно таким образом формулируется принцип мышления религиозного человека. Вбиваемый с детских лет, подобный принцип делается руководящим принципом мышления человека во всех случаях жизни, в том числе и в процессе производства. Поэтому резко классовая форма общества не только сама по себе на определенном этапе своего существования начинает тормозить технический прогресс, но и создает внутри общества специфическую идеологическую среду, идеологическую и моральную атмосферу, препятствующую этому прогрессу.

Рабовладельческое общество.

Все материальные блага производятся трудом рабов. В руках рабовладельца раб был таким же орудием производства, как, скажем, грузовик, находящийся во владении современного предпринимателя. Закон стоимости в таком обществе действует простейшим образом, посредством рынка, на котором торгуют всем, в том числе и рабами. Однако хозяйство каждого рабовладельца недалеко ушло от натурального, и на рынок выносились лишь излишки продуктов, произведенных для собственного потребления, исключая, конечно, ремесленников. Кризисы могли случаться и у древних римлян, но это были простейшие кризисы, кризисы пере- или недопроизводства продуктов потребления, но не средств производства.

"Труд раба в рабовладельческом обществе отличает полное отсутствие заинтересованности раба в результатах своего труда"(А.А.Амаспюр).

Поскольку раб был собственностью рабовладельца, последний не мог допустить его гибели в течение некоторого среднего срока его службы, по истечении которого судьба раба мало кого волновала. Поэтому он был обязан кормить и одевать раба, пока тот мог работать. Величина этой кормежки и качество одежды раба никак не были связаны с результатом его труда, с его количеством и качеством. Поэтому раба заставляли работать максимально возможное время, но, со своей стороны, он совершенно не интересовался ни качеством своей работы, ни сохранностью орудий труда.

Ремесленное производство. Мануфактура. Капиталистическое производство товаров.

Ремесленное производство являлось простейшим типом товарного производства. Ремесленник производит все свои продукты только для продажи, только для обмена, только как товары. Он не применяет принадлежащие ему средства производства как капитал (хотя и является их владельцем) до тех пор, пока работает на них сам, а не использует наемную рабочую силу. Таким образом, производство может быть товарным и не быть капиталистическим.

При этом простейшем виде производства и закон стоимости проявляет себя простейшим образом – товары обмениваются приблизительно по их стоимости, а право на использование доходов от их продажи однозначно определяется правом собственности их производителя на принадлежащие ему лично средства производства этих товаров, и его трудом, вложенным в их производство.

В эпоху ремесленного производства производительные силы общества и пути сообщения в целом еще настолько слабо развиты, что ремесленник-предприниматель не может сильно расширять производство, сфера сбыта его мала, мал рынок, хотя он и существует. Разделение труда в ремесленном производстве находилось в зачаточном состоянии (ученики, например, делали черновую работу, заготовки, из которых затем мастер уже изготавливал собственно товарную продукцию).

Лишь мануфактура с ее разделением труда внутри предприятия, с ее возможностью производить продукцию высокого качества и в большом количестве с помощью низкоквалифицированных исполнителей, обученных выполнять только одну операцию, но делать это в совершенстве – именно мануфактура сняла одно из основных ограничений ремесленного производства – необходимость применения высококвалифицированной рабочей силы пропорционально массе выпускаемой продукции.

Для расширения производства теперь достаточно было увеличивать лишь число рабочих и рабочих мест, средств производства. Именно мануфактура, постепенно развивая также и производство средств производства, вызвав спрос на средства производства, сделала развитие средств производства необходимой потребностью и условием развития производства предметов потребления, создала предпосылки для капиталистической системы хозяйства.

При этом общество уже стало разделяться не на чисто политические классы – вассалов и сюзеренов, трудящихся и правителей (одни из которых просто присваивали себе силой продукты труда других, произведенные с помощью принадлежавших самим производителям средств производства), а на классы полит-экономические – на владельцев средств производства и владельцев одной лишь рабочей силы (разорившиеся ремесленники, крестьяне и т.п., впоследствии – пролетариат).

Во всех вышеописанных типах обществ закон стоимости проявлял себя через всегда существовавший рынок. Но вследствие слабого развития этого рынка этот закон, несмотря на наличие частной собственности на средства производства, не вызывал кризисов перепроизводства, а приводил лишь к эксплуатации одних людей другими.

Основным признаком и условием существования капитализма является не товарное производство, основанное на законе стоимости (оно существовало и раньше и ни на каком другом законе кроме закона стоимости – справедливого товарного обмена – основываться не может), и не частная собственность на средства производства сама по себе (она также существовала и раньше), и не отделение средств производства от непосредственных производителей (это имеет место и в рабовладельческом строе).

Основным условием и признаком капиталистического производства является превращение рабочей силы в товар (создание рынка рабочей силы, рынка труда), в результате чего капитал получает возможность самовозрастания.

Капитал, по Марксу, есть стоимость (то есть совокупность материальных ценностей, произведенных полезным трудом людей), способная к самовозрастанию в результате потребления рабочей силы.

Только в том случае, когда образуется рынок рабочей силы, с помощью которого, как с помощью мерительного инструмента, можно определить стоимость рабочей силы, капитал может начать "впитывать в себя" эту стоимость и получает возможность самовозрастать.

Если же созданы условия, при которых рабочая сила стоимости не имеет, или ее стоимость невозможно определить, капитал теряет возможность самовозрастать, теряет способность к самовозрастанию, перестает существовать как капитал, превращаясь просто в средства производства и продукты потребления.

Далее – опять цитата из книги С.Лилли:

"Развитие капиталистической системы производства резко ускорило технический прогресс и повысило производительность труда. В то же время обострились противоречия между существовавшим королевско-феодалным политическим строем и новыми формами промышленного производства. С мануфактурными предприятиями кустарные ремесленные предприятия конкурировать не могли. Над ними нависла угроза потери ими всей самостоятельности, и превращения кустарей в наемную рабочую силу, либо полного лишения средств к существованию во время безработицы в результате конкуренции со стороны более производительных мануфактур. Поэтому они противодействовали созданию капиталистических предприятий, используя политическую силу своих цеховых объединений. Они видели также, что внедрение машин способствовало расширению капиталистического способа производства за счет их промыслов, и пытались помешать использованию машин.

Подобная оппозиция была неспособна остановить технический прогресс, но она его настолько задерживала, что для преодоления такого сопротивления понадобились коренные политические перемены.

Вокруг всех этих спорных вопросов в начале XVII века разгорелась ожесточенная политическая борьба, которая привела в Англии к революции, начавшейся в 1640 году. Через несколько лет старый политический строй сменился новым, покончившим почти со всеми прежними ограничениями. Политическая власть перешла теперь главным образом в руки нового класса капиталистов или буржуазии (поэтому и революцию называют буржуазной) в союзе с более прогрессивной частью аристократии.

Описываемая здесь картина страдает от чрезмерного упрощения. Во-первых, революция в Англии не завершилась через несколько лет, как это происходило потом в других странах. Первые шаги были сделаны во времена династии Тюдоров, а для завершения революции потребовались дальнейшие преобразования - сначала в 1688 г., а затем в виде целого ряда реформ, надолго затянувшихся и захвативших даже значительную часть XIX века. Капиталисты, захватившие политическую власть в XVII веке, принадлежали скорее к категории купцов и банкиров, чем владельцев промышленных мануфактур, класс которых тогда только нарождался. Поэтому борьба продолжалась и до XIX века, пока промышленники не получили свою долю политической власти, необходимой им для содействия полному процветанию крупной промышленности.

При социальном строе, который покончил в основном с феодальными ограничениями, английская промышленность стала развиваться невиданными темпами. Поскольку Англия вступила на промышленный путь развития раньше других стран более, чем на столетие, на протяжении этого периода она не встречала почти никакой конкуренции. А с ростом промышленности вставало много новых задач, искать решение которых приходилось искать на пути изобретательства. Вот почему в течение целого столетия с лишним в перечне изобретателей стоят почти исключительно фамилии англичан.

Капитализм оказался в последующие два столетия гораздо прогрессивнее всех прежних цивилизаций. Он обеспечивал лучшие экономические возможности для накопления капитала, необходимого для использования крупных машин и создания рынка рабочей силы, обслуживающей такие машины. Своим рынком, свободной конкуренцией он обеспечивал расширение торговли, чтобы сделать прибыльным крупномасштабное производство. Свободная конкуренция разоряла владельцев малоэффективных предприятий, обеспечивая таким образом дополнительные преимущества за передовой технологией производства. Помимо всего прочего, капитализм пересмотрел деление общества на господ и рабочий люд, которое столь часто в прошлом задерживало развитие технологии производства. В прежнем классовом обществе правящие классы не имели почти никакой связи с производством. В хозяйственной жизни они выступали прежде всего в роли потребителей, забиравших долю продукта и почти не интересовавшихся тем, как этот продукт производится. В полную противоположность феодалу, капиталист, хотя сам непосредственно не производит, но полностью отвечает за организацию производства и управление предприятием. Его благосостояние находится в прямой зависимости от производительности фабрики или рудника. Поэтому он кровно заинтересован в изобретениях и совершенствовании технологии производства.

Капитализм не уничтожил классового деления общества, он просто изменил его характер. Но эти перемены на какое-то время устранили причины, задерживавшие развитие производительных сил". (Лилли. "Люди, машины, история")

Тем не менее, из трудящегося продолжали высасывать все соки, весь возможный прибавочный продукт, но теперь уже в менее здоровой обстановке. На промышленных предприятиях XIX века человек изнашивался гораздо быстрее из-за нездоровых условий труда. В то же время развитие производительных сил и расширение рынка привели к тому, что действие закона стоимости стало проявляться в виде периодических кризисов.

Причины и развитие кризисов были нами разобраны в первой части книги и, как мы видели, их механизм достаточно сложен. В общей форме можно сказать, что кризисы происходят в результате того, что в условиях исключительно частной собственности на средства производства экстенсивное развитие промышленности (т.е. простое расширение производства без одновременного повышения производительности труда) в определенный момент наталкивается на дефицит рабочей силы. Сама по себе эта формулировка не дает объяснения механизма развития кризиса, однако в сжатой форме указывает на причины его возникновения.

Одной из попыток решения проблемы кризисов с помощью государства было установление режима политической диктатуры в Германии в 1933 году.

Способ преодоления кризиса, предложенный идеологами партии фюрера, был прост, как колумбово яйцо. Партия мелких предпринимателей ("лавочников") НСДАП считала, что монополизация промышленности и есть та причина, которая приводит к кризисам, так как во время кризисов мелкие предприниматели разоряются, а монополии выживают и наживаются. Как и все прочие "социалисты", национал-социалисты Германии, выхватив один тезис из экономического учения Маркса, предали все остальное забвению и анафеме вместе с Марксом, а тезис этот выдали за наивысшее достижение научной мысли. Безусловно, в данном случае следствие было выдано за причину. Монополизация является естественной тенденцией развития капиталистического предприятия и всей системы. И в отсутствие противодействующих и регулирующих факторов может привести из-за своего неограниченного роста к неустойчивости системы, к "кризису". Вместо того чтобы законодательно ограничить монополизацию, создать антитрестовские законы (а это возможно было сделать только в условиях политически открытой системы типа американской, и только понимая приблизительно причины кризисов), фюрер предложил "свою" программу преодоления кризисов – увеличение налогов на монополии и крупные отчисления в пользу государства. Эти средства были направлены в государственные предприятия по строительству дорог, военных объектов и т.п. Государственные предприятия не выступали в качестве конкурентов частным фирмам, и, что самое важное, не использовали получаемые средства на создание техники, повышающей производительность труда в масштабе общества. Они служили главным образом средством борьбы с безработицей, отвлекая излишнюю, в том числе и некондиционную, рабочую силу из сферы частного производства.

Результат не замедлил сказаться. Заставив таким образом частные фирмы работать в условиях постоянного дефицита рабочей силы и сделав внутренний рынок постоянным и даже расширяющимся (ибо при разорении мелких фирм рабочая сила отвлекалась в госсектор, а не выбрасывалась на улицу), такая система привела к повышенному расходу переменного капитала, к общему снижению темпов накопления, что несколько приостановило наступление очередного кризиса. Но снижение темпов накопления имело следствием и уменьшение темпов технического перевооружения производства. В результате конкурентоспособность немецких товаров на внешнем рынке уменьшилась, и, поскольку Германия ввозила большое количество сырья, рост промышленности, хотя и медленный, натолкнулся на сырьевой барьер. Характерно, что такое государство, как Германия, дошло до этого состояния всего за 6-7 лет.

Для того, чтобы решить сырьевую проблему, крупные монополии стали подталкивать правительство к войне. К тому времени большинство немцев политически уже поддерживало фюрера: еще бы, ведь он всем дал работу! Разве это не главное для "маленького человека"? До тех пор, пока партия фюрера обеспечивала рост национального продукта и процветание всех и каждого, ни у кого не было и мысли о том, что все происходящее может кончиться войной. Лишь коммунисты Германии предупреждали: "Фюрер - это война!". Но исходили при этом, конечно, не из экономических законов развития общества, а из истории диктаторов, которых хватало во все времена.

*

На этом мы заканчиваем рассмотрение общественно-экономических систем, в которых закон стоимости проявляет себя через рынок, и тем самым оказывает непосредственное регулирующее действие на экономику каждого отдельного предприятия. Теперь мы переходим к анализу экономических с нерыночного типа, в которых производство поставлено в такие условия, что закон стоимости, хотя в конце концов и проявляет себя, но весьма и весьма опосредованно. Единственным общим для этих двух экономических систем является то, что закон стоимости в обоих случаях проявляет себя, как говорил Маркс, "за спиной производителей", без их ведома и желания. Но на то он и ЗАКОН ПРИРОДЫ!

Нам теперь осталось проследить, каким образом этот закон на деле проявляет себя в переходный период между капитализмом и предполагаемым коммунизмом, в период полного обобществления средств производства, то есть в тот период, когда созданы все условия для "очень простого", по словам того же Маркса, подсчета затрат непосредственно общественного труда. (См. по этому же вопросу приложение к этой книге "Анти-Стрелинг").

"Новое общество".

В работе Ульянова "Три источника и три составных части марксизма" Марксу, как провозвестнику пролетарской революции, противопоставляются так называемые "утописты" – Сен-Симон, Фурье и Оуэн. Справедливость требует здесь отметить, что по крайней мере последний из этой плеяды не может считаться утопистом. Вообще утопизм есть стремление строить представление о будущем и само это будущее, не опираясь на законы природы и общества или игнорируя их вовсе. А в те времена общественные законы не были слишком уж разработаны, так что каждый, кто пытался представить себе направление развития общества, вполне мог оказаться утопистом.

Так вот, именно Оуэн, может быть интуитивно понимая все законы современного ему капиталистического общества (ибо он был крупным фабрикантом, причем нажил состояние в результате прогрессивных социальных экспериментов на собственных фабриках на свой страх и риск), именно Оуэн был как никто другой максимальным реалистом. Не кто-нибудь, а именно Оуэн еще в 1825(!) году попытался в реальности провести опыт с установлением общественной собственности на средства производства, опыт, о котором лишь в теоретическом плане говорил Маркс много лет спустя. Маркс безусловно знал об этом опыте, так как Энгельс сотрудничал в печатном органе Оуэна. Причем Оуэн был, по-видимому, очень порядочный человек и имел совесть. Он основал колонию "Новая гармония" – прообраз социалистического и коммунистического будущего общества – на добровольных началах: 800(!) человек в США добровольно(!) приняли участие в попытке построения нового общества, «свободного от эксплуатации человека человеком». Как указывает биограф Оуэна, "колония распалась еще до того, как сработали законы окружающего ее капиталистического общества" (Подмарков. "Роберт Оуэн"). В чем причины этого распада и какие именно законы должны были сработать, Подмарков не берет на себя смелость уточнять, но это сейчас для нас неважно; мы и сами поймем это на основе изложенных ниже законов развития социализма. Важно другое – об этом опыте знал не

только Маркс, но и Ульянов. Это, с одной стороны, не помешало ему объявить Оуэна утопистом и заставить всех в это поверить. С другой стороны, опыт Оуэна должен был показать любому человеку, повторяем, имеющему совесть и сознающему ответственность за судьбы миллионов людей, что необходимо продумать до мельчайших подробностей законы развития будущего общества, прежде чем выходить на пролетарскую революцию, заранее зная, что страна окажется в капиталистическом окружении, т.е. в ситуации, до определенной степени похожей на оуэновскую. Этого сделано не было. Поэтому Ульянова можно назвать политическим аферистом XX века с гораздо большим правом, чем Оуэна – политическим утопистом XIX века.

Далее нужно остановиться на характеристике двух других утопистов – Сен-Симона и Фурье, данной Ульяновым в той же работе. Признавая эту оценку правильной в смысле той исторической роли, которую они сыграли, нельзя не обратить внимание на одно обстоятельство, не отмеченное Ульяновым и, по всей вероятности, не случайно оставленное им в стороне – а именно на то, что эти мыслители, видя все недостатки современного им общества и призывая людей к созданию общества более совершенного, предлагали ту или иную его модель. И пусть эти модели были утопичны и обладали массой недостатков, но они были, во-первых, открыты для критики современниками, и, во-вторых, переход к ним мыслился отнюдь не путем насилия (такая мысль была безусловно чужда этим философам), а путем всеобщего согласия и убеждения. При этом под насилием мы понимаем не устранение прогнившей политической системы того или иного типа, системы, уже не соответствующей новым производительным силам. Такое устранение часто требует насилия, но такого, масштабы которого и ограничиваются этим актом. Под действительным насилием мы понимаем насилие, сопровождающее все дальнейшее развитие общества на пути к "светлому будущему". Ибо такое насилие с неизбежностью уничтожает все лучшее и прогрессивное в народе, превращает его в стадо баранов, идущих за пастырем куда угодно, от пастбища до скотобойни.

Утописты были в этом отношении весьма честными и порядочными людьми. Они давали конструктивную критику существовавшего порядка вещей, хотя и не предлагали путей для достижения этой цели. Существо их предложений имеет для нас сейчас чисто академический интерес, но важным является то обстоятельство, что указывая цель – "идеальное", по их мнению, общество, они не указывали средств к достижению этой цели. Ленинизм же – учение о диктатуре пролетариата как средстве построения общества, свободного от эксплуатации – предлагая средство для достижения цели, не указывал саму цель, не давал даже модели такого общества, не описывал и не указывал законов, на которых такое общество должно быть основано; законов, не изданных и установленных верховной властью, и по этой причине способных изменяться и отменяться по произволу этой власти, а законов в научном смысле, не зависящих от воли отдельных людей или групп людей. Все внимание Ульянова занимала стратегия и тактика пролетарской революции – в этом он был по-своему гениален; о путях же строительства нового мира он считал возможным подумать после ее возможной победы. В результате оказалось, что в октябре 1917 года большевики вышли на революцию, не представляя себе, по существу, какими средствами и какое именно общество они собираются строить. И это можно утверждать с полной определенностью, ибо ни в работах Ульянова, ни в известных нам сегодня работах его сподвижников, нет на этот счет никаких указаний, кроме самых общих (например, "О

кооперации"), направленных на решение текущих задач, требовавших в данную минуту хоть какого-нибудь решения.

На возможность победы социализма в одной отдельно взятой стране (именно социализма, а не пролетарской революции) Ульянов указывал в 1915 году в статье "О лозунге Соединенных Штатов Европы". По Ульянову, эта возможность вытекает из неравномерности экономического и политического развития капитализма. В дальнейшем эта мысль была им развита, и "возможность" превратилась в "необходимость", вытекающую из тех же предпосылок. Невозможность одновременной победы социалистической революции во всех странах, а стало быть и невозможность пресловутой "мировой революции", была им "обоснована" в статье "Военная программа пролетарской революции", хотя и увидевшей свет в 1917 году на немецком языке и в немецкой газете, но *впервые перепечатанной на русском языке лишь в 1929 году, уже после смерти Ульянова*. Ни в одной другой работе Ульянова эти вопросы не обсуждаются. Однако только при очень большом желании можно считать действительным "обоснованием" столь ответственного положения "марксизма-ленинизма" две фразы из вышеупомянутых работ. Сам по себе этот факт очень характерен для Движения: вождю уже давно было ясно, что "дело - швах", а о мировой революции продолжали кричать до конца гражданской войны и даже после нее!

В то же время нельзя сказать, что вопрос о возможности победы социализма в одной стране не изучался другими марксистами, современниками Ульянова. Еще в 1908 году известный большевик Богданов, не исключая возможности победы социалистической революции в одной стране (революции, заметьте, а не социализма!), дал весьма пессимистическую оценку последствий такой победы. Хотя эта оценка дошла до нас не в политическом, а в художественном его произведении (Богданов."Красная звезда"), ее стоит привести здесь полностью.

(Цитата)

"Попытка немедленного социалистического перевоспитания земного человечества - это тот план, к которому мы все еще недавно склонялись и от которого теперь, по моему мнению, мы должны неизбежно отказаться (мы здесь приводим речь одного из участников марсианского совета, обсуждающего вопрос о возможной колонизации Земли). Мы уже достаточно знаем о людях Земли, чтобы понять всю неосуществимость этой идеи.

Там господствует капитализм и существует пролетариат, ведущий борьбу за социализм. Судя по этому, можно было бы думать, что недалек уже момент переворота, который устранил систему организованного насилия и создаст возможность свободного и быстрого развития человеческой жизни.

Но у земного капитализма есть важные особенности, сильно изменяющие все дело. С одной стороны, земной мир сильно раздроблен политическими и национальными делениями, так что борьба за социализм ведется не как единый цельный процесс в одном обширном обществе, а как целый ряд самостоятельных и своеобразных

процессов в отдельных обществах, разъединенных государственной организацией, языком, а иногда и расою.

С другой стороны, формы социальной борьбы там гораздо грубее и механичнее, чем у нас, на Марсе, и несравненно большую роль в них играет прямое материальное насилие, воплощенное в постоянных армиях и вооруженных восстаниях.

Благодаря всему этому получается, что вопрос о социальной революции становится очень неопределенным; предвидится не одна, а множество социальных революций, в разных странах, в различное время и даже, во многом, вероятно неодинакового характера, а главное – с сомнительным и неустойчивым исходом. Господствующие классы, опираясь на армию и военную технику, в некоторых случаях могут нанести восставшему пролетариату такое истребительное поражение, которое в целых обширных государствах на десятки лет отбросит назад дело борьбы за социализм; и примеры подобного рода уже бывали. Затем отдельные передовые страны, в которых социализм восторжествует, будут как острова среди враждебного им капиталистического, а часто даже докапиталистического мира. Борясь за свое собственное господство, высшие классы несоциалистических стран направят свои усилия, чтобы разрушить эти острова, будут постоянно организовывать на них нападения и найдут среди социалистических наций достаточно союзников, готовых на всякое правительство, из числа прежних собственников, крупных и мелких (как в воду смотрел!- прим. авт.). Результат этих столкновений трудно предугадать. Но даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом. Это будет далеко не НАШ социализм.

Пролетариат все еще представляет меньшинство во всех, даже наиболее передовых странах. Большинство образуют не успевшие разложиться остатки класса мелких собственников, массы наиболее невежественные и темные. Восстановить их всех до крайней степени против пролетариата будет тогда для крупных собственников и их ближайших прислужников – чиновников и ученых (!!) – очень легко, потому что эти массы, по своей сущности консервативные и даже частью реакционные, чрезвычайно болезненно воспринимают всякий быстрый прогресс. Передовой пролетариат, окруженный со всех сторон страшно озлобленными, беспощадными врагами, - к ним примкнут и обширные слои отсталых по своему развитию пролетариев, - окажется в невыносимом положении. Будут бесчисленные предательские нападения, погромы, резня, а главное – вся позиция пролетариата среди общества будет как нельзя более неблагоприятна для того, чтобы руководить преобразованием общества.

Века национального дробления, взаимного непонимания не могли пройти даром – они надолго оставят глубокие следы в психологии освобожденного земного человечества; и мы не знаем, сколько варварства и узости социалисты земли принесут с собою в свое новое общество."

Существует и другая, очень важная особенность социалистической революции в октябре 1917 года, показывающая, насколько свободно "классики" обращались с теми же самими сформулированными "законами" общественного развития. А именно – известное марксистское положение о том, что революционные преобразования в обществе являются результатом и способом разрешения противоречий между выросшими в недрах старого общества новыми производительными силами и препятствующими их наиболее полному развитию производственными отношениями, было в октябре 1917 года несколько "забыто". В то же время, поскольку весь ход и характер февральской революции полностью отвечал вышеуказанному марксистскому положению и подтверждал его (ибо самодержавие действительно тормозило бурно развивавшийся в России капитализм и должно было уступить место буржуазной республике), то видимых "теоретических" причин для революции социалистической не наблюдалось. В России, отсталой аграрной стране, имевшей в то время всего чуть более 1100 тыс. рабочих, не было, да и не могло быть никаких "ростков" новых, социалистических производительных сил; в ней и капиталистические-то производительные силы только начинали свой рост. В то время зачатки новых социалистических производительных сил даже в крупных, развитых капиталистических странах были едва заметны.

Именно поэтому результатом октябрьского переворота была гражданская война, неизбежность которой Ульянов имел в виду еще до октября 1917 года. В сочетании с полным отсутствием представления у основной массы населения о том, какие производственные отношения несет с собой новая советская власть (ибо, как уже было сказано, никаких похожих на социалистические, отношений это население не знало раньше), все это вызвало ожесточеннейшую, кровавую борьбу внутри страны, которая не могла не отразиться на всем ходе ее будущего развития. Безусловно, революция победила благодаря правильной, почти безошибочной тактике Ульянова. Но при этом возникает вопрос – во имя чего и какой ценой? Ответ – во имя неизвестного, якобы "светлого" будущего, ценой рек крови по всей России и невероятных страданий оставшихся в живых.

Революция в России.

В наше время принято считать, что всякая критика должна быть "конструктивной". Объявляя капиталистическую систему хозяйства антигуманной, несправедливой и т.д., необходимо не только указать коренную причину всех ее недостатков, но и предложить взамен новую систему, которая была бы по крайней мере не хуже старой по своим основным характеристикам.

Критика Маркса не была конструктивной. Он прямо заявлял, что не ставит своей целью предлагать модели новой системы – это, мол, дело последующих поколений. Он лишь указывает причину всех недостатков существующей системы – частную собственность на средства производства – причину, которую следует устранить, чтобы иметь возможность построить новое общество.

В настоящее время такой подход не может считаться правильным. Если бы Маркс утверждал, что в новом, свободном от эксплуатации обществе, не будет существовать частной собственности на средства производства, с ним, может быть, можно было

согласиться. Но формулировка, данная Марксом, создает впечатление, что найдена наконец причина всех бед – устраните частную собственность и перед вами откроется путь построения бесклассового общества!

Сделанный из этих "теоретических" положений практический вывод об устранении частной собственности был близок и понятен народным массам, незнакомым ни с существом марксизма, ни с тонкостями научной методологии. Частная собственность должна быть уничтожена, а вместе с ней должны погибнуть и все пороки общества, на ней, этой собственности, основанного! Земля – крестьянам! Заводы – рабочим! На развалинах старого мира мы построим новое общество освобожденного труда!

Под такими лозунгами свершилась в России революция в октябре 1917 года.

Каким именно должно быть это новое общество, по каким законам, прежде всего экономическим, и в каком направлении оно должно и будет развиваться – никто и понятия не имел. Большевики, воспользовавшись революционной ситуацией, вышли на революцию, не имея никакой теоретической модели общества, к построению которого они должны были стремиться. В России был создан гигантский полигон для проверки разных экономических систем. И испытания этих систем немедленно начались.

*

Революция получает свое название в политическом смысле (буржуазная, пролетарская, крестьянская и т.п.) в зависимости от того, в интересах какого класса она осуществляется. Революция может получить свое название не по классовому, политическому, а по какому-либо другому признаку, например, экономическому, и тогда она именуется промышленной, аграрной, научно-технической и т.п. революцией.

В связи с этим термин "социалистическая" революция крайне расплывчат и неопределенен, ибо отражает только факт прихода к власти политической партии социалистов. Программы этих партий отличаются крайним разнообразием по той причине, что, как правило, социалистические партии выражают интересы одновременно нескольких классов, являются коалиционными. Общее в этих программах чаще всего следующее:

1. Национализация крупной промышленности и банков;
2. Ликвидация крупного землевладения.

Для иллюстрации этого приведем полный текст листовки "К гражданам России" - первого официального документа Советской власти.

"К гражданам России!

Временное правительство низложено. Дело, за которое боролся народ - немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства - это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Хлеб-голодным!

Землю-крестьянам!

Заводы-рабочим!

Мир-народам!

**Военно-революционный комитет при Петроградском совете
рабочих и солдатских депутатов**

25 октября 1917 г. 10 ч. утра."

С сегодняшней точки зрения ликвидация крупного (помещичьего) землевладения не является специфически социалистическим требованием, ибо оно по существу давно ликвидировано в развитых капиталистических странах. Национализация же крупной промышленности также непрерывно происходит в этих странах в ходе технического и промышленного прогресса. Таким образом, единственное существенное отличие социалистической программы от программы буржуазных партий состоит в требовании полной национализации всей крупной промышленности (хотя имеется в виду, вообще говоря, национализация всей промышленности).

Расплывчатость, неопределенность термина "социалистическая революция" состоит еще и в том, что одновременно необходимо уточнять, входит ли в программу политических партий, принимающих участие в революции, требование отмены частной собственности на средства производства. Ибо в том случае, если такого требования нет, социалистическая революция легко может стать буржуазной, а если такое требование есть, то она обязательно стремится перерасти в пролетарскую революцию. В вышеупомянутой листовке такое требование присутствует лишь частично – в виде требования "заводы – рабочим", т.е. другими словами, национализация всей промышленности, сосредоточение ее в руках государства, сущность которого должна определяться политической партией, партией пролетариата, под руководством которой и силами которого эта революция осуществляется.

В отношении сельскохозяйственного производства нельзя было поступить сразу так же, как в отношении промышленности. В сельском хозяйстве практически отсутствовало крупное фермерское хозяйство, основанное на капиталистических принципах, на использовании

наемной рабочей силы. Кроме самой земли, национализировать было особенно нечего. С другой стороны, крестьянство, эта огромная мелкобуржуазная масса, выступало союзником рабочей партии только под лозунгом "Земля – крестьянам!"; при этом имелось в виду, что земля, принадлежавшая ранее помещикам, будет передана крестьянам в частное пользование, и на этой основе, может быть, будет развиваться фермерское хозяйство. Так считали крестьяне, иначе они не могли думать, ибо были прежде всего мелкими частными собственниками. Поэтому требование обобществления хозяйства в сельскохозяйственном секторе было преждевременным по крайней мере до тех пор, пока новая власть не наберет силу. Психология крестьянина, как частного собственника, индивидуального хозяина, оттолкнула бы крестьянство, составлявшее тогда большую часть трудящихся России, от рабочей, пролетарской партии. Крестьянство, по существу, было обмануто лозунгом "Земля – крестьянам!", оно еще не понимало и не могло понять, что его намереваются в дальнейшем "перевоспитывать" в коммунистическом духе путем расстрелов, грабежа, тюрем и лагерей (под лозунгом «коллективизации»).

Гениальность Ульянова проявилась в том, что он сумел, учтя неудовлетворенность крестьянства половинчатым результатом февральской революции (не устранившей помещичьего землевладения и, как следствие, не обеспечившей в сельском хозяйстве основы для развития капиталистических методов производства) и продолжающейся войной, объединить движение мелкого капиталиста – крестьянина с движением совершенно неимущего пролетариата – рабочим движением.

Россия имела огромные государственные долги (большевики отказались их платить), вся внешняя торговля была в руках иностранного капитала (большевики ликвидировали этот капитал, национализировав внешнюю торговлю), промышленность в значительной степени принадлежала иностранному капиталу (большевики "национализировали" и этот капитал). Установление в стране жесткой диктатуры, плановое развитие хозяйства в смысле концентрации усилий народа на ключевых направлениях развития хозяйства в ущерб или за счет сильного сокращения производства предметов потребления, вывели страну в число сравнительно развитых стран, имеющих экономическую независимость, а с точки зрения военного потенциала – превратили страну в решающую силу середины XX века.

Так обстоит дело с точки зрения государственной, политической, с точки зрения постороннего наблюдателя, интересующегося лишь расстановкой сил на международной политической арене.

В России 1917 года, хотя и имела место революционная ситуация, но недовольство народных масс по существу проистекало из-за незавершенности буржуазной революции и продолжения войны. Найдись в правительстве Керенского или в любой буржуазной партии силы, способные прекратить войну, хотя бы путем любых уступок Германии – и пролетарская революция не могла бы осуществиться. Ульянов учел, что ни временное правительство, ни одна из буржуазных партий не могут прекратить войну даже путем капитуляции. В этом еще раз проявился его тактический революционный гений.

Когда говорят о политической революции того или иного типа, то имеют в виду такое изменение форм управления общественным производством, при котором вновь возникшие

в недрах старого общества производительные силы освобождаются от оков старых производственных отношений. Таково чисто философское определение социальной революции. Ранее мы это проиллюстрировали на примере английской революции. В жизни же на сцену выступают вполне конкретные классы (а не абстрактные производительные силы) и конкретные классовые отношения между ними (а не абстрактные производственные отношения). Возникновение противоречий между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями приводит в конечном итоге к усилению классовых противоречий, причем интересно и важно именно то обстоятельство, что хотя сами эти противоречия возникают между слоями эксплуататорских классов (например, между нарождающейся буржуазией и существующим классом аристократии), но проявляются они в виде борьбы эксплуататорских и эксплуатируемых классов, как борьба эксплуатируемого класса против ухудшения своего положения за счет усиления его эксплуатации в новых условиях, по мере роста вышеуказанных противоречий. Политические ограничения, накладываемые на производство и сбыт продукции, выпускаемой на предприятиях нового типа, капиталистических предприятиях, приводят к усилению конкуренции между капиталистами, а отсутствие у капиталистов возможности увеличивать производительность труда на их предприятиях, ограничиваемой законодательными феодальными актами, не оставляет им другого пути для выживания, кроме усиления эксплуатации труда. При возникновении же стихийного сопротивления рабочих, на арену политической борьбы выступают различные партии – представители интересов различных групп и классов общества, пытающиеся с помощью тех или иных лозунгов, понятных народным массам, возглавить это движение, придав ему нужную политическую окраску, направив его по тем или иным политическим рельсам в нужном для представителей этого класса направлении – в направлении борьбы за власть. Если в результате революции к власти приходит класс, интересы которого практически совпадают с мероприятиями, которые необходимо проводить для дальнейшего эффективного развития производительных сил, то в результате этого развития положение эксплуатируемых классов улучшается, несмотря на то, что в некоторых случаях норма прибыли может даже увеличиваться, ибо производительность труда может расти быстрее, чем степень его эксплуатации. Вышеуказанные противоречия между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами уменьшаются, и новый слой эксплуататорского класса может удержаться у власти.

Политическая революция получает свое название по названию этого нового класса. Такими революциями были все буржуазные революции. Рабовладельческий и феодальный строй сформировались не революционным путем. Крестьянские же волнения (не вполне правильно называемые крестьянскими революциями, ибо ни одна из них не добилась успеха в вышеуказанном смысле) не были следствием изменившегося соотношения между производительными силами и производственными отношениями, а были лишь результатом истощения наличных производительных сил из-за усиления эксплуатации в силу различных, в том числе и главным образом внешнеполитических причин. Поэтому крестьянские бунты могли привести только к замене одной диктатуры на другую, как правило, более жестокую, могли привести к дворцовому и государственному перевороту, но никак не к революции в обычном понимании этого слова.

Таким образом, марксистское понимание революции как способа устранения противоречий между новой ступенью развития производительных сил и старыми производственными отношениями, препятствующими этому развитию, относится по существу только к буржуазной революции, в результате которой к власти приходит буржуазия, капиталисты, новый слой эксплуататорского класса, интересы которого в максимальной степени соответствуют интересам самовозрастания капитала, представителями которого капиталисты и являются.

Возникнув в недрах феодального общества, этот слой эксплуататоров начал развивать производительные силы с такой интенсивностью, что на известном этапе своего развития они действительно пришли в прямое противоречие с существующей системой феодальных производственных отношений.

К пролетарской революции 1917 года это определение не может быть применено, так как в недрах молодого буржуазного строя, только начинавшего свое становление в России и только-только набравшего достаточно сил, чтобы совершить в феврале 1917 года свою, буржуазную революцию, не было, да и не могло быть никаких ростков новых производительных сил, своим происхождением обязанных пролетариату. Не было никаких ростков нового, социалистического уклада, а стало быть, и не было никаких противоречий между этими несуществующими производительными силами и существовавшими капиталистическими производственными отношениями. Где-то в своих работах Ленин указывает, что это действительно так, и что задача новой власти – установить(!), поддерживать и развивать новые, социалистические производственные отношения (не упоминая и не поясняя при этом, кстати сказать, чем же по существу дела эти отношения должны отличаться от капиталистических с экономической точки зрения).

Таким образом, приходится констатировать, что в октябре 1917 года произошла не революция в классическом смысле этого слова. Произошел государственный переворот, то есть захват власти незаконным и неконституционным путем группой людей, выражающих интересы определенного слоя общества с целью использования этой власти в дальнейшем для сохранения существующих или создания новых общественных отношений с помощью силы, с помощью принуждения.

Если государственный переворот совершается в условиях, когда в обществе назрели перемены, когда налицо тормозящее прогресс действие старых производственных отношений, если после переворота создается конституция или новый свод законов, максимально соответствующие требованиям развития новых производительных сил, то можно сказать, что происходит революция. В таких случаях обычно лишённые власти слои общества оказывают минимальное сопротивление и могут рассчитывать только на иностранную помощь в надежде на реставрацию, так как не находят поддержки в народе и в вооруженных силах.

Захват власти большевиками в октябре 1917 года (будучи по этому определению государственным переворотом) революцией, по существу, не являлся, ибо его задачей было не приведение в соответствие производительных сил и производственных отношений, а строительство принципиально нового экономического и политического строя.

Если бы в задачу переворота входило только доведение до конца буржуазной революции, переворот был бы оправдан исторически и экономически. На это, по-видимому, и надеялись социал-революционеры (эсеры), принимая в нем непосредственное участие как мелкобуржуазная партия.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в результате переворота началась гражданская война – ведь пролетариат составлял меньшинство в трудящейся России.

К октябрю 1917 года государственный сектор в промышленности практически отсутствовал. Национализировав промышленность и землю, революция ударила прежде всего по крупному и мелкому промышленному капиталу и крупному землевладению. Практически весь крупный капитал в России был иностранным, а основное население страны – мелкобуржуазным. Такая обстановка неминуемо должна была разрешиться гражданской войной при поддержке иностранного капитала и иностранной военной силы тех стран, буржуазия которых потеряла свои капиталы в России одновременно с потерей надежд на возвращение долгов царского правительства после того, как Советское правительство от них отказалось.

Ценой величайших усилий, страданий и жертв, ценой жизни сотен тысяч и миллионов людей была одержана победа в гражданской войне. Основной состав Красной армии представлял собой крестьянство, и роль рабочего класса в армии заключалась, в частности, в разъяснении крестьянству простой истины, что они сражаются и умирают за то, чтобы земля перешла в их руки, чтобы не допустить возврата помещиков и крупных землевладельцев, чьи интересы представляло Временное правительство и "Белое движение". Других вариантов для них не существовало.

К октябрю 1917 года у большевиков не было практической программы построения нового "социалистического" общества в том смысле, что не было теоретически разработано представление о том, на каких экономических принципах это общество должно функционировать. Такого представления, кроме самых общих слов, нет и до сего дня. Ни в одной строчке у Маркса нет указаний на то, что в будущем обществе, свободном от эксплуатации, не будет работать закон стоимости. Маркс требовал отмены частной собственности на средства производства, так как считал ее основной причиной возникновения кризисов и безработицы. Но он никогда не требовал создать такую экономическую систему, при которой бы не работал закон стоимости. Да он и не мог написать ничего подобного.

Закон стоимости потому и закон, что его действие проявляется тем или иным способом вне зависимости от желания людей (имманентно, как любил говорить Маркс), если и поскольку производство основано на разделении труда.

"Военный коммунизм"

Гражданская война оставила после себя совершенно разрушенную экономику не только в том смысле, что подверглись фактическому разрушению средства производства (это было бы еще полбеды), а в том, что были нарушены торгово-экономические связи между городом и деревней. Нужны ли рабочие в городе, нужен ли кому-нибудь их труд, это темному крестьянину неизвестно. Большинство производимых городом товаров нужны, по-видимому, самому городу. "В 1924 году из общей суммы производства госпромышленных предметов потребления 0.7 пошло на городское потребление и лишь 0.3 на удовлетворение крестьянского потребления. Это показывает, что наша промышленность далеко не в достаточной мере смогла проложить себе дорогу к массовому крестьянскому потребителю" (КПСС в резолюциях, с.790-791). А крестьянин сам хлебушек посеял, сам пожал и сам съел. И необходимость ему городской продукции еще нужно долго доказывать...

Однако, труд рабочих все-таки нужен в любом современном государстве. Рабочие производят (или должны производить) машины для сельского хозяйства, предметы потребления для города и деревни, оружие, наконец. Рабочий класс составляет основу партии, осуществившей переворот, без его поддержки партия не удержится у власти. А в городах - голод, рабочих кормить нечем, ибо единственным нормальным, полноценным источником продуктов питания всегда являлся товарообмен между городом и деревней. На определенный исторический момент, при данном развитии производительных сил в обществе определенное количество средств производства для ведения сельского хозяйства на необходимом уровне деревня получает из города. Для производства этих средств производства в городе имеется в наличии определенное количество рабочих. Но если по тем или иным причинам средства производства во всей стране разрушаются, деревня снижает уровень производства, используя более примитивные средства производства, чем раньше. Ибо деревня в принципе "самодостаточна". Одновременно разрушаются средства производства и в городах, и данное количество рабочих становимся избыточным, средств производства не хватает. Более того, разрушение производственных отношений снижает и производительность труда, и даже на уцелевших средствах производства становится затруднительным выпускать необходимые для деревни средства производства по прежней стоимости, они становятся дороже, и использовать их в сельском хозяйстве становится менее выгодно, так как они повышают стоимость сельскохозяйственной продукции.

Но количество рабочих в городах осталось прежним. И хлеб для рабочих нужно было получить, не дожидаясь, пока нарушенный товарообмен будет восстановлен или восстановится сам собой. Поэтому была введена так называемая политика "военного коммунизма", в соответствии с которой крестьяне должны были сдавать "излишки" своей продукции государственным продовольственным отрядам. Что именно считать излишками, устанавливалось местными властями. Естественно, что такая политика долго продолжаться не могла, так как в результате производительность сельского хозяйства дополнительно резко упала. В этом смысле обычно говорят, что "голод был организован большевиками". Никакой, конечно, специальной мысли организовать голод не было, он возник сам собой как результат снижения уровня производства, помноженный на неблагоприятные погодные условия (а когда они были благоприятные в России?).

Закон стоимости сработал почти сразу же. Крестьянин рассудил, что работать в поте лица, хоть и на собственной земле, ему незачем - все равно придут и все "излишки" отберут (а что в крестьянском хозяйстве того времени могло быть лишним, кроме лишних ртов?). "Сознательность" у крестьян проявлялась до тех пор, пока они воевали против дворян и помещиков за землю, против угрозы прямой и непосредственной эксплуатации. Но "вкальывать на дядю" они считали эквивалентным работе на капиталиста, на помещика, на черта, на дьявола, но только не на себя. Раз земля – крестьянская, раз крестьянин работает на ней с помощью принадлежащих ему лошади и плуга, то и продукт труда должен принадлежать ему! Вот нормальная логика трудящегося производителя материальных благ, если он трудится не удовольствия ради, а чтобы обеспечить существование себя и своей семьи.

Закон стоимости диктует: если у вас есть общественное производство и общественное разделение труда, если у вас одни люди (крестьяне) занимаются производством сельскохозяйственной продукции, продуктов питания, а другие (рабочие) – производством промышленной продукции, средств производства, в том числе и для сельского хозяйства, то эти последние должны быть нужны крестьянам для того, чтобы быть обмененными на хлеб, который нужен рабочим, и притом эта промышленная продукция должна быть нужна крестьянам настолько, чтобы они сочли возможным покупать ее. И обмен этой промышленной продукции на сельхозпродукты должен производиться в соответствии со стоимостями этой продукции, а эта стоимость может быть определена только рыночным путем, с помощью рынка.

Система военного коммунизма не имеет ничего общего с товарным производством. Но поскольку в обществе есть разделение труда, то для его существования должен быть какой-то обмен, и если он не базируется на каком-либо объективном законе вроде закона стоимости, он может быть основан только на силе, на принуждении. В этих условиях сельскохозяйственное производство падает до минимума, и достаточно небольшого внешнего воздействия, скажем, плохой погоды, чтобы оно упало ниже минимального уровня. Тогда наступает голод, как это было в Поволжье в 1921 году, и уже никакими силами невозможно извлечь из деревни хотя бы горсть зерна, совсем наоборот, нужно спасать людей от голодной смерти.

Для того, чтобы проводить любую экономическую политику, при которой закон стоимости игнорируется частично или полностью, необходимо использовать метод принуждения, использовать силу не только при распределении продуктов, произведенных на основе общественного разделения труда, но и при их производстве, причем в масштабе всей страны.

При системе военного коммунизма не было возможности применить силу в процессе сельскохозяйственного производства (позже это удалось сделать в Китае, при Мао Цзедуне). Силу можно было применить только в фазе распределения произведенного продукта, а при этом, естественно, затраты труда производителей не находятся ни в каком соответствии с его благосостоянием. Скорее наоборот, чем больше производитель произведет продукта, тем меньший процент от суммы его он получит на руки. Поэтому такая система имеет сильную тенденцию к превращению в натуральное хозяйство, так как

производитель принципиально не может получить необходимых ему продуктов и материалов в обмен на продукты, произведенные им самим, и вынужден сам производить все необходимое. Следует отметить, что при военном коммунизме это натуральное хозяйство стремится к "минимальному типу", т.е. оно преднамеренно не должно производить никаких излишков, чтобы их не отобрали, и чтобы труд, затраченный на их производство, не пропал для производителя впустую. Наоборот, это хозяйство даже должно создавать некоторый недостаток, если наличие излишков рассматривается властями как принадлежность к враждебной властям группе населения (например, кулакам).

Вполне естественно поэтому, что система военного коммунизма просуществовала в России всего два-три года. Последствия продолжения ее после гражданской войны не заставили себя долго ждать. Производительность труда и уровень производства сельхозпродукции упали до минимально возможного, и в 1923 г. большевики были вынуждены перейти к замене продразверстки (т.е. военного коммунизма) продналогом.

Таким образом, *при наличии общественного разделения труда и системы военного коммунизма закон стоимости проявляет себя в виде нециклического резкого спада производства*. Поскольку продукты потребления распределяются государством в крайне ограниченных размерах, возникает подпольная торговля, черный рынок, спекуляция, а средства производства стоят невероятно дорого, ибо они – единственный способ обеспечить свое существование. Отсюда – резкое обесценивание денег, инфляция, денежные знаки миллионного достоинства, возрастание бандитизма (жить как-то надо, а трудиться бессмысленно и нигде) и прочие атрибуты военного коммунизма.

В этих условиях Ульянов не нашел другого выхода, как разрешить временное функционирование частного капитала.

НЭП (Новая экономическая политика)

Система продналога, при которой производитель заранее знает, какое количество произведенного продукта он должен сдать государству, а какое он может оставить себе и распоряжаться им по своему усмотрению, по-видимому, должна была поднять производительность труда и валовой сбор зерна. Поскольку в сельском хозяйстве частный капитал продолжал существовать (хотя и мелкий в каждом отдельном случае, но в массе своей – огромный), и в то же время имелось в наличии большое число хозяйств, хотя и получивших землю в результате революции, но не имевших средств для ее обработки (лошадей, плугов и т.д.), так называемых маломощных хозяйств (деревенская беднота), то одновременно с введением продналога, по мнению большевиков, следовало исключить или существенно ограничить использование наемной рабочей силы в лице деревенской бедноты более мощными хозяевами, которые стали называться кулаками. Это было сделано путем нескольких законодательных актов, а также путем организации сельских кооперативов на базе комитетов бедноты.

При этом безусловно снижались темпы роста производства продукции "крепкими" хозяйствами, ибо они не имели возможности нанять необходимое число наемных рабочих для наилучшей организации и максимальной производительности хозяйства, а объединение

десяти беднейших хозяйств в кооператив не было равно удесятерению их суммарной мощности. Однако такие меры хотя бы не подрывали базы пролетарской диктатуры в деревне – деревенские пролетарии продолжали быть объединенными (хоть и беднейшими), и слой зажиточных крестьян не мог увеличивать силу слишком быстро. Это один из первых примеров (но далеко не последний), когда экономические интересы общества были принесены в жертву интересам политическим, несмотря на труднейшее экономическое состояние страны.

В то время 0.9 промышленности страны находилось в руках государства, так что применение частного капитала в сфере промышленности практически интересов государства не затрагивало, и частный капитал не мог занять в промышленности заметного места. Поэтому, как и ожидалось, он устремился в торговлю. Откуда возьмет частник начальный капитал – было не так уж важно, это могли быть как припрятанные сбережения, так и официальные ссуды. Одновременно принимались меры по становлению и укреплению кооперативной торговли. Кооперативы извлекали доходы, возникавшие вследствие того, что при розничной торговле товары продаются по несколько более высоким ценам. Эти доходы частично поступали государству, а частично оставались в кооперативе. Таким образом, государство одной рукой продавало кооперативу дешевле, а другой рукой забирало назад в виде налога некоторую часть этой разницы. Тем не менее, соотношение цен и прибыли должно было быть таким, что от кооперативной торговли выигрывали и потребитель и государство по сравнению с частной торговлей.

Частная торговля вначале процветала, ибо при тех же и даже более высоких ценах, по которым частники должны были покупать продукты у государства, они часто имели бóльшую прибыль из-за подвижности частного капитала, из-за оборотистости частника как хозяина своего капитала. За примерами недалеко ходить. Осенью 1980 (!) года в некоторых городах РСФСР ("по неустановленной до сих пор причине") исчезли из магазинов... спички. Тут же на рынке появились предприимчивые дельцы, продававшие коробку спичек ценой в одну копейку по... рублю. Как говорится, не хочешь - не бери!

Постепенно обмен города с деревней ("смычка") стараниями частного и кооперативного капитала налаживался. Одновременно в течение 2-3 лет к 1924 году героическими усилиями рабочего класса удалось несколько оживить промышленность, которая начала выпускать около 35% довоенного уровня продукции.

Поскольку оптовые цены на любую продукцию, выпускаемую государственными предприятиями, диктовались централизованно, то конкуренция и рынок в масштабе государства отсутствовали уже с самого начала. Поэтому не следует представлять себе дело так, что при НЭПе намечался возврат к капитализму. Об этом, как неоднократно подчеркивал Ульянов, никогда не было и речи. Конкуренция между частными и кооперативно-государственными предприятиями существовала лишь в области торговли, носила локальный характер и способствовала лишь расширению рынка сбыта промышленной продукции. Но это не была конкуренция в сфере производства промышленной продукции и, особенно, в области производства средств производства, которая одна только и ведет к снижению издержек производства и стоимости продукции.

В этих условиях так называемый "возврат к капитализму" мог быть прекращен в любой момент – достаточно было создать частнику такие условия, чтобы его доход стал ниже некоторого минимального уровня, при котором становится бессмысленно тратить силы и средства на организацию бизнеса. Такие условия в конце концов и были созданы, а те частники, которые не желали сдаваться и, конечно же, пытались найти околзаконные способы продолжения бизнеса, были ликвидированы силой как враждебные буржуазные элементы общества.

К этому времени уже худо-бедно, но были налажены кооперативная и государственная торговля. В 1924 году Ульянов умер, и некоторое время НЭП по инерции еще существовал. Но к власти пришел Сталин. Началась новая кровавая глава в истории государства российского.

Всеобщая коллективизация

Введение продналога вместо продразверстки дало определенные результаты, и производство хлеба в стране начало увеличиваться. Тем не менее, поступление зерна в руки государства не увеличивалось и продолжало падать, несмотря на несколько урожайных лет. В доступных нам партийных документах нет ответа на вопрос о причине такого положения. Там, напротив, указывается на якобы уменьшение производства зерна. Суть же дела состояла в следующем.

Переход на систему продналога привел к увеличению производства зерна. Положение крестьянства улучшилось, крестьянин оказался "с хлебом". Но закон стоимости дал о себе знать немедленно. Ведь это зерно нужно было продавать в город, продавать государству. И если городские рабочие и служащие могли купить часть хлебной продукции села, то у государства не оказалось для этого необходимых средств. Эти средства могли быть получены только от продажи продукции государственных предприятий селу; но производительность труда на этих предприятиях была столь низкой, что прибыль от их деятельности была недостаточной, чтобы купить на эти деньги зерно у крестьян и продать его затем за границу. И никакой НЭП в торговле здесь помочь ничем не мог – торговля, как известно, не создает прибавочной стоимости (Маркс), она только способствует ее перераспределению.

Поэтому произведенное в сельском хозяйстве зерно не могло быть выкуплено, цена на зерно сильно упала, и посевные площади вновь стали сокращаться (в 1928 году они составляли только 90% довоенных).

С экономической точки зрения здесь все ясно как божий день. Если вы допускаете рыночную систему обмена продуктов сельского хозяйства на продукты промышленности, и при этом на одном полюсе обмена стоят независимые производители – крестьяне, то и на другом полюсе, в промышленности, должны стоять независимые производители – владельцы капитала (возможно, вместе с государством), но не один-единственный монополист-производитель государство. Ибо в этом случае независимым производителям приходится иметь дело с монополией на всю продукцию, нужную селу, а не на отдельные ее виды. И "слабые торговые связи", о которых разглагольствовал Ульянов, здесь

совершенно ни при чем – если крестьянину нужен серп, и он стоит, по его мнению, разумных денег – он сам съездит за ним в город, а не будет ждать, пока ему привезут серп в село либо нэпманы, либо кооперативы. Все дело – в цене. И если бы государство могло произвести необходимое селу количество продукции по доступным ценам (то есть с высокой производительностью), то политика продналога могла бы продолжаться и дальше.

Но произведенные государственными предприятиями "серпы" оставались в городе не потому, что не могли "доехать" до села (как утверждали коммунисты), а потому, что были произведены с лишними затратами труда и материалов, и имели такую высокую цену, что в селе были никому не нужны. Продать же их по пониженной цене, приближающейся к действительной стоимости серпа, было нельзя – рабочие остались бы без зарплаты.

И Сталин, одним из первых разобравшись в ситуации, предложил перейти к "коллективизации" крестьянства. До некоторой степени это предложение было логичным: на обеих чашах весов "деревня-город" должны стоять производители с одинаковым типом собственности. Иначе система не будет находиться в равновесном состоянии. И если нельзя было денационализировать промышленность, то нужно было "национализировать" крестьян. Разный тип собственности определяет и разный уровень и темп роста производительности труда, и, следовательно, разное количество произведенной в единицу времени продукции, разную величину стоимости одного и того же количества продукции. Внутри одного замкнутого государства не могут длительное время сосуществовать принципиально различные формы собственности.

В конце 1927 - начале 1928 годов обнаружилось резкое понижение хлебопоставок. Крестьяне придерживали излишки хлеба, потому что были повышены цены на промышленные товары. Естественно, выросли цены на хлеб и на рынках, где крестьяне пытались продавать его, припрятывая излишки от дополнительного обложения. Поэтому вольная торговля хлебом была запрещена – разрешалась только сдача государству по твердым ценам. Было введено чрезвычайное положение относительно конфискации излишков у кулака по статье 107 ("КПСС в резолюциях", т.1). Но вся трудность заключалась в том, что никто не мог в точности провести границу между кулаком и середняком. Сказывалась и деятельность "левой оппозиции", требовавшей перенести чрезвычайные меры и на середняка. Отсюда путаница и трагизм положения. В конце концов, хлеба у государства стало едва хватать, чтобы прокормить рабочих в городах, а экспорт хлеба почти полностью прекратился ("КПСС в резолюциях", т.1). Стали останавливаться текстильные предприятия, ибо хлеб тогда обменивался на заграничный хлопок, своего хлопка в стране не было. И, самое главное, прекращение импорта хлопка повлияло на работу военной промышленности, так как из хлопка добывался пироксилин – составная часть бездымного пороха (это, кстати сказать, была одна из главных причин агрессии России в Среднюю Азию – для производства там хлопка).

По предложению Сталина, было решено ускорить процесс объединения бедняков и середняков в сельскохозяйственные артели. Было организовано более 200 тысяч кооперативных хозяйств (колхозов), в результате чего валовой сбор зерна увеличился с 4 млрд. пудов до 5.4 млрд. пудов, то есть более чем на 20%. Количество сданного государству хлеба увеличилось с 668 до 1400 млн. пудов, то есть более чем вдвое. Это было

представлено большевиками как величайшая победа идеи коллективизации, и позволило тут же, в 1930 году, перейти к ликвидации кулачества как класса; а поскольку оно, кулачество, оказывало естественное сопротивление, это означало физическую его ликвидацию.

Политотделы, специально образованные на каждом предприятии (хотя казалось бы, при чем тут промышленность?), совхозе или колхозе, были призваны советской властью выявлять и ликвидировать кулаков и сочувствующих им ("подкулачников") ("КПСС в резолюциях", т.1). В результате активной деятельности политотделов были "раскулачены" не только якобы буржуазные элементы, но и бывшие красноармейцы, учителя, агрономы, и пр. и пр. Этот процесс был "во-время" остановлен специальным указанием ЦК своим разбушевавшимся опричникам, иначе они просто перестреляли бы друг друга.

В дальнейшем для развития сельского хозяйства страны уже практически не было другого пути, чем путь колхозного строительства. Печальный опыт НЭПа показал народу, что государство, созданное большевиками, может допустить развитие частной инициативы в широком масштабе только в исключительно тяжелой экономической обстановке и с исключительно тяжелыми последствиями для тех, кто поверил в слабость этого государства и занялся широкой коммерческой деятельностью.

Практическими результатами "раскулачивания" были:

- 1. Почти полная ликвидация на селе хороших хозяев, знающих землю, знающих свое дело и умеющих организовать сельскохозяйственное производство; в деревне осталась беднота, деревенские пролетарии, никогда не обладавшие этими качествами в достаточной мере;**
- 2. Поступление в фонд государства и колхозов имущества раскулаченных и их средств производства, что позволило дополнительно несколько поднять производство зерна;**
- 3. Создание армии политических заключенных, направленных на строительство крупных государственных объектов (наиболее известным из них был знаменитый Беломорско-Балтийский канал ("Беломорканал"), исключительно дешево стоивший государству и унесший больше человеческих жизней, чем Николаевская железная дорога), а также на организацию лесоразработок в удаленных восточных и северных областях страны.**

Введенная в дальнейшем паспортная система закрепила крестьян в колхозах. Паспорта им на руки не выдавались, и они не могли уехать из колхоза в город, где требовался паспорт и "прописка", т.е. регистрация каждого жителя. В настоящее время паспорта выдаются колхозникам более свободно, но система "прописки" по-прежнему существует и не позволяет жителю деревни без особых на то причин переехать в город, ибо для устройства на работу в городе нужна прописка, а для прописки – справка с места работы. Этот порочный круг всем хорошо известен. Тем не менее в течение многих десятилетий происходил процесс "старения" деревни. Вся более или менее трудоспособная молодежь стремилась получить техническое или любое другое образование в городе и там остаться

любыми путями, пользуясь постоянной потребностью города в кадрах. В деревнях остаются старики и дети, а также рабочая сила самой что ни на есть худшей кондиции; та рабсила, которая не может найти применения в городе.

Кроме колхозов, в сельском хозяйстве существовали и совхозы - государственные предприятия, рассчитанные на производство одного типа продукции на основе использования труда "по найму", труда рабочих. Таким образом, материальная база совхоза является не кооперативной, а государственной собственностью. Продолжительность рабочего дня в совхозе регламентирована законом, в отличие от колхоза, где основной единицей выработки является "трудодень" (без указания его продолжительности); в совхозе трудящийся получает стабильный оклад жалованья, как на государственном предприятии. В колхозе заработок зависит не только и не столько от количества "трудодней", сколько от доходности колхоза, т.е. сколько и чего будет на этот трудодень выплачено в конце года. Учитывая, однако, что колхозы не имеют большой самостоятельности не только в выборе культур, но даже в сроках посева и уборки этих культур (которые им навязываются центральным партийным аппаратом - см. Г.Тропольский "Записки агронома"), преимущества колхозного хозяйства как хозяйства кооперативного оборачиваются для колхозников недостатками по сравнению с совхозами, где оклад гарантирован.

В результате всей этой деятельности большевиков в период с 1917 по 1930 годы подавляющее большинство трудящихся России было фактически отделено от средств производства. С точки зрения трудящегося, колхозная собственность ничем не отличается от государственной собственности не только потому, что работает субъективный принцип "не мое - значит ничье"; и не только потому, что добровольный выход из колхоза практически невозможен, а уж о возврате пая, внесенного его отцом или дедом, просто и говорить смешно. Кооперативная колхозная собственность ничем не отличается по существу дела от собственности государственной потому, что использованием этой собственности в процессе производства (а это и есть самое главное, по чему можно определить действительного собственника средств производства!) ведают партийные и государственные органы. Именно они решают, что и когда сеять и жать, и сколько нужно сдать государству, и какие машины колхоз может, а какие - не может купить. Членам же этого колхоза и его председателю остается лишь "прилагать все силы к выполнению поставленных задач" (см. кинофильм "Председатель"). Ответственность же за результаты такого "использования" колхозной собственности несут исключительно колхозники, ибо именно им оказывается нечего жрать после того, как они не во-время посеяли и не во-время убрали, но ни в коем случае не государственный и партийный аппарат. Неплохо устроились, что и говорить!

"Таким образом, здесь мы подходим к вопросу совершенствования производственных отношений. Их основа - общественная собственность на средства производства. У нас она имеет, как известно, двойную форму: собственность государственная и кооперативно-колхозная. Перспективу мы видим в слиянии этих двух форм в единую, общенародную" (Л.Брежнев. "Правда", 16 июня 1983 г.)

Независимо от своего названия, собственность на средства производства в эпоху развитого социализма (ЭРС) имеет одну форму – форму государственной (или, как ее еще иногда называют, "общенародной") собственности. Все трудящиеся (рабочие, служащие, колхозники) по своему отношению к этим средствам производства составляют один класс – класс трудящихся, не имеющих права собственности на средства производства, отделенных от средств производства.

В обществе, в котором закон стоимости проявляет себя через рынок, рабочая сила наемного рабочего является товаром и реализуется на рынке труда. Рабочий, отделенный от средств производства, и поэтому вынужденный продавать свою рабочую силу как товар, называется пролетарием. Тем не менее, по определению Маркса, он остается свободным рабочим, ибо только при этом условии он и может быть равноправным на рынке – как продавец своей рабочей силы, продавец своего товара.

Всякий наемный рабочий хорошо знает, что хотя средства производства ему не принадлежат, он не имеет права относиться к ним небрежно, портить или расхищать их, потому что у этих средств производства есть конкретный хозяин. Он хорошо знает, что, будучи замечен в этом, он не получит выговора, не будет обсуждаться как нарушитель на общем собрании рабочих, а будет тут же уволен с предприятия, и никакой профсоюз ему не поможет. То же самое относится и к качеству его труда – только хозяин, только администрация предприятия определяет степень профессиональной пригодности рабочего и необходимость его участия в производственном процессе. Конечно, в развитых странах степень влияния профсоюзов различна, и в развитых странах не так-то просто уволить человека, если он член профсоюза. Тем не менее, угроза остаться без работы есть главный стимул для любого трудящегося по найму, стимул, заставляющий его трудиться с максимальной отдачей сил при максимально высоком качестве труда.

Можно назвать этот стимул антигуманным. Но человеческое общество состоит из очень разных людей с самыми различными способностями, убеждениями и свойствами характера. Далеко не все понимают необходимость трудиться с максимальной отдачей для того, чтобы обеспечить максимальные темпы развития общества – это слишком отвлеченная категория для людей, живущих обычно потребностями сегодняшнего дня. И уж конечно, не дело администрации промышленного предприятия заниматься их воспитанием в этом направлении. Если человек недобросовестно относится к своей работе, значит он прямо или косвенно нарушает интересы общества, паразитируя на нем, давая меньше, а получая столько же, сколько и остальные, ему равные и подобные. Поэтому применение к такому антиобщественному элементу общества антигуманных мер, вроде увольнения с работы, может считаться оправданным даже по "моральному кодексу строителей коммунизма". Добросовестные же трудящиеся не подпадают под действие этого принципа автоматически (до тех пор, пока производство работает ритмично, без спадов деловой активности – вот в чем недостаток прежних капиталистических формаций!).

Возьмем теперь случай, когда рабочая сила товаром не является, как это имеет место в ЭРС. Здесь так называемое "право на труд" является законом общества и обеспечивается, с одной стороны, опережающим ростом капиталовложений, что создает постоянную потребность в рабочей силе практически любого качества, а с другой стороны – практической

невозможностью увольнения трудящихся администрацией, кроме случаев алкоголизма и прогулов. Таким образом, в ЭРС отсутствует основной "антигуманный" стимул, который при капитализме заставляет рабочего добросовестно работать на своем рабочем месте. Вместо этого существует огромная система воспитания, пропаганды и агитации за добросовестный труд, огромный механизм обработки общественного сознания, практически ничего не дающий для поднятия эффективности и качества труда.

Но рабочий, отделенный от средств производства, и обязанный работать при любых условиях – это не свободный рабочий, а РАБ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Действие закона стоимости в условиях отсутствия рынка

«Нас часто спрашивают за рубежом: а Советский Союз переживает энергетический кризис? В ответ на это мы говорим: Мы переживаем не кризис, мы испытываем определенные трудности...»

Академик В.Попков. «Лит. Газета», 17 февраля 1982 г.

Почему не может быть рынка в "эпоху развитого социализма" (ЭРС)?

При наличии в стране только общегосударственной собственности на средства производства, т.е. собственности, сосредоточенной в одних руках, вся произведенная с их помощью продукция также попадает в руки государства как собственника средств производства, имеющего исключительное право на произведенную с их помощью продукцию. Государство же распределяет между принадлежащими ему предприятиями так называемые "фонды", т.е. приборы, материалы и прочие средства производства, в соответствии с заявками на них, поступающими от этих предприятий. Таким образом, всем продуктообменом в стране занимается государственная машина. Произведенный продукт минует сферу обмена, ее ни формально, ни по-существу просто нет. Будучи произведен, продукт не выбрасывается на рынок сбыта, он направляется прямо потребителю так, как это делается при капитализме при производстве изделий "по заказу", с той лишь существенной разницей, что при капитализме заказчик может выбрать фирму-изготовитель среди нескольких фирм, выпускающих однотипную продукцию, так что у него есть возможность выбора и рынок все-таки существует, несмотря на то, что еще до производства самого продукта заказчик-покупатель уже найден.

В ЭРС рынка нет в принципе, ибо заказчик посылает заказ в государственный орган, единственному собственнику средств производства, монополисту, единственному производителю данной продукции. Даже если подшипники, например, производят несколько заводов, заказы распределяются между ними в соответствии с их производственными мощностями, и только.

Иногда задают вопрос: "А почему нельзя создать рынок при социализме? Почему нельзя сделать так, чтобы некоторые предприятия, выпускающие однотипную продукцию, конкурировали между собой за ее сбыт?"

Ответ на этот вопрос простой и однозначный: этого нельзя сделать потому, что фактический собственник средств производства один-единственный, а именно - Политбюро ЦК КПСС; а так называемое "общенародное государство" – лишь огромная управленческая машина, стоящая на службе у этого хозяина. Для создания и существования рынка в принципе необходимо наличие независимых производителей, каждый из которых имеет

собственное право на собственный продукт, произведенный с помощью принадлежащих каждому средств производства.

В условиях же, когда хозяин средств производства один, рынок в принципе невозможен, а возникающие время от времени идеи и попытки децентрализации производства, самоуправления, самофинансирования и прочих "хозрасчетов" – не более, чем детские забавы или отвлекающие маневры. В ЭРС рынка нет и быть не может – таков непреложный вывод классической политической экономии. И для того, чтобы сделать такой вывод, не нужно слишком уж глубоко копаться в "Капитале" - ответ "лежит на поверхности".

В настоящее время, официально именуемое "эпохой развитого социализма" (ЭРС), можно определить следующие характерные черты государственно-экономической структуры.

1. Право собственности на средства производства принадлежит Политбюро ЦК КПСС, и эта собственность принимает форму государственной собственности, так как за ее использованием в качестве средств производства и за распределением доходов от этого использования следит государственный аппарат. Этот государственный аппарат является орудием управления этой собственностью в руках Политбюро.

Для обмана народных масс собственность Политбюро называется "государственной собственностью" или даже "общенародной".

2. Обмен продукцией между производителями осуществляется не путем ее продажи на рынках сбыта, а путем ее распределения с помощью государственных учреждений. Таким же образом осуществляется обмен продукцией между городом и деревней, то есть между производителями сельскохозяйственной продукции (колхозами и совхозами) с одной стороны, и фабриками и заводами – с другой. (Здесь речь идет как о средствах производства, так и о продуктах потребления). Продукты потребления, "закупленные" государством у колхозов, а правильнее сказать, сданные государству колхозами по твердым ценам на данный сезон, установленным тем же государством, реализуются через государственную торговую сеть. Таким же образом реализуются на селе предметы бытового потребления, произведенные промышленностью. Некоторую роль в этом обмене играет потребительская кооперация, но с развитием государственной торговли ее роль, по мысли Ульянова, должна была снижаться, и на самом деле снижается.

Во времена Сталина официально утверждалось, что социалистическое производство не является товарным. Здесь Сталин проявил себя истинным марксистом. Впоследствии, после его смерти, от этих представлений отказались, что, конечно, с точки зрения последовательного марксизма является явной ошибкой.

Действительно, производство может считаться товарным только в том случае, если произведенный продукт принимает форму товара, а он может это сделать только в том случае, если он будет вынесен на рынок, где и будет продан по цене, отражающей в той или

иной мере (в зависимости от спроса) "средние по обществу затраты труда на производство данного продукта". Если этого не происходит, если произведенные продукты не обмениваются на рынке, а распределяются государственными организациями, то они и не принимают форму товаров, а следовательно и производство не является товарным.

Производство в ЭРС вследствие наличия разделения труда и кооперации является общественным производством, это верно. Однако произведенный продукт поступает не на рынок, где (и с помощью которого) только и может быть определена его стоимость, а в собственность государства. В собственность государства поступает и большая часть сельскохозяйственной продукции. И, хотя считается, что колхозы "продают" государству продукцию, этот процесс по своему существу не является актом продажи, ибо эта "продажа" осуществляется по так называемым "закупочным ценам", устанавливаемым одним-единственным покупателем – государством, а не продавцом, как это бывает на рынке. Цена на "покупаемый" таким странным образом продукт может устанавливаться как выше, так и ниже его стоимости, в зависимости от интересов покупателя, государства, но отнюдь не в зависимости от интересов продавца сельскохозяйственной продукции.

Аналогичная ситуация имеет место и в промышленности. Цены на промышленную и сельхозпродукцию являются не отражением стоимости продукции, а "инструментом (причем практически единственным) в руках государства для регулирования темпов роста производства". Это декларируется во всех трудах по ценообразованию при социализме, начиная от учебников и кончая газетными статьями председателя Госкомитета по ценам. Необходимый же уровень производства обеспечивается плановыми заданиями в промышленности и плановыми обязательными поставками сельхозпродукции.

- 3. Производство всех видов продукции осуществляется на плановой основе. Для этого специальная государственная организация Госплан, руководствуясь указаниями центрального органа единственной политической партии, органа, созданного фактическими хозяевами средств производства – членами Политбюро ЦК, осуществляет перспективное планирование всех видов продукции. Госплан составляет ОБЩИЙ план выпуска продукции с точным указанием необходимого суммарного объема производства в каждой отрасли. В дальнейшем нижестоящие планирующие организации министерств осуществляют более детальное планирование выпуска продукции на каждом предприятии.**

Необходимое для выпуска этой продукции количество материалов и рабочей силы оценивается самими предприятиями на основе приблизительной оценки затрат на ранее выпускавшуюся или аналогичную продукцию с учетом ПРЕДПОЛАГАЕМОГО повышения производительности труда, величина которого планируется также сверху Госпланом (в процентном отношении по сравнению с предыдущими годами). Таким образом, оценка трудовых и временных затрат, а следовательно, по существу, стоимости выпускаемого продукта производится, как это принято говорить в литературе по "политэкономии социализма", по РЕАЛЬНЫМ ЗАТРАТАМ в прошлом.

Для производства продукции данного вида и количества необходимо затратить определенное количество рабочей силы. Но какое именно?

При капиталистической системе это определяется на рынке, куда товар попадает чаще всего после того, как произведен. Поскольку в ЭРС рынок отсутствует, стоимость произведенной продукции определить невозможно. Поэтому затраты рабочей силы также планируются (иначе говоря, диктуются вышестоящими организациями, "спускаются сверху"), причем это планирование также осуществляется "по реальным затратам", с учетом планируемого повышения производительности труда. Но никто не знает, каковы необходимые (средние по обществу) затраты труда на производство данного вида продукции. Если директор предприятия – плохой организатор производства, но хороший политик, "пробивной мужик" и т.п. (понимай – пройдоха), то он сумеет "убедить" вышестоящее руководство в объективности причин, не позволяющих ему увеличить количество и качество производимого продукта выше существующего уровня; и данный уровень производства и существующие затраты труда и материалов будут считаться "необходимыми". То же относится и к повышению производительности труда.

4. Вследствие изложенного, цена на произведенную продукцию практически никогда не соответствует ее стоимости; более того, она ничего общего с этой стоимостью не имеет, она с ней не связана ни прямо, ни косвенно, она даже так и называется - "плановая цена".

На капиталистическом рынке цена также отклоняется от стоимости, но уже по другой причине – в зависимости от соотношения спроса и предложения, и мало зависит от желаний производителей, если они не являются монополистами.

В ЭРС монополистом всех средств производства в промышленности и в большей или меньшей части сельского хозяйства является Политбюро ЦК. "Торговля" происходит только с колхозами, как с самостоятельными собственниками средств производства, с помощью которых колхозники производят с\х продукцию. Но и в этом случае Политбюро посредством государства выступает, во-первых, монополистом по продаже средств производства (машин, техники) колхозам, и, во вторых, диктует закупочные цены на сельхозпродукцию, так как земля, основное средство производства в сельском хозяйстве, принадлежит государству, хотя и закреплена за колхозниками навечно. Здесь напрашивается прямая аналогия: соха, к которой был прикован древний раб, принадлежала хозяину, рабовладельцу, но была закреплена за рабом навечно в буквальном смысле.

Внутри же каждого промышленного сектора цена на продукцию того или иного предприятия никакого отношения к затратам труда может не иметь.

Дело обстоит так, будто бы хозяин большого завода, не будучи в состоянии правильно организовать производство из-за больших его размеров и собственной некомпетентности, решил бы предоставить цехам завода некоторую самостоятельность, введя внутривзаводские "денежные знаки" или "чеки", посредством которых осуществлялся бы обмен продукцией между цехами и посредством которых можно было бы учесть объем этого обмена. Однако цены на

продукцию отдельных цехов устанавливались бы самим хозяином завода, без всякой рыночной системы. По какому же принципу хозяин завода должен был бы устанавливать цену на каждый вид продукции?

На этот вопрос социалистическая экономика отвечает: во первых, по реальным затратам труда и материалов, и во вторых, в зависимости от того, какая продукция сегодня нужнее другим цехам. Например, сегодня сборочному цеху нехватает гаек, а болты – в избытке. Хозяин сидит наверху, в конторе, он не разбирается в производстве и не знает конкретно, что нужно сделать, чтобы изменить ситуацию. Тогда хозяин устанавливает на гайки более высокие цены, чем на болты, хотя болты могут быть более трудоемкими и материалоемкими. Производство гаек становится для заготовочного цеха более "выгодным", и цех переходит на производство гаек. Поскольку трудоемкость цеха осталась той же самой, производство болтов может и должно пропорционально уменьшиться, их станет нехватать, в результате чего придется поднять цены и т.д. Как это ни кажется смешным, именно так и действует механизм "выравнивания цен" в условиях ограниченных возможностей производства.

(Спустя 10 лет после написания этой книги – в период увлечения в СССР «хозяйственными реформами» – автору попался в руки "рубль", на котором было напечатано, что он имеет хождение только на территории алтайского колхоза "Красный Октябрь".)

Мне могут возразить - что это за детские игрушки? Неужели нельзя планировать так называемую "номенклатуру", когда каждому цеху точно известно, сколько и какой продукции он должен выпустить?

С 1917 года и по сей день именно это и пытаются сделать государственные планирующие организации. Практика, однако, показала, что такое планирование трудно осуществить даже в масштабе крупного завода, а в масштабе страны этого еще не удавалось сделать никому и никогда. Слишком велика номенклатура выпускаемой в стране продукции, слишком велико количество взаимосвязей между предприятиями, чтобы можно было точно рассчитать и распределить выпуск продукции между отдельными производителями, слишком разные условия производства даже однотипной продукции, слишком много нужно времени для такого планирования (в среднем - пять лет, отсюда и пятилетки, а иногда и семилетки, если возникают трудности с расчетами и нет вычислительных средств).

"Более того: эта схема практически неосуществима. Приведем простой расчет. В стране около 50 тысяч предприятий (крупных и средних, мелкие не будем учитывать). Они производят по самой скромной оценке около двух миллионов видов продукции (есть оценки и в 10, и в 20 миллионов), используя при этом около миллиона видов ресурсов. И вот, чтобы составить только один взаимно увязанный вариант плана, охватывающий столько показателей, потребуется примерно десять в восемнадцатой степени арифметических операций. Что означает эта цифра, на непросвещенный взгляд не такая уж "страшная"? Вот что: мощная машина, совершающая миллион операций в секунду, потратит на решение такой задачи ни много ни мало около 30 тысяч лет непрерывной работы!

Что касается меня лично, то я согласен подождать, только ведь это план на будущий год... А если говорить серьезно, то ни в ближайшей, ни в отдаленной перспективе "прямое" планирование из одного центра всего хода производства не будет реальным при любой мыслимой мощности вычислительных устройств. Это установленный математический факт." (Лит.Газета,#47, 1983 г.)

(Прим. сост. – в 2018 году компьютеры уже имеют в тысячи раз большую производительность. Проблема лишь в том, что обработать столь большое количество ВХОДНОЙ информации они попрежнему вряд ли в состоянии).

Теперь мы уже не будем удивляться, когда узнаем, что Госплан вовсе и не планирует всего производства в СССР, а рассчитывает лишь около 80 наиболее важных, по мнению Политбюро ЦК, номенклатурных единиц. И поэтому не следует удивляться вышеописанной системе планирования, примененной нашим воображаемым хозяином заводика – она еще не самая плохая; долгие годы в нашей стране господствовал, да и теперь еще занимает ведущее место план выпуска продукции "по валу" (валовой продукт), когда, например, министерству планируется выпуск труб общим количеством 100 тыс. тонн по весу, но при этом не оговаривается их диаметр. Предприятию "выгодно" выпускать трубы только некоторых определенных диаметров, с максимальным расходом металла в них; в то же время другие отрасли промышленности могли испытывать острый недостаток в трубах других диаметров, "невыгодных" с точки зрения малого расхода металла в них. Несмотря на очевидную нелепость такого, с позволения сказать, "планирования", находились и до сих пор находятся ярые сторонники такой системы...

После смерти Сталина и прихода к власти Хрущева наступил период непрерывных хозяйственных реформ, проводившихся под теми или иными лозунгами, но сводившихся в основном к изысканию средств повышения производительности труда и к усовершенствованию методов планирования. Была выдвинута на первый план идея о передаче функций более детального планирования стоящим ниже Госплана и министерств организациям, и даже, в некоторых случаях, самим крупным предприятиям. Это было названо "хозяйственной реформой".

Иногда, для некоторых типов простейших предприятий (типа автобаз) это давало эффект, и тогда опыт этого хозяйства рекламировался по всей стране как образец для подражания, и как свидетельство правильности всей хозяйственной политики Партии и Правительства. Однако, уже завод – даже небольшой – это не автобаза. Слишком сложен механизм завода, слишком он зависим от разных причин, чтобы можно было планировать его деятельность на пятилетку во всех деталях. Поэтому в общем плане хозяйственные реформы, связанные с именем Хрущева "в период развернутого строительства коммунизма" (1958-1964 гг.) не дали ожидаемого эффекта, а созданные при нем вместо министерств "совнархозы" (территориально-промышленные организации) были преобразованы после его вынужденного ухода с политической арены снова в министерства.

С появлением электронно-вычислительных машин появилась надежда на возможность более детального планирования и управления производством по крайней мере на заводах, выпускающих более или менее однотипную продукцию, главным образом на предприятиях

добывающей промышленности. Начались попытки внедрения автоматизированных систем управления производством (АСУП). И в горячих умах поборников плановой и противников рыночной системы хозяйствования затеплилась надежда – можно сделать еще один шаг к коммунистическому производству – все предприятия должны быть оборудованы АСУП!.

Почему и внедрение АСУП не оправдало возложенных на них надежд, читателю теперь должно быть уже примерно ясно – причина все та же: отсутствие инструмента для измерения величины стоимости выпускаемой продукции, отсутствие рынка. Раз нельзя измерить стоимость продукции, значит, незаметно для себя можно скользить по наклонной плоскости в сторону ее реального удорожания, увеличивая неоправданные затраты на автоматизацию, механизацию и прочую "-цию", может быть и облегчающую труд рабочего, но повышающую стоимость продукции незаметно для производителя. Разработка, изготовление, внедрение и обслуживание АСУП обошлись дороже, чем получался реальный выигрыш от их использования. Как говорится, овчинка не стоила выделки. Постепенно темпы внедрения АСУП стали уменьшаться, а затем о них почти перестали говорить в плане их массового внедрения.

*

Таким образом, в эпоху развитого социализма рыночный обмен продуктами как способ определения их стоимости отсутствует, а имеет место их плановое производство и распределение. Производство не является товарным с точки зрения политэкономии. С этой же точки зрения даже продажа населению продуктов потребления в государственных магазинах не является продажей по существу – ведь государственные магазины не конкурируют между собой за сбыт продукции, и один и тот же вид товара во всех государственных магазинах выдается (а не продается!) по одной и той же цене, независимо от его качества и наличия. Батон хлеба стоит 13 копеек независимо от того, свежий он или черствый, независимо от того, есть он в соседних магазинах, или его нет. Народ тонко подметил эту особенность "торговли" при социализме: подходя к очереди, люди спрашивают: "Что дают?", а не "Что продают?" (кстати, если бы действительно продавали, то не было бы очередей, как мы видим это на колхозных рынках). Отсутствует конкуренция и между производителями; более того, при возникновении возможности такой конкуренции с ней активно борются сверху и снизу самыми решительными и порой беззастенчивыми способами – сверху по той причине, что при авторитарной системе производства конкуренция якобы (!) приводит к дублированию усилий, направленных на выпуск однотипной продукции, в то время как в другом месте хозяйства постоянно существует недостаток другого вида продукции, для выпуска которой нехватает людей и средств; (это, конечно, версия, которую постоянно выдвигают как аргумент при обсуждении этого вопроса, хотя на самом деле конкуренция при наличии одного хозяина просто немыслима); снизу потому, что любая конкуренция объективно выявляет недостатки производства на данном предприятии. Кроме того, значительная часть продуктов потребления выпускается в так называемых цехах ширпотреба военных заводов - предприятий, для которых стоимость продукции и производительность труда вообще являются вопросами второстепенными; само по себе это отношение распространяется и на цеха ширпотреба.

Таким образом, производство в ЭРС не является товарным, это бюрократическое, авторитарное производство, полностью подчиненное указаниям центральных органов власти одного хозяина всех средств производства в стране - Политбюро ЦК.

В заключение параграфа - еще одна цитата.

"Товарищи! Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок.

Наука, к сожалению, еще не подсказала практике нужные, отвечающие принципам и условиям развитого социализма решения ряда важных проблем. Что я имею в виду? Ну, прежде всего, выбор наиболее надежных путей повышения эффективности производства, качества продукции, принципы научно обоснованного ценообразования. И не только это."

(Ю.Андропов."Правда", 16 июня 1983 г.)

Стоимость и реальные затраты

Поскольку мы определили стоимость как количество рабочего времени, объективно необходимого для производства данного количества продукта при данном уровне развития производительных сил, то мы при этом молчаливо подразумеваем, что существует метод, инструмент для определения этого времени, объективного определения, не зависящего от желания и воли отдельных людей или групп людей. Мы при этом молчаливо подразумеваем наличие рынка как такого инструмента. Мы, наконец, молчаливо подразумеваем и присутствие на этом рынке независимых производителей.

Между тем мы нигде не встречаем у Маркса определения "независимого производителя". Ему не нужно было давать определений столь очевидных с его точки зрения понятий, так как форма частной собственности на капитал сама по себе делает производителей независимыми. Однако нам, постоянно имеющим дело с так называемой "общественной собственностью на средства производства", необходимо понимание, что два социалистических предприятия, выпускающих даже одну и ту же продукцию, вовсе не являются независимыми производителями друг по отношению к другу.

Независимым производителем продукта является только такой производитель, за которым сохраняется полное право собственности на произведенный им продукт, а, следовательно, и полная ответственность за реализацию этого продукта. Если эти права реализуются не полностью, значит, и "независимость" производителя не полная.

При любой системе общественного производства продукт принадлежит тому, кому принадлежат средства производства, с помощью которых этот продукт произведен. При

капиталистической системе полное право на продукт определяется правом собственности на капитал, на средства производства и рабочую силу, которые капиталист покупает. Так как таким правом обладает каждый производитель, то производители являются независимыми, и для них единственным и естественным способом определения цены производства является рынок.

При системе ЭРС продукт принадлежит "обществу", поскольку он произведен с помощью принадлежащих обществу средств производства, а вовсе не потому, что в его производство вложен труд трудящихся масс. Человек в ЭРС не имеет права не работать, постольку он обязан отдавать обществу свою рабочую силу в течение всей жизни. Трудящийся при этом в точном соответствии с определением Маркса, перестает быть наемным рабочим, а становится РАБОМ. Его рабочая сила с самого начала его жизни принадлежит не ему лично, а обществу как совокупному рабовладельцу, которому принадлежат и средства производства. Поэтому, также вполне естественным образом, продукт труда принадлежит не ему, а обществу, и трудящемуся остается только ждать, сколько именно Хозяева этого общества, сидящие в Политбюро ЦК, сочтут возможным выделить ему в качестве вознаграждения за труд.

Если право собственности на средства производства и рабочую силу сосредоточено в одних руках, то как бы эти руки ни назывались – общество, Политбюро, вождь племени или Робинзон Крузо (по отношению к Пятнице), обмен продуктами неизбежно принимает форму распределения, а не рыночную форму, форму свободного обмена. Продукт незачем выносить на рынок, которого естественным образом нет, как незачем на заводе создавать внутривзаводской рынок для обмена деталями между цехами. Стоимость детали нужно определять, когда она производится для продажи. При передаче ее из заготовочного цеха в сборочный никакого акта купли-продажи не происходит, ибо продукт не меняет собственника. Точно так же, на большом заводе, в соцэкономике, продукт не меняет собственника, переходя с предприятия на предприятие в качестве сырья или готового продукта, не продается и не покупается, не проходит через рыночный обмен, не принимает форму товара. Значит, ни цену производства, ни тем более стоимость его определить невозможно, к нему просто невозможно применить это понятие, так же, как в космическом корабле не может существовать понятие веса.

Но, говорят апологеты коммунистических производственных отношений, если нет возможности определить стоимость продукта, то ведь возможно определить реальные затраты материалов, энергии, труда на его производство. Ведь и рынка труда тоже нет, и поэтому для определения цены этого труда достаточно подсчитывать его затраты, реальные затраты на каждом рабочем месте. Эти реальные затраты кажутся им таким же объективным параметром, как и цена производства, или, еще точнее, издержки производства.

На самом деле реальные затраты – это весьма субъективный параметр, зависящий от воли и желания отдельных людей и руководителей, а также от условий планирования, также устанавливаемых людьми. По одной этой причине реальные затраты не могут быть использованы как объективный параметр для оценки эффективности производственного процесса.

Реальные затраты конкретного труда на конкретном рабочем месте вовсе не соответствуют издержкам производства, в которые, как мы знаем, входят цена производства средств производства и цена рабочей силы, основанные на понятии стоимости и определенные с помощью рынка. Реальные затраты, может быть, и измеряют действительные затраты рабочей силы и средств производства, но, согласно Марксу, совсем не обязательно в результате этого труда будет вообще создана какая-либо стоимость.

Кроме того, таким путем может быть и можно подсчитать затраты сравнительно простого труда; но более сложный, квалифицированный, а тем более – творческий труд вообще нельзя таким образом ни подсчитать, ни учесть его долю в создании новой стоимости.

Естественным стремлением простого человека является работать меньше, а получать больше, иначе говоря, сделать за то же время больше продукции, а не наоборот. Вся история технического прогресса есть результат этого желания, особенно если труд является тяжелым и малопривлекательным. Поэтому, если цена на производимый предприятием продукт определяется по реальным затратам, и от этой цены зависят доходы предприятия, то это предприятие под любыми предложениями, на которые только способна человеческая фантазия, будет стремиться завышать в своей отчетности реальные затраты, или, по крайней мере, не слишком стремиться к их снижению. Творческие способности руководителя автоматически будут направлены в сторону повышения стоимости выпускаемой продукции, т.е. в сторону, диаметрально противоположную нуждам технического прогресса.

Понятие стоимости (т.е. общественно необходимых затрат) принципиально не может совпадать с понятием реальных затрат, так как последние относятся только к конкретным затратам конкретных производителей. Общественно-необходимые затраты определяются не только, и даже иногда не столько уровнем достигнутой технологии, сколько производственными отношениями.

Вспомним пример из истории внедрения швейных машин во времена цеховых объединений ремесленников. С изобретением швейной машины был достигнут новый уровень технологии, однако она не внедрялась из-за производственных отношений – при данном спросе на изделия и крайне ограниченном рынке многие ремесленники остались бы без работы, так как не хотели или не могли перейти на выпуск других видов продукции. Внедрение новшества было приостановлено принятием специального закона (!!!). Поэтому при данных производственных отношениях и общественно-необходимые затраты остались на том же прежнем уровне.

Напротив, при наличии развитых капиталистических отношений большинство эффективных изобретений практически сразу же внедряется и приводит к изменению общественно-необходимых затрат, даже если изобретение внедряется только на одном предприятии, поскольку это сразу же отражается на стоимости продукции, на рыночных ценах. Именно этим и объясняется столь бурное развитие стран, становящихся на путь капиталистического развития.

В ЭРС оптовые цены не меняются в течение 15 лет. Все перемены в средствах производства, происходящие за это время, не влияют на цены сырья и энергии. Через 15 лет оказывается, что некоторые отрасли работают в убыток, в некоторых отраслях – сверхприбыли. Государственный комитет по ценообразованию изменяет соотношение цен на продукцию, делает производство "сбалансированным". 15 лет - это время, в течение которого Госплан с его супер-ЭВМ может приблизительно подсчитать эти самые реальные затраты на основные виды продукции и сырья. Поскольку эти цены изменяются обычно примерно за год до конца очередной пятилетки, имеется прекрасная возможность одним росчерком пера "выполнить план" предыдущих трех пятилеток.

Насколько стихийно в обществе независимых производителей устанавливается рыночная цена, настолько же стихийно в обществе полностью зависимых производителей устанавливается так называемый "плановый показатель роста производительности труда", ибо при планировании по реальным затратам планируется и рост производительности труда. Если предприятие перевыполняет план по росту производительности труда, ему увеличивают плановые задания в следующем году. А в следующем году у предприятия может не оказаться необходимых резервов, и оно не выполнит план, который является законом. Поэтому производители (директора предприятий) стремятся принимать на себя как можно более низкие обязательства по росту производительности труда, и этот показатель устанавливается стихийно на некотором минимальном уровне, достаточно далеко от максимально возможного.

Не планировать этот показатель предприятиям нельзя – тогда он вообще покатится вниз. Может быть, можно было не увеличивать этого показателя при перевыполнении плана, а весь доход от роста производительности труда оставлять в пользу предприятия, в его общественный фонд? Однако этот способ руководители из Политбюро боятся распространять достаточно широко по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, до тех пор, пока величины реальных затрат и производительности труда определяют сами предприятия (а другого способа определять их в ЭРС еще никто не придумал), существует упомянутая выше возможность и опасность постоянного завышения реальных затрат и занижения реальной величины производительности труда путем хотя бы простого сокрытия резервов производства, которые не обнаружит ни один инспектор, то есть злоупотребление недостатками централизованной системы планирования.

Во-вторых, как показал совсем недавно экономический эксперимент, проведенный на Сумском комбинате, миллионы рублей, накопленные предприятием в результате эффективной организации производства, невозможно реализовать, по крайней мере в настоящее время, из-за дефицита практически всех видов продукции, необходимых даже не для расширения производства, а для образования реальных (а не денежных) общественных фондов потребления. Купить на эти деньги, говорит директор комбината, просто нечего. Причина проста – ничего не продается!

Только труд на пределе возможного может обеспечить максимальный темп роста производительности труда, необходимый для выживания цивилизации.

Только ежедневная угроза потери достигнутого может обеспечить такую интенсивность труда.

Только существенная разница в доходах между квалифицированным и неквалифицированным трудом, то есть "оплата по труду", может заставить человека (да и то не всегда) овладевать специальностью и знаниями, повышая тем самым средний квалификационный потенциал общества, что в конечном итоге ведет к повышению производительности труда, обеспечивает максимальный темп роста производительности труда.

Только в условиях, когда можно определить объективно цену производства продукции, можно определить и общественно необходимые затраты труда. Только в этих условиях лентяй и неумелый работник не будет иметь преимущества перед добросовестным и умелым специалистом. В противном случае вы будете производить оплату по реальным затратам труда, рабочего времени, т.е. в совершенно обратной, ненормальной, несправедливой по всем меркам пропорции, а именно – чем больше затрачено труда и времени на производство данного количества продукции, тем больше оплачивается такой, по существу своему неквалифицированный труд. Такой подход влечет за собой общее снижение темпа роста производительности труда.

Ликвидация безработицы приводит к необходимости использования рабочей силы в среднем более низкого качества. Это дает импульс началу снижения среднего качества продукции в обществе. Даже если в некоторый момент времени на производство всей продукции и затрачивалось в среднем общественно-необходимое рабочее время, то при использовании некондиционной рабочей силы это время увеличивается. Эта некондиционная рабочая сила производит продукцию не только более высокой стоимости, но и худшего качества, если плановая цена не повышается. В тот момент, когда вы ликвидировали безработицу, начинается необратимый процесс увеличения издержек производства. В тот момент, когда вы ликвидировали рынок, никто не может определить вообще общественно-необходимые издержки производства. Труд несколько меньшей квалификации производит несколько менее качественную продукцию и за большее время. Вы об этом не знаете. И никто об этом не знает. Если вы производите, например, машины со сроком службы 10 лет, а они будут служить 5 лет, то о ваших действиях никто не узнает ранее, чем через 5-10 лет, а по прошествии этого срока будет признано, что машины со сроком службы 5 лет - это норма, а значит, десятилетний ресурс при данных реальных затратах и обеспечить нельзя. Ведь у вас нет конкурентов на рынке, никто не может сказать вам, что вы просто не умеете делать машины.

Если вы производите инженеров, то уровень машин, которые будут производить эти менее квалифицированные инженеры, будет еще ниже, и вы об этом узнаете еще позже. А если этот инженер, сам малоквалифицированный, примется за педагогическую деятельность (потому что из-за отсутствия безработных существует повышенная потребность и в педагогических кадрах), то он подготовит кадры еще более худшие, чем он сам. И так далее.

Мнение, что использование всей рабочей силы, полная ликвидация безработицы выгодны для общества, не выдерживает никакой критики. Некондиционная рабочая сила, которая

должна была бы остаться за воротами любого производства, не просто снижает качество и повышает стоимость продукции; она создает дефицит этой продукции, и тем самым ускоряет снижение темпа роста производительности труда. Поэтому-то рост реальных затрат на производство любых видов продукции является в ЭРС фактом, а возможно, даже законом.

До тех пор, пока для обеспечения существования человека и человечества будет затрачиваться прямой труд, пока труд не стал развлечением или спортом, люди не согласятся добровольно отдавать свой труд обществу, получая взамен лишь минимальные средства к существованию, не зависящие от количества или качества самого труда. Это – красивая мечта, но всего лишь мечта, ничем и никак не обоснованная. Непрерывный прогресс производства вовсе не имеет своей целью освободить человека от какого бы то ни было труда, переложить его на плечи машин. Это - сказки для легковверных.

Говорить о цели производства все равно, что говорить о цели эволюции или цели жизни на Земле. Если и можно говорить о цели существования общества, то этой целью является выживание.

По Марксу, целью капиталистической системы производства является получение максимальной прибыли, а не производство максимального количества материальных благ в интересах всего общества. Но такая постановка вопроса слишком политически направлена, слишком тенденциозна. Капиталистическая система времен Маркса была наиболее эффективной с точки зрения выживания общества, а все остальные аспекты этого способа производства, в том числе и его направленность на получение максимальной прибыли, являются вторичными. Капиталистическая система нашего времени тоже ориентирована на максимальное развитие темпов роста производительности труда, что безусловно и в первую очередь необходимо для выживания человеческого общества при данном уровне развития производительных сил. При другом, более высоком уровне развития производительных сил, возможно, более эффективным будет другой способ производства, который потребует другого характера общественных производственных отношений. Но для того, чтобы дойти до такого уровня, также необходим максимальный темп роста производительности труда. И какие бы ни приводились доводы в защиту "завоеваний социализма", с которыми безусловно можно согласиться, темп роста производительности труда является единственным объективным критерием прогресса или регресса общественной системы. И если какая-либо система, независимо от ее названия и "общечеловеческих идеалов", положенных в ее основу, неспособна обеспечить этот максимальный темп, она недостойна не только существования, а даже рассмотрения, а все идеалы, провозглашаемые ее апологетами, в конце концов обернутся чудовищным обманом трудящихся масс.

Действие закона стоимости в условиях отсутствия рынка

Но, если производство не является товарным, закон стоимости не может проявить себя непосредственно через рынок как регулирующий фактор производства; он может проявиться только косвенно, опосредованно, примерно так же, как проявлял себя в патриархальном обществе или при рабовладельческом строе.

Закон стоимости является всеобщим законом человеческого бытия. Даже если человек живет на необитаемом острове, он должен трудиться, чтобы жить по-человечески, а не как животное. А раз так, значит, он должен соизмерять затраты своего труда и времени пропорционально своим потребностям и возможностям. Хотя Робинзон Крузо и нашел в сундуке, выброшенном волнами на берег, книги, но он смог выделить время для их чтения только спустя несколько лет, когда производительность его труда и труда его друга Пятницы стала достаточной для организации досуга. Даже Даниэлю Дефо, автору романа "Робинзон Крузо", это было ясно. Это, конечно, самый простой пример, не включающий в себя обмен продуктами производства, но и он показывает важность определения средненеобходимых затрат труда в любом обществе, даже состоящем из двух человек.

Однако формы, в которых закон стоимости себя проявляет, зависят от условий, в которые поставлено производство и распределение продуктов. Они зависят от форм собственности на средства производства, от количественного соотношения этих форм в обществе и от других, менее существенных факторов.

При рассмотрении экономической системы ЭРС мы не можем прямо воспользоваться выводами классической политэкономии, сделанными ею для капитализма. Необходимо вначале выяснить условия, в которых вынужден проявлять себя закон стоимости, прежде, чем судить, в какой форме он должен проявлять себя в ЭРС.

Действительным собственником средств производства является тот, кто в действительности ими распоряжается, а не тот, от чьего лица выносятся эти распоряжения – от имени государства, от имени революции или "именем аллаха". Действительным собственником средств производства в СССР является Политбюро ЦК КПСС. То обстоятельство, что его состав остается постоянным в течение длительных периодов времени и изменяется только по мере естественной убыли или в результате внутренней борьбы, а не в результате очередных "выборов" – только подтверждает это.

Поскольку Госплан и подчиненные ему организации находятся в полном распоряжении ЦК и Совета министров, а в руках Госплана сосредоточена вся информация об экономике страны, представляется весьма сомнительным тезис о недостатках в его работе как причине крупных недостатков во всех областях хозяйства. Ведь если эти недостатки известны, а система полностью контролируется, то почему бы их не устранить и не навести, наконец, порядок?

Очевидно, дело не в Госплане, и уж тем более не в недостатке энтузиазма и работоспособности трудящихся Советского Союза. Дело, по-видимому, в условиях

производства, определяющих бесплодность попыток Госплана, бесплодность его усилий обеспечить плановый рост производительности труда в ЭРС.

Принцип полного отсутствия рынка (и, как следствие, какой бы то ни было конкуренции) практически во всех областях деятельности, становится в ЭРС основополагающим.

(Само слово "конкуренция" становится почти неприличным. На одном из совещаний достаточно высокого уровня в одном из министерств кто-то предложил дать разработку одного проекта двум разным организациям, чтобы решить вопрос о том, чья идея выполнения проекта лучше. Автор своими ушами слышал, как зам.министра с возмущением сказал: "Вы что же, КОНКУРЕНЦИЮ предлагаете устроить? У нас есть достаточно специалистов, чтобы решить, какая из идей лучше..." При этом речь шла даже не о сравнительной стоимости двух проектов, а лишь о степени их технического совершенства и перспективности).

Внимательно следя за отсутствием конкуренции на принадлежащих ему предприятиях, государство всю прибыль от повышения производительности труда забирает себе. Само по себе это может быть не так уж плохо, если затем эти средства расходуются на повышение производительности труда и народное образование, или в других полезных целях. Опасно при этом другое.

Как уже указывалось, плановая цена на сковородку зависит не столько от ее стоимости, сколько от реальных затрат времени и средств на ее производство, а это далеко не одно и то же. Но при отсутствии рынка нельзя определить ее стоимость, а значит, нельзя и определить, насколько эти "реальные затраты" соответствуют общественно-необходимым затратам. Иногда можно видеть, что в магазинах продаются несколько сходных изделий, например, диапроекторов, совершенно одинаковых по своим характеристикам, но отличающихся по цене раза в полтора. То же относится к телевизорам. Возникает вопрос – может быть, это и есть конкуренция?

Нет. Цены на эти изделия устанавливают не предприятия, а единственная организация – Госкомитет по ценообразованию при Совете министров (Госкомцен). И эта организация установила цены не только с учетом того, сколько затрачено средств на их выпуск, и не только с учетом того, чтобы обеспечить одну и ту же "плановую прибыль" от продажи этих изделий, но и с учетом того, что ситуация, когда потребитель будет покупать более дешевые изделия и не будет покупать более дорогие (одного и того же качества) на деле невозможна в ЭРС. Ибо ни одно из этих предприятий не обладает достаточной мощностью, чтобы обеспечить (захватить) весь рынок сбыта, да и не ставит себе такой задачи. Потребность населения в любых изделиях в ЭРС практически всегда больше их суммарного выпуска, так что когда кончатся дешевые изделия, начнут раскупать и дорогие, да и этих в конце концов нехватит (см. ниже "Дефицит").

Так вот, поскольку при отсутствии рынка нельзя точно определить, какое количество общественно-необходимого труда затрачено на производство данного продукта, понятие производительности труда, отрываясь от стоимости, становится весьма расплывчатым. Простой пример поможет нам это уяснить.

Пусть, например, один экскаватор заменяет труд ста человек. Пусть средний срок службы этого экскаватора условно – один год. Пусть в год выпускается 100 таких экскаваторов.

Тогда получается, что наладив серийный выпуск этих экскаваторов, мы сможем высвободить 10,000 рабочих-землекопов. Но для производства этих экскаваторов, не говоря уже об их проектировании, также требуются люди, причем более высокой квалификации, чем землекопы. Требуются также люди для обучения этих людей. Кроме того, требуются люди для поддержания этих машин в работоспособном состоянии, требуется бензин, масло, запчасти и т.д. и т.п. Общее количество людей и средств, необходимых для выпуска, содержания и эксплуатации этих машин, практически не поддается расчету, если иметь в виду не только сами экскаваторы, а всю огромную массу средств производства, выпускаемую страной.

В результате может сложиться ситуация, при которой для производства и эксплуатации 100 экскаваторов в течение срока их службы требуются 10,000 эквивалентных рабочих (с учетом их более высокой по сравнению с землекопами квалификации), что равноценно сведению к нулю всего выигрыша в производительности труда от применения этих экскаваторов. При этом следует иметь в виду, что результат такого "эксперимента" скажется спустя много времени от момента принятия решения о начале проектирования этих экскаваторов, и уже никто никогда не найдет виноватых, да их вряд ли и будут искать.

Хорошо, скажет читатель, этот пример - утрированный. А можно ли доказать, что так оно на самом деле и происходит, или это лишь возможный случай, но не реальный?

Можно. И проще всего это сделать на примерах сельскохозяйственного производства. Для этого достаточно задаться вопросами: почему, например, выращивание поросят в личном хозяйстве колхозника ему выгодно (хотя он и тратит на это личное время, кроме работы в колхозе), а ведение мясного хозяйства в колхозах и совхозах – убыточно? Почему держать корову в деревенской семье выгодно (если, конечно, никто не препятствует получению кормов для нее), а многие молочные хозяйства убыточны (возьмите любую районную газету)? Почему горожанам выгоднее сажать картошку на дачных участках, а не покупать ее в магазинах? Почему государство покупает у частника картошку по комиссионным ценам 20, а иногда и 30 копеек за килограмм, а продает населению городов по 10 копеек? Откуда оно берет для этого средства?

На эти и многие аналогичные вопросы напрашивается один и тот же ответ: это происходит потому, что затраты труда и средств на производство средств производства (от трактора до масленки для него) и на их эксплуатацию больше, чем выигрыш от их применения. Другими словами (с точки зрения политэкономии, конечно), было бы выгоднее всех тех, кто производит машины для сельского хозяйства, заставить самих работать в сельском хозяйстве без помощи этих машин (аналогично примеру с экскаваторами). Да, непосредственный эффект от применения электродойки, например, очень большой, она может заменить 10-20 доярок. Но ее применение тянет за собой такое количество проблем (начиная от квалификации специалистов и кончая запчастями и безотказной подачей электроэнергии в нужное время на ферму), что результат от применения электродойки и вообще всей механизации и электрификации в производстве молочных продуктов – это

повышение цен на них, то есть в конечном счете снижение, а не повышение производительности труда.

Является ли это положение чем-то новым, возникшим только в последнее время, в период "развернутого строительства коммунизма"? Нет. Такое положение существовало практически всегда, с самых первых шагов Советской власти. В материалах первых лет ее ("КПСС в резолюциях", т.1) прямо сказано, что основная задача промышленности – наладить выпуск товаров для села (то есть не столько продуктов потребления, сколько и главным образом средств производства) по ценам, доступным для крестьянина, снизить затраты на производство средств производства.

С самого начала существовал разрыв ("ножницы") между затратами на производство серпов для села, и ценами, по которым их нужно было продавать селу, чтобы эти серпы там покупали. Разницу покрывало государство, поэтому многие предприятия были убыточными (но не закрывались и не переоборудовались), а само государство получало деньги для покрытия своих расходов на дотации этим убыточным предприятиям путем ограбления этих крестьян же, платя им за сдаваемое зерно по ценам ниже стоимости, ниже той цены, по которой само государство продавало зерно за рубеж (именно поэтому и нужно было в первую очередь монополизировать внешнюю торговлю, что государство и сделало). Другим источником доходов была и остается продажа за рубеж сырья (минеральные удобрения, газ, нефть, уголь, лес), то есть как раз тех продуктов, в производство которых можно вложить большую долю ручного труда (а то и труда заключенных), и как можно меньшую долю – труда "машинного".

В этих условиях замена ручного труда машинным не обязательно означает высвобождение рабочих рук, ибо эти руки становятся тут же нужны в производстве машин для тех же производственных процессов, где эти руки раньше работали. Эта замена ручного труда машинным, называемая техническим прогрессом, имеет смысл только тогда, когда в результате внедрения машин получается действительный выигрыш в стоимости продукта. Именно в стоимости, так как это понятие включает в себя весь человеческий, общественно-необходимый труд, затраченный на производство данного продукта. Но именно стоимость и невозможно практически определить без рынка, без конкуренции независимых производителей, независимых ни от чего, кроме общих факторов – законов природы.

Монополизация государством всех без исключения областей производства при недопущении не только конкуренции, но и самих независимых производителей, приводит к монополизации каждого звена производственного процесса, а следовательно, к завышению трудозатрат на продукт против общественно-необходимых, то есть тех, которые при данном техническом уровне производства могли бы иметь место, если бы каждый производитель находился бы в условиях рыночной экономики и всеми силами боролся бы за сбыт своей продукции, повышая ее конкурентоспособность.

Расчет же стоимости по "реальным затратам", по необходимости принятый в ЭРС, неизбежно страдает односторонностью и приблизительностью, ибо, как было указано выше, нельзя точно учесть все особенности производства и эксплуатации всех видов средств производства страны, если смотреть на дело из одной точки – из кабинета Госплана.

Еще две цитаты.

"Радикально изменит положение в производстве в области производительности труда широкое применение роботов, особенно на тех участках производства, где сейчас еще используется ручной, физический, тяжелый, малоквалифицированный труд. Это даст возможность сотням тысяч людей работать в других, более благоприятных условиях, получать большее удовлетворение от результатов своего труда. А это очень важно, товарищи. Это приблизит решение одной из основных задач коммунистического строительства – задачи преодоления существенных различий между физическим и умственным трудом. "

(Ю.Андропов,"Правда", 16 июня 1983 г.)

После примеров с АСУП, экскаваторами и японскими гибкими производственными системами эта цитата вряд ли требует комментариев.

"К сожалению, товарищи, как раз с внедрением в практику достижений науки и техники у нас, как вы знаете, дело обстоит еще плохо. Хозяин, который пошел на "риск" и ввел на предприятии новую технологию, применил или произвел новое оборудование, нередко остается в проигрыше, а тот, кто чурается новшеств, ничего не теряет. Разработать такую систему экономических, организационных и моральных мер, которая заинтересовала бы в обновлении техники и руководителей, и рабочих, и, конечно, ученых и конструкторов, сделала бы невыгодной работу по старинке – вот в чем задача. Над этим сейчас работают Госплан, Академия наук, Госкомитет по науке и технике. Надо только делать это побыстрее, потеря времени обходится стране дорого".

(Ю.Андропов."Правда",16 июня 1983 г.)

Андропов "забыл" сказать только, что нужно разработать такую систему для условий государственной монополии на все средства производства в стране, ибо для остальных случаев ничего не надо разрабатывать, человечество уже разработало систему, которая, кстати, никого не "заинтересовывает", а заставляет всех с максимальным усердием модернизировать технологию, и эта система называется - рыночная экономика.

Экономический закон нерыночной экономики

На первых этапах становления Советского государства темп роста производительности труда был значительным, так как требовалось применение труда не слишком высокой квалификации и не требовалось изыскивать приемы новой, ранее неизвестной технологии. Кроме того, и это очень важно, идеологическое воспитание первых послереволюционных поколений в массе своей направлялось не столько усилиями пропаганды, сколько отцами и дедами, привыкшими трудиться "на совесть". Наконец, процесс расслоения нации по новому признаку только начал развиваться, затем развитию этого процесса помешала война, и он начал заметно усиливаться лишь начиная с 60-х годов, во времена Хрущева. Рост производства в стране продолжался, хотя темпы этого роста не отвечали ожиданиям

планирующих организаций, а определялись вовлечением в производственный процесс новых трудовых ресурсов, главным образом - женщин.

Дальнейшее снижение темпа роста производительности труда происходит по той же самой причине, по которой произошел великий технический застой в 2500 гг. до н.э. (см. выше раздел "Дорабовладельческие формации"). Эта причина – резкое разделение общества на классы, один из которых, правящий, полностью оторван от процесса производства, не обладает техническими и технологическими знаниями, а заинтересован только в "выжимании" прибавочной стоимости; на другом полюсе находится класс трудящихся; некоторые из них обладают технологическими знаниями, но даже при большом желании их применить встречают на своем пути значительные трудности.

Доказательством этого основного положения не могут служить никакие официальные и неофициальные статистические данные – в условиях ЭРС ни тем, ни другим доверять нельзя. Наилучшим доказательством того, что такое снижение темпа роста производительности труда действительно имеет место, могут служить непрерывные корректировки планов в сторону уменьшения как на уровне отдельных предприятий и отраслей, так и в масштабе всего Союза.

Из речи Брежнева на пленуме ЦК 16 ноября 1981 года:

"Особенность проектов пятилетки и плана на 1982 год состоит в том, что они предусматривают значительное увеличение ввода в действие основных фондов при минимальном росте капиталовложений. Политбюро ЦК КПСС поддержало предложение правительства (лишнее доказательство того, что правительство, т.е. Совмин, не может самостоятельно принимать основных экономических решений) о сокращении первоначального накопления на пятилетку объема капитальных вложений и строительно-монтажных работ на 30 млрд. рублей. Чем это вызвано?

Учитывались имеющиеся материальные и трудовые ресурсы, мощности строительных организаций, а также значительные размеры незавершенного строительства. По существу, сейчас имеется реальный, лучше сбалансированный план капитального строительства. Это создает необходимые условия для нормальной работы..."

Все. Можно подумать, что при составлении первоначального плана на пятилетку и соответственно, на 1982 год не учитывались "имеющиеся материальные и трудовые ресурсы". Учитывались, конечно. И многократно проверялись ответственными и компетентными лицами. На самом же деле жизнь внесла свои коррективы в составленный план – производительность труда в целом по стране не выросла настолько, чтобы можно было высвободить достаточное количество рабочих рук для выполнения строительно-монтажных работ на сумму 30 млрд. рублей. Это и есть свидетельство того, что замедлился темп роста производительности труда.

Далее Л.Брежнев сказал:

"Вместе с тем, хотя в проекте заложены высокие задания по показателям, связанным с эффективностью, он еще не преодолевает тенденцию к снижению фондоотдачи в ряде отраслей народного хозяйства".

Туманно, заумно, но сказано то же самое - снизился темп роста производительности труда.

В. Гришин, в одной из своих речей, в 1982 году пошел еще дальше и сообщил:

"Темпы роста производительности труда отстают от темпов роста фондовооруженности производства... Так, в промышленности Перовского района (одного из наиболее индустриальных районов Москвы) практически не растет фондоотдача".

И это говорится о промышленности Москвы, являющейся авангардом промышленности Союза и ее наиболее обеспеченной всем части. Можно себе представить, какое положение в среднем и на периферии!

Далее опять Л.Брежнев:

"Корень зла – медленное сокращение ручного труда. В целом по промышленности им занято около 40%, а в строительстве и сфере обслуживания и того больше."

Добавим - в местной промышленности – около 50%. Правильно сказано. Но только это не корень, а гораздо ближе к поверхности. Суть дела в том, что наличие в большом количестве ручного труда и медленный темп его сокращения (плановый показатель этого сокращения – всего 2% в год) как раз и есть следствие коренной причины – снижения темпа роста производительности труда.

Еще одна короткая цитата ("Правда", #7, 1981 г.):

"Все, конечно, заметили, что по проекту "Основных направлений" группа "Б" пропускается вперед группы "А". "Очень хорошо, значит, предметов потребления будет больше? Вчитавшись в проект, мы обнаруживаем: легкая промышленность и некоторые другие отрасли, работающие напрямую на потребителя, дадут меньшие приросты, нежели индустрия в целом. Стало быть, опережения производства потребительских товаров предполагается достичь за счет изделий, выпускаемых тяжелой промышленностью."

Вот тебе и раз... Ведь известно, что в этом случае продукция неизбежно становится дороже, так как предприятия Тяжпрома прямо не рассчитаны на выпуск ширпотреба, это для них побочная продукция, кроме того, она стоит дороже аналогичной продукции, выпускаемой на специализированных предприятиях легкой промышленности за счет повышения накладных расходов и высокой стоимости оборудования, да и часто хуже по качеству. Вывод – ширпотреб станет в среднем дороже.

Экономист, написавший эту статью, видит очевидную истину. Но что он предлагает, что он вообще может предложить??

"Надо бы записать в проекте основных направлений: рост фонда заработной платы на предприятиях тяжелой промышленности поставить в зависимость от прибавки на них производства потребительских товаров".

Стыдно, товарищ экономист! Вам-то лучше всех известно, что в общем фонде зарплаты предприятия Тяжпрома доля фонда зарплаты цехов ширпотреба весьма мала, и ее изменение на зарплате предприятия существенно отразиться не может, так как общая стоимость продукции ширпотреба в лучшем случае составляет 5-7% от общей продукции предприятия. При этом заводы, естественно, стремятся выпускать дорогие изделия для облегчения выполнения плана по ширпотребу. Поскольку многих комплектующих изделий и материалов, нужных для выпуска изделий ширпотреба, этим предприятиям в принципе не выделяют (ибо считается, что продукция ширпотреба должна выпускаться на этих заводах из сэкономленного на них же сырья), то используются случайные заменители, суррогаты, снижающие качество или завышающие стоимость против среднееобходимых. Результат – изделия ширпотреба изготавливают из отходов данного и других предприятий. А много ли хорошего можно изготовить даже из высококачественных отходов на неспециализированном предприятии?

*

Далее. Воспроизводство квалифицированных специалистов при рыночной системе производственных отношений протекает нормально по той психологической причине, что дети таких специалистов воспитываются в условиях, обеспечивающих им выработку сознательного стремления к высокому уровню знаний; жизнь ежедневно показывает им, что человеку со специальностью легче получить высокооплачиваемую работу по сравнению с человеком без образования. Необходимость затраты большого труда сегодня компенсируется в сознании учащегося высоким заработком и положением в обществе в будущем.

Воспроизводство высококвалифицированных специалистов в ЭРС протекает в иных условиях. Поскольку материальное положение инженерно-технического персонала ничуть не лучше, а зачастую даже хуже (ибо, в отличие от рабочих, инженерам практически закрыта легальная возможность для работы по совместительству при сравнительно меньшем окладе, чем у рабочих, а в отличие от работников сферы обслуживания, инженеры не имеют побочных доходов), в общественной иерархии инженер и научный работник становятся все менее уважаемыми фигурами. Как сказал Аркадий Райкин: "Мы на него плюем, как на простого инженера". Труд инженера, затраченный им при обучении на получение знаний, на овладение знаниями, в расчет не принимается: как же, ведь за его обучение заплатило государство, да еще давало ему стипендию, чтобы он не умер с голоду во время учебы!

Естественным результатом этого является постоянное снижение притока желающих поступить в высшие технические заведения (ВУЗы). Конкурсные экзамены в ВУЗы –

единственный оставшийся в живых пережиток буржуазной системы и до последнего времени единственный фильтр, разделяющий людей по их способности к обучению – перестают отвечать своей цели, как только число претендентов на одно место уменьшается до трех, ибо до последнего экзамена доходит только один. Начиная с этого момента, качество квалифицированных специалистов начинает неудержимо падать даже при сохранении качества преподавания и экзаменационных требований, ибо падает качество исходного материала, качество поступающих в ВУЗы. Для выполнения плана приема в ВУЗ (определяемого также сверху из потребностей промышленности в инженерах) приходится брать практически всех, подавших заявления, независимо от качества подготовки. Можно как угодно изменять правила приема, но указанных исходных причин, приводящих к снижению (в среднем, конечно) качества подготовки абитуриентов, изменить нельзя. (Этот факт сравнительно недавно был признан в одной из речей М.Горбачева).

Процесс снижения качества дипломированных специалистов приобретает лавинообразный характер, так как некоторая часть лиц, получивших высшее образование вот таким образом, становится, в свою очередь, преподавателями, и продолжает, теперь уже активно, снижать еще более качество подготовки школьников и студентов. Многие из них для заработка пишут учебники, и эти учебники отнюдь не более высокого качества, чем прежде, в части методики изложения учебного материала. Однако новые учебники все же вводятся вместо старых, ибо, естественно, содержат в себе некоторое количество новых данных.

Низкая оплата и тяжелый труд преподавателей в школах, техникумах и ВУЗах вызывает их острую нехватку, в результате чего в учебных заведениях часто появляются преподаватели "из промышленности", призванные нести "практические знания" учащимся. Но эти люди, даже при наличии у них таких знаний, по большей части не способны донести их по назначению из-за полного отсутствия у них теории и практики преподавательской, педагогической работы. Все эти причины приводят к непрерывному и все более заметному снижению уровня подготовки инженеров и научных работников.

В то же время технический прогресс переносит центр тяжести производства с плеч рабочих на плечи инженеров. В настоящее время уже не требует доказательств тезис, что темп роста производительности труда определяется именно инженерным трудом, который в ЭРС оплачивается как раз относительно хуже всего. Конечно, при отсутствии рынка нельзя утверждать, что стоимость продукта, произведенного инженерным трудом, выше стоимости продукта, произведенного трудом менее квалифицированного рабочего; в ЭРС эта фраза просто бессмысленна. "Сложный труд - это ... помноженный простой труд" - эти слова Маркса если и верны (а на самом деле – неверны), то только при наличии рыночной системы обмена произведенными продуктами. Основной экономический закон ЭРС ("непрерывное снижение темпа роста производительности труда") в применении к высококвалифицированному труду означает, что при условии отсутствия соответствия между характером, качеством, сложностью труда и оплаты за него, производительность труда различной сложности (квалификации) уравнивается, нивелируется, стремясь к минимальной в данных условиях возможной величине. Как уже ясно из изложенного, это происходит не по желанию или злой воле отдельных людей, не потому, что они лентяи или бездельники от природы, а автоматически, в соответствии с общественными законами, действующими независимо от воли и сознания людей, имманентно.

В заключение приведем некоторые справочные данные (по сборникам ЦСУ).

"Среднегодовые темпы прироста обнаруживают снижение, и составляют соответственно для восьмой, девятой и десятой пятилеток 3.8, 3.1, 0.2%.

Число созданных образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов (среднегодовое) по этим же пятилеткам обнаруживает снижение: 4254, 4001 и 3704"

(Лит.газета, 8 апреля 1981).

Комментарии, как говорится, излишни!

Таким образом, в условиях наличия только государственной собственности на средства производства закон стоимости проявляет себя таким образом, что темп роста производительности труда монотонно снижается, и при определенных условиях производительность труда в целом по стране может перестать расти и даже начать падать.

Это и есть главный экономический закон эпохи развитого социализма, это неизбежное следствие действия основного закона человеческого общества – закона стоимости.

В условиях отсутствия рынка все попытки введения материальной заинтересованности трудящихся могут приводить лишь к повышению интенсивности и продолжительности труда, но не к повышению его производительности. Хорошо известный пример этого – эксперименты в наших южных республиках с бригадным подрядом. Группа людей, обычно семья, берет подряд на выращивание на заданной площади земли определенного урожая, скажем, помидоров. Заданное количество урожая бригада сдает государству по твердым ценам, излишки продает ему же или на рынке – по рыночным.

Не говоря уже о том, что здесь нет почти никакой разницы с продналогом времен НЭПа, совершенно очевидно следующее.

Первое. Продажа урожая на местном рынке будет затруднена, ибо таких бригад много. Доставка же урожая в другие районы страны далеко не всегда может быть обеспечена силами бригады, здесь нужна помощь государства или торговый капитал, функционирование которого в частных руках сильно ограничено.

Второе, и самое главное. На вырученные от продажи деньги бригада может купить пять собственных автомобилей "Волга" по цене 50 тысяч, но не может купить трактор, который стоит в десять раз дешевле, т.е. может купить предметы потребления, но не средства производства. Средства производства производит государственная промышленность и распределяет их централизованно, потому что их везде нехватает. Их приходится

приобретать на так называемом "черном рынке", куда они поступают после кражи с государственных предприятий, а стало быть, и по баснословно высоким ценам. А раз так, то стремление получить максимальный урожай должно приводить к интенсификации труда, выжиманию из трудящихся максимальной прибыли и повышению цен на производимый продукт.

Но может быть, положение можно исправить? Давайте будем продавать бригадам в нужном количестве (легко сказать!) трактора, удобрения, грузовики, разрешим им, за деньги, конечно, заказывать самолеты для опыления посевов химикатами, возить помидоры на север самолетами государственной авиакомпании "Аэрофлот" по твердым багажным ценам и твердому расписанию, да мало ли что еще разрешим, лишь бы производили помидоры!

ЭТО НЕВОЗМОЖНО. Этого нельзя допустить, ибо средства производства, сосредоточенные в чьих-нибудь других руках, кроме как в руках Политбюро ЦК, это частный капитал, единственной функцией которого, по Марксу, является самовозрастание. Самовозрастая же, он потребует рынка, в том числе рынка рабочей силы, и взорвет всю систему общегосударственной собственности изнутри. Против этого Советская власть боролась всегда, с первого дня своего существования, и будет бороться до последнего вздоха.

Инфляция – результат снижения темпов роста производительности труда в ЭРС

Как уже было показано ранее, если выполняется условие, чтобы рост производительность труда был равен приросту производства средств производства, экономика остается "сбалансированной" (при ограниченных трудовых ресурсах, разумеется).

Если количество вновь созданных средств производства превысило ожидаемый рост производительности труда, то через некоторое время оказывается, что эти средства производства некому вручить, на них некому работать, создается нехватка рабочей силы (хорошо известный каждому советскому человеку факт, не правда ли?). Это, в свою очередь, означает, что труд, затраченный на изготовление этих средств производства, был затрачен впустую, выброшен, и реальная производительность труда стала еще меньше, чем тот среднетехнический уровень, до которого она все-таки сумела возрасти. На самом же деле это ничем не отличается от случая «перепроизводства средств производства». Только в условиях ЭРС никто за это не отвечает.

В ЭРС такое положение связывают с недостатками планирования. Мол, виноват Госплан, там не учитывают колебаний спроса и предложения и т.п. Подобные "недостатки планирования" имеют для рабочих ту положительную сторону, что в ЭРС отсутствует безработица – именно по этой причине везде требуются рабочие руки, а средства производства простаивают – их оказалось слишком много не потому, что их выпуск был неправильно спланирован. Госплан тут совсем не виноват, как это пытаются представить собственники газет. Рабочих рук не хватает вовсе не потому, что вся страна – это огромная стройка. Это сработал закон стоимости – средняя по обществу производительность труда не выросла до планируемой Госпланом величины; в обществе не высвободилось достаточного количества рабочих рук, чтобы заставить работать вновь созданные средства

производства. Можно снимать директоров, министров, объявлять партийные выговора, отдавать под суд за разбазаривание государственных средств в виде станков, ржавеющих под открытым небом и купленных за золото у капиталистов – это не устранил единственной причины – отсутствия рабочих рук, которые могли бы установить эти станки на предназначенные им места и заставить их работать. И если даже "народные контролеры" и "комсомольские прожекторы" заставляют администрацию устранить эти недостатки, то это делается ценой сверхурочных работ, что само по себе снижает среднюю производительность труда и завышает стоимость производимой продукции, ибо эти работы оплачиваются по повышенным тарифам (если не делаются в порядке "субботников", на добровольных началах, что в конечном счете означает увеличение продолжительности рабочего дня); либо за счет невыполнения других плановых работ, для которых нужны те самые руки, которые занимают сегодня установкой на место станка, на котором завтра все равно некому будет работать – и все по той же причине, недостаточной в среднем по обществу производительности труда.

Закон стоимости – это основной закон человеческой деятельности и его нельзя обойти, просто ликвидировав способ его естественного проявления – рынок. Да, в условиях общегосударственной монополии на средства производства рынок не нужен, ибо в этих условиях продукт не принимает форму товара.

Но в этих же условиях закон стоимости проявляет себя в особой форме – в форме МОНОТОННОГО СНИЖЕНИЯ ТЕМПА РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА.

Следствием этого является ИНФЛЯЦИЯ – обесценение денежных знаков при социализме – явление, казавшееся теоретикам социализма просто невозможным, ибо с ростом производительности труда должно, кажется, увеличиваться количество товаров и снижаться их цена при повышении качества. Именно разбазаривание человеческого труда в невиданных ранее масштабах в виде произведенных средств производства, на которых некому работать – это и есть основная причина удорожания продуктов в ЭРС. По форме (но только по форме, а не по существу) это напоминает кризисы в начале развития капитализма; только в то время эти явления были периодическими, а в ЭРС это явление перманентное, непрерывное.

Еще послушаем Ю.Андропова.

"Хорошо известно, что облик каждого общества определяется в конечном счете уровнем развития его производительных сил, характером и состоянием производственных отношений. Мы в своем общественном развитии подошли к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали неизбежными глубокие качественные изменения в производительных силах, и соответствующее этому совершенствование производственных отношений. Это не просто наше желание, товарищи, это объективная необходимость, и ее нам, как говорится, не объехать и не обойти. В тесной взаимосвязи с этим должны происходить и изменения в сознании людей и во всех тех формах общественной жизни, которые принято называть надстройкой.

В сфере экономической ключевая задача – кардинальное повышение производительности труда. Мы должны стремиться достичь в этом плане высшего мирового уровня."("Правда", 16 июня 1983 г.)

Теперь мы уже грамотные. Теперь мы видим, что Ю.Андропов ставит марксизм с ног на голову. Смысл его высказывания состоит в том, что, во-первых, дальше жить так нельзя, ибо производительность труда не растет; во-вторых, партия (понимай - Политбюро) сейчас примет ряд мер, направленных на увеличение производительности труда, вроде роботизации, автоматизации и пр., А задача партийных и государственных органов – соответствующим образом организовать производство (именно это понимается обычно под словами "производственные отношения при социализме", а отнюдь не отношения собственности и производства, как это принято в марксизме), чтобы эффект от внедрения новой техники был максимальным. Ю.Андропов не хочет (или не может) видеть, что замедление роста производительных сил, о котором он говорит, непосредственно связано с имеющимися производственными отношениями, с отношениями между трудом миллионных масс и капиталом, сосредоточенным в одних руках. Налицо основное противоречие между трудом и капиталом. Имеющиеся производственные отношения не позволяют развиваться производительным силам, налицо кризис, и преодолеть его можно самыми обычными способами, которыми преодолевается кризис в капиталистических странах, а ликвидировать самую возможность кризисов подобного типа можно только путем изменения самих производственных отношений. Предложенный на 27 съезде КПСС Горбачевым метод "ускорения" путем перехода на двух-трехсменную работу на новейшем оборудовании и одновременную ликвидацию устаревшего оборудования есть классический прием обновления производства во время прежних капиталистических кризисов. Слова только другие, да и предложить это гораздо легче, чем сделать (в условиях социализма).

В качестве примечания можно отметить, что понятие "производительность труда" скорее понятие больше философское, чем экономическое. Ее нельзя и практически нечем измерить, особенно когда речь идет о производстве существенно разнотипной продукции. Точно так же, как Маркс говорил, что понятие общественно-необходимого рабочего времени невозможно практически использовать при обмене продукцией между производителями, и поэтому используется понятие стоимости, точно так же, если имеется возможность эту самую стоимость определить на рынке, становится незачем использовать понятие "производительности труда", ибо ее нельзя измерить и ей неудобно пользоваться. Ее следует увеличивать, это верно, также как верно и то, что нужно снижать общественно-необходимые затраты рабочего времени для снижения стоимости. Но если из-за отсутствия рынка не представляется возможным определить самую стоимость, то естественно, нельзя и определить, выросла или упала производительность труда.

Классы в эпоху развитого социализма

Возможность эксплуатации трудящихся формальными (законными) владельцами средств производства возникает благодаря и в результате отделения средств производства от непосредственных производителей. В свою очередь, на этой основе возникают классы.

В "Капитале" убедительно показано, что отношения распределения произведенных материальных благ являются производными, зависимыми от отношений собственности различных классов на средства производства.

Определение классов дано Ульяновым в статье "Великий почин". Согласно этому определению, "классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одни могут присваивать себе труд других благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства".

Итак, по Ульянову, имеются четыре основные признака класса:

- 1. Место в системе общественного производства;**
- 2. Отношение к средствам производства;**
- 3. Роль класса в общественной организации труда;**
- 4. Способы распределения и размеры получаемого дохода.**

Современному читателю должно быть ясно, что это определение характерно для описательных, "качественных" наук. Оно, во-первых, достаточно расплывчато, неопределенно, поэтому может допускать различные толкования и споры при выяснении, является ли данная группа людей классом, или нет.

Во-вторых, из этого определения не следует, должна ли рассматриваемая группа людей отличаться от других групп одновременно по всем признакам, или достаточно только одного из них, или какой-то из этих признаков является основным, по которому группа должна обязательно отличаться от других групп, чтобы называться классом, а какие-то из этих признаков являются второстепенными, и по ним некоторые классы могут и не отличаться между собой.

В-третьих, некоторые признаки сами по себе весьма неопределенны. Например, что такое "роль в общественной организации труда"? В настоящее время сфера общественной организации труда может быть разделена на несколько областей, в каждой из которых работают "большие группы людей", играющие ту или иную "роль в общественной организации труда". Называть их классами или нет?

При наличии подобных "определений" открывается широкий простор для бесконечных споров по этому вопросу. А ведь это – одно из фундаментальнейших определений такой "науки", как "научный коммунизм"!

Для ясного понимания дальнейшего необходимо дать более четкое и более научное определение понятия "класс". При этом такое определение прежде всего должно обеспечивать точно такое же выделение классов в предшествующих общественно-экономических формациях, какое дает классический марксизм.

Отметим сразу же, что в определении, данном Ульяновым, достаточно сделать второй признак главным и единственным, как окажется, что остальные три являются не более, чем логическими следствиями из него, а не самостоятельными признаками.

Действительно, согласно экономической теории Маркса, лишь "отношение к средствам производства" определяет класс – класс владельцев средств производства и класс неимущих эти средства, неимущих не в смысле величины дохода (он может быть достаточно большим), а не имеющих средств производства в своем распоряжении. И тот, и другой класс существуют на разные доходы. Класс неимущих получает средства к существованию в результате "присвоения" части прибавочной стоимости, созданной трудящимися. Поскольку такая эксплуатация трудящихся является следствием различного отношения классов к средствам производства, постольку от этого и зависят способы распределения и размеры дохода этих классов. Поэтому четвертый пункт определения классов по Ульянову не является самостоятельным признаком.

От отношения к средствам производства зависит и место класса в системе общественного производства, ибо тот, кто владеет средствами производства, тот и должен направлять и возглавлять производство. При этом мы имеем в виду не собственно управленческую деятельность (этим могут заниматься целые общественные группы наемных, хорошо обученных, но также "неимущих" управляющих), а выработку и принятие экономических и технических решений по основным направлениям и характеристикам производства – номенклатуру, уровень качества, объем производства, темпы его модернизации и пр. Таким образом, первый пункт также оказывается зависимым от второго и не является самостоятельным признаком. Третий пункт также очень близок к первому пункту.

Все изложенное приводит нас к необходимости определить понятие "класс" следующим образом:

"Классами называются группы людей, отличающихся между собой по их праву на средства производства, и вытекающему из этого права различию в правах на размеры получаемого дохода, т.е. на величину доли общественного продукта. При этом под правом на средства производства мы имеем в виду право распоряжаться использованием этих средств производства (по своему усмотрению)".

Таким образом, теоретически могут существовать только два класса - класс собственников средств производства и класс неимущих эти средства производства.

Однако, реально существующее общество того или иного типа не всегда удается так четко разделить на две части, хотя и можно выделить в нем отдельные группы собственников, так сказать, "в чистом виде". Рабы Древнего Рима с полным правом могут быть отнесены к совершенно неимуществу и потому максимально эксплуатируемому классу, в то время как современный наемный рабочий при капитализме, являющийся собственником акций каких-то предприятий, хотя бы частично присваивает себе прибавочный труд таких же рабочих на этих предприятиях. Рабовладельцы Древнего Рима, являясь собственниками не только средств производства, но и самой рабочей силы в виде рабов, делились на патрициев и плебеев, причем первые являлись эксплуататорами в чистом виде, а вторые так или иначе участвовали в процессе производства. В чистом виде класс собственников капитала предстает перед нами в виде рантье, полностью живущих на доходы от капитала и не принимающих никакого участия в процессе производства.

Чем же это определение отличается от определения класса, данного Ульяновым?

Главным образом тем, что на первое место выдвигается чисто марксистское положение о первостепенной и принципиальной важности (для классового подхода и определения классовой принадлежности) отношения данной группы людей к средствам производства, в то время как у Ульянова на первом месте стоит "различие по месту в исторически определенной системе общественного производства" – признак совершенно неконкретный и расплывчатый.

Во-вторых, в нем отсутствуют слова "большие группы людей". Группа собственников средств производства может быть относительно небольшой (теоретически это может быть даже один человек) по сравнению с группой эксплуатируемых трудящихся, и тем не менее эта группа собственников является классом.

В-третьих, в Ульяновском определении классов свалены в одну кучу как различия, свойственные классам, так и различия, свойственные слоям и еще более мелким группам населения. При этом характерно, что "способы получения и размеры доли общественного богатства" связываются Ульяновым не прямо с правом собственности на средства производства, а с "ролью в общественной организации труда".

Можно предположить, что данное Ульяновым определение классов было не случайно именно таким, если учесть, что оно было дано им уже после Октября 1917 года. Оно несет в себе не столько научный, сколько практический, политический заряд, ибо, пользуясь столь туманным "определением", можно было произвольно относить целые группы населения к тем или иным "классам" и направлять против них оружие классовой борьбы пролетариата – класса, в чистом виде отделенного от средств производства. Это определение, в частности, позволяет не признавать классом очень малую группу людей, даже если в их руках сосредоточено фактическое право распоряжаться экономикой всей страны (ведь классы – это "большие группы людей"!)). Оно позволяет не признавать классом техническую интеллигенцию – очень большую группу людей с ярко выраженным отношением к средствам производства (полностью от них отделенную), занимающую вполне определенное место в системе общественного производства и играющую вполне определенную ярко выраженную роль в общественной организации труда (все по

Ульянову!) только на том основании, что представители этого класса заняли это место в "системе общественного производства", выйдя из слоев рабочих и крестьян.

Не говоря уже о том, что вопрос о происхождении класса в определении Ульянова вообще не затрагивается (и это правильно), это все равно, что не считать пролетариат классом на том основании, что он произошел из разорившихся ремесленников и вольноотпущенных крестьян.

В ЭРС интеллигенция действительно не является классом и по данному нами определению, но совершенно по другой причине.

Как часто указывается у Ульянова, речь идет об "антагонистических классах". В современной советской литературе часто говорят о "дружественных классах". При такой расплывчатости определений теряется вообще всякая классовая ориентация, и уже неизвестно, по какому признаку человека можно отнести к классу кулаков или середняков, и в чем разница между обществом "дружественных классов" и обществом бесклассовым.

Опережая ход изложения, можно сказать, что если это и дружественные классы, то это друзья по несчастью.

Итак, если трудящийся отделен от средств производства, он может выступать по отношению к ним как наемный рабочий только в том случае, если он обладает личной свободой, т.е. может работать или не работать по своему желанию, или свободно сменить хозяина. Он должен иметь право продавать свою рабочую силу во-первых, на рынке, а во-вторых, на время, а не навсегда (Маркс). Будучи обязанным работать и не имея возможности действительно продать свою рабочую силу (а продать ее он может только на рынке труда), он неизбежно превращается в раба (Маркс). Поскольку собственность в ЭРС имеет единственного хозяина – Политбюро ЦК, то рабочий, даже переходя с завода на завод, хозяина по-существу не меняет, а меняет только надсмотрщиков. Крестьянин же лишен даже и этой кажущейся свободы. Поэтому в ЭРС нет и не может быть действительной работы "по найму", нет наемных рабочих, **а все трудящиеся представляют собой один класс - класс РАБОВ**, т.е. людей, отделенных от средств производства формально и фактически, и обязанных заниматься трудом **ТОЛЬКО на предприятиях Хозяина**.

Детали, отличающие современных рабов от рабов Древнего Рима, большого значения не имеют. Эти детали связаны с возросшей со времен Древнего Рима производительностью труда более чем в тысячу раз и, в соответствии с этим, возросшим уровнем жизни раба. Но, с точки зрения классической политэкономии, рабовладельческое общество можно, оказывается, организовать на любой стадии развития человечества - достаточно создать вышеуказанные условия, а именно - 1) полностью отделить всех трудящихся от средств производства и 2) ввести всеобщую трудовую повинность, т.е. заставить всех работать в течение определенного отрезка времени. Отметим кстати, что при такой системе задача ликвидации безработицы решается раз и навсегда (навсегда в смысле до тех пор, пока такое государство не погибнет).

Учитывая это фундаментальное обстоятельство, можно понять, насколько нелепы разговоры о дружественных классах в ЭРС – рабочих и крестьян. Нет в СССР рабочего класса, как нет трудящихся по найму; нет в СССР класса крестьян – мелких сельскохозяйственных производителей. Нет даже класса пролетариев, ибо пролетарием называется свободный рабочий. Есть класс трудящихся, полностью отделенных от средств производства, не имеющих на них абсолютно никаких прав, но зато имеющих обязанность работать на них, т.е. класс РАБОВ.

И есть другой класс, крайне немногочисленный – их всего около двадцати человек – Политбюро ЦК КПСС – класс АРХИРАБОВЛАДЕЛЬЦЕВ. ("Архи" потому, что эти двадцать не представляют собой независимых рабовладельцев, а являются представителями сверхмонополизированного капитала, находящегося в их коллективном пользовании).

Это деление общества ЭРС на два класса нигде не встречается, даже в закрытой литературе. Даже те, кто это понимает, стараются избежать малейшего намека на это деление. Но от этого оно не исчезает в обществе. Оно не исчезнет и после того, как это, может быть, и будет в конце концов в той или иной форме признано; как не развалился Древний Рим только от того, что всем было известно, что это общество - рабовладельческое; как не развалилось от этого рабовладельческое общество в южных американских штатах. Для этого должны сработать экономические законы; и они сработают с неизбежностью законов природы, в этом можно быть уверенным.

"Решение всех этих крупных задач в области внутренней политики Партии будет означать заметное продвижение в однородности общества. Это великая цель, которую наметили в теории, о которой мечтали несколько поколений коммунистов, стала для нас сегодня вопросом непосредственной практики. Жизнь показывает, что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном, судя по всему, произойдет уже на этапе зрелого социализма".

(Ю. Андропов. "Правда", 16 июня 1983 г.)

Конечно, если забыть про наших 20 архирабовладельцев, то остальное общество действительно можно считать бесклассовым!

Система ЭРС - архирабовладельческая система

"Свобода марионетки не зависит от длины нитей"

Ю.Базылев

Из всего изложенного с очевидностью вытекает, что труд в ЭРС с неизбежностью принимает форму рабского труда. Трудящийся полностью отделен от средств производства, они ему не принадлежат ни прямо, ни косвенно, он даже не имеет возможности их приобрести, если у него есть "деньги", а имея их, не имеет права использовать как средства производства; доходы от его труда на предприятиях хозяина, каким бы квалифицированным ни был этот труд, не находятся практически ни в каком соответствии с количеством и качеством его труда.

То обстоятельство, что современные рабы лучше питаются, лучше одеты и пользуются кажущейся свободой выбора места работы в пределах одного города и прочими "свободами" – нисколько не меняет характера самого труда, а лишь подчеркивает разницу между рабами Древнего Рима (и плантаций юга США) и современными рабами ЭРС. Разница эта состоит в том, что рабы прошлых формаций находились в личной зависимости от различных рабовладельцев, рабы же в ЭРС находятся в зависимости от ОДНОГО хозяина – Политбюро и его Генерального секретаря.

В подавляющем большинстве случаев жизненное обеспечение, которое раб получает за свой труд, зависит не от количества и качества его труда, а от должности, которую он занимает в иерархии рабов, т.е. от того количества людей, которые ему подчиняются. Стоящие выше по иерархической лестнице не перестают от этого быть рабами, они лишь получают должности надсмотрщиков за другими такими же рабами.

В прежних формациях рабов покупали на рынке. Чем дороже платил хозяин за раба, тем больше он его ценил и кормил (при его послушании, конечно, если это был "хороший раб", см. "Хижину дяди Тома"). В ЭРС рабы самовоспроизводятся на одной большой плантации хозяина. Поэтому нет оснований одних кормить лучше, а других – хуже, все могут получать примерно одинаково. При расчете средств, необходимых для содержания раба, т.е. при расчете, какую величину жалованья ему выплачивать, принимаются в расчет только затраты физических сил, но никак не умственных, и тем более не стоимость производимого рабом продукта, так как последнюю никто не в состоянии учитывать при отсутствии рынка. Да и незачем... Кроме того, расчетом необходимых для существования раба средств занимаются такие же рабы, только стоящие более высоко на иерархической лестнице этого общества, и в соответствии с указаниями хозяина. Эти люди попадают "наверх" в силу своих специфических качеств характера; это способные, с одной стороны, только выполнять приказы, а с другой стороны – совершенно неспособные мыслить. Для этих людей труд есть нечто тяжелое и неприятное, и, по их мнению, чем тяжелее и неприятнее труд, независимо от создаваемой им стоимости, тем больше за него следует платить. Довольно примитивная логика, но если посмотреть с этой точки зрения, то объясняется вся система "заработной платы" в ЭРС.

Возможность для современного раба сменить место работы – только кажущаяся свобода, ибо он при этом не меняет хозяина, он как бы переходит работать с одного поля на другое под наблюдение другого надзирателя-раба. Но не работать раб не может: он и его семья просто погибнут через короткое время, если до этого момента им не заинтересуется милиция. Раб не может покинуть своего хозяина без специального разрешения, он не может выехать за границу его владений – за пределы страны.

Таким образом, форма, которую принимает труд в ЭРС типично рабская, только доведенная на современном уровне развития производительных сил до своей крайней формы; в масштабе страны 300 млн. Рабов (сегодня их уже осталось значительно меньше – прим. сост.) работают на одного хозяина в лице двадцати человек – членов Политбюро. Предельной же формой такого общества должна быть (по мысли его создателей) победа коммунистических идеалов в мировом масштабе, в масштабе всей планеты, всего человечества. И тогда этих рабов будет уже пять миллиардов!

(Интересно, что закон стоимости по своей природе, видимо, обратим. Вводя рабскую форму труда, вы автоматически отменяете действие закона стоимости в сфере производства через рынок. С другой стороны, отменяя действие этого закона в сфере обмена как следствие его отмены в сфере производства, то есть ликвидируя рынок, вы автоматически рано или поздно скатываетесь к рабской форме труда. Как говорится, жизнь заставляет.)

Эксплуатация труда

Если бы коммунистическая система была единственной на земном шаре (а именно такова мечта идеологов коммунизма), то ей было бы глубоко наплевать, быстро или медленно растет производительность труда и растет ли она вообще, хотя именно темп роста производительности труда является характеристикой любой экономической системы. Трудящиеся массы в условиях диктатуры не в состоянии ни критически оценить пути развития системы, ни практически воздействовать на ход ее развития. Поэтому даже небольшое улучшение жизни общества может быть представлено как крупнейшая победа, как это уже было с коллективизацией сельского хозяйства и много раз впоследствии – ведь сравнивать-то не с чем!

При наличии же капиталистического окружения, т.е. общественных систем, в которых закон стоимости проявляет себя совершенно свободно через рынок и является, самое главное, регулятором общественного производства, дело обстоит не так просто. В этих системах обеспечивается максимально возможный при данном уровне развития производительных сил темп роста производительности труда. Благодаря этому высокоразвитые страны имеют возможность тратить на вооружение (по абсолютной величине) огромные средства, в то же время составляющие относительно небольшую часть общественного дохода (см. таблицу федерального бюджета США в Части 1).

В результате гонки вооружений, начавшейся после Второй мировой войны, к моменту написания этой книги сложилось до некоторой степени равновесное военное противостояние по крайней мере в том смысле, что ни одна из стран - участниц возможной будущей войны не сможет выйти из нее без катастрофических для себя последствий. То

обстоятельство, что и нейтральные государства также пострадают от последствий ядерной войны в масштабах всего земного шара, вынуждает эти страны в своей политике примыкать к тому или иному военному лагерю. Однако для коммунистической системы дальнейшее продолжение гонки вооружений крайне невыгодно все по той же причине – из-за низких темпов роста производительности труда.

Необходимость технического прогресса в стране "развитого социализма" диктуется вовсе не действием закона стоимости, не конкуренцией в сфере производства и на рынках сбыта; она диктуется в первую и последнюю очередь необходимостью ее обороны. Пример Албании лучше всего показывает, что в конечном счете диктатура может примириться с самым минимальным ростом производительности труда, практически законсервировав производство на одном уровне и приведя промышленное производство в некоторое соответствие с сельскохозяйственным. При наличии сильной власти в стране "все будут довольны". Но это только в том случае, если стране не грозит внешнее нападение, если она, как сегодня Албания, окружена если не друзьями, то, по крайней мере, не врагами; и если она не вынашивает планов мирового господства, не пытается распространить свою политическую систему на весь остальной мир.

Если же государство опасается внешнего нападения или само помышляет о мировом господстве ("Победа коммунизма в мировом масштабе неизбежна!" – кому не знаком этот советский лозунг?), то оно должно, обязано развивать военную, а значит, в первую очередь – тяжелую промышленность. В условиях снижения темпа роста производительности труда это сопровождается отсосом трудоспособного населения из сельского хозяйства. Для того, чтобы скомпенсировать этот "отсос", достаточно поставлять в сельское хозяйство машины, заменяющие столько людей, сколько было отсосано. До тех пор, пока это возможно, возможен и отсос. Разумеется, при этом стоимость сельхозпродукции может непрерывно увеличиваться, и она должна увеличиваться, так как весь этот процесс хаотичен и не оптимизирован законом стоимости. В этих условиях единственной возможностью обеспечить необходимые темпы гонки вооружений является максимально высокая степень эксплуатации труда.

В высокоразвитом капиталистическом производстве весьма затруднительно выяснить среднюю степень эксплуатации труда. Возможно, поэтому в "Капитале" есть лишь одно место (стр.231), где Маркс, основываясь на данных "одного манчестерского фабриканта" (уж не Энгельса ли?), сообщает цифру около 100% на период 1860 г. Однако о средней по обществу норме эксплуатации можно судить по норме прибыли и темпам расширения производства; обычно и та, и другая величина составляют несколько процентов, а разница между ними - 2-3%. Эта последняя цифра, конечно, очень грубо и может считаться избытком прибавочной стоимости над расширением производства и, следовательно, степенью эксплуатации труда при капитализме в современных условиях.

Конечно, в абсолютных величинах это колоссальные деньги, и если они поступают в распоряжение относительно небольшого числа людей, это может показаться чудовищной несправедливостью. Правда, на эти деньги содержится целая индустрия роскоши и развлечений, существующая только для людей со сверхдоходами, и довольно заметная

часть служащих, в ней занятая, существует на эти деньги. Тем не менее все это укладывается в цифру 3%.

Сколько же, однако, таких людей со сверхдоходами? По американской статистике, в настоящее время в США имеется более 200 тыс. семей с капиталом более 1 млн. долл. С учетом числа членов семьи в среднем 5 чел., это составляет около 1-2 млн. чел., т.е. около 0.5 - 1% населения страны.

Следует иметь при этом в виду, что наличие капитала в 1 млн. долл. отнюдь не означает для его владельца возможности тратить этот миллион по своему усмотрению. Эти деньги вложены в промышленные предприятия и вовсе не являются наличными деньгами. Доход семьи с капиталом в 1 млн. долл. составляет от 3 до 5 % от суммы капитала, т.е. приблизительно так же, как если бы эти деньги лежали в банке (не будем вдаваться в более точные расчеты). Это составляет около 50 тыс. долларов в год, что по современным меркам составляет около двух годовых зарплат среднего инженера.

Возможно, во времена Маркса эти соотношения были иными (из "Капитала" это выяснить затруднительно). Однако только наличие прибавочной стоимости, этих нескольких процентов от общего национального продукта, заставляет еще более ничтожную часть населения бешеными темпами развивать и модернизировать производство, в каждом конкретном случае наилучшим возможным способом организуя применение на производстве материалов, оборудования и рабочей силы.

Если сегодня ликвидировать всех капиталистов, от самых крупных до самых мелких, и разделить их доходы, получаемые от эксплуатации чужого труда между всеми трудящимися пропорционально их зарплате, то доходы трудящихся увеличились бы не более, чем на 3-5%.

Основным принципом капиталистической системы является "свобода предпринимательства". Под этим подразумевается, конечно, не полная свобода любых действий, а равные для всех предпринимателей возможности производства и сбыта любой продукции в рамках государственной законности. Обеспечивают эти равные возможности целый ряд "буржуазных свобод" (в том числе и свобода печати, свобода выборов и т.п.), а также отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, что гарантирует возможность контроля за деятельностью всех капиталистов-производителей, в том числе и государственных предприятий. Любая статья доходов и расходов отдельных капиталистов и государственного аппарата внимательно контролируется взаимно независимыми организациями, в связи с чем отдельным предпринимателям трудно получить сколько-нибудь длительные преимущества за счет неизбежных в любом обществе махинаций, взяток и других незаконных действий. Сам Маркс обращал на это внимание в разделе о происхождении накопления, где указывал, что воровство и обман, конечно, возможны, но не на них стоит все буржуазное общество, не за их счет получается прибавочная стоимость. Буржуазное государство, созданное капиталистами для охраны интересов класса капиталистов в целом, обеспечивает свободу предпринимательства и контроль за соблюдением "правил игры". Поэтому доходы предпринимателей ограничиваются в законодательном порядке, и понятие "эксплуатация труда" в таком обществе практически

перестает нести смысловую нагрузку. Владельцы капитала, даже если они не принимают прямого участия в управлении производством, принимают решения об использовании капитала в том или ином направлении, рискуя, по существу, потерять капитал, если они ошибаются в своих решениях или проводимой ими экономической политике. И если общество допускает, чтобы они получали большие доходы, значит, это оправдано экономически.

Из вышеприведенных простейших соображений ясно, что в современных условиях то или иное положение трудящихся и страны в целом (страны, разумеется, независимой, продукты труда населения которой не вывозятся за бесценок в метрополию или за границу) определяются отнюдь не наличием эксплуататорской верхушки, как бы она ни называлась. Благосостояние страны и ее граждан зависит исключительно от уровня развития производительных сил и от соответствия степени этого развития производственным отношениям.

Производственные отношения на каждом этапе развития общества должны ни отставать от степени развития производительных сил, ни "опережать" это развитие. Как отставание, так и опережение в равной степени вредны и тормозят развитие производительных сил. Отставание производственных отношений приводит в соответствие новым производительным силам путем реформ или революционных преобразований. "Опережение" есть по существу введение принудительным порядком новых производственных отношений, не соответствующих имеющимся в наличии производственным силам. В некоторых условиях такой волюнтаризм может привести даже к гибели государства.

А вот в обществе, где "огосударствлены" (а по сути дела, присвоены правящей верхушкой) все средства производства, и где путем ликвидации рынка ликвидирован и обмен произведенными продуктами в соответствии с законом стоимости, где в связи с этим по необходимости господствует политическая система типа диктатуры, возможна любая степень эксплуатации труда. Поскольку политическая олигархия выступает как совокупный владелец средств производства, в руках которого сосредоточена как законодательная, так и исполнительная власть, а также вся система управления экономикой огромной страны, то она, эта олигархия, в условиях полной бесконтрольности имеет массу возможностей прямо или косвенно в той или иной форме присваивать значительную часть получаемой прибавочной стоимости. Имеющиеся данные и простейшие расчеты показывают, что в настоящее время степень эксплуатации труда в СССР составляет от 200 до 300%.

Действительно, средний оклад машинистки юридической конторы, непрерывно печатающей приносимые клиентами документы и в силу этого "сидящей на хозрасчете", составляет около 120 рублей, т.е. примерно 5 рублей в день. В то же время она должна сдать дневную выручку на сумму около 15 рублей. Норма эксплуатации

$$\frac{\text{Прибавочная стоимость}}{\text{Цена рабочей силы}} = \frac{15-5}{5} = 200\%$$

Заработок таксиста за 12-часовой рабочий день примерно равен 20 р. При этом он должен привезти в таксопарк выручку в размере около 60 р. Норма эксплуатации 200%. Неудивительно, что в такси большая текучесть кадров.

Средний заработок ведущего инженера составляет около 200 р. Если этот инженер арендуется другим предприятием, то предприятие-арендатор платит предприятию-хозяину инженера за это от 600 до 800 р. Вы об этом не знали? Норма эксплуатации: 200-300%.

Как нельзя лучше эту норму характеризует цена на "неликвиды", например, радиоприемники, телевизоры, имеющие различные, часто пустяковые дефекты и потому выпускаемые в продажу населению по цене 30% от номинальной. Государство пытается вернуть себе таким образом хотя бы себестоимость этой бракованной продукции. Отсюда видно, что при продаже населению продукции по установленным ценам обеспечивается прибыль около 230%.

Все эти средства поступают в распоряжение "пролетарского государства", и из них формируется госбюджет. Характерно, однако, что в газетах публикуются только статьи расходов госбюджета, но не статьи и размеры доходов. Это и понятно, в этом случае каждый легко мог бы подсчитать и норму эксплуатации труда, и степень расхищения общественных богатств за счет продажи сырья за границу.

Оплата труда

Итак, отделение трудящихся от средств производства в сочетании с принудительным, обязательным для всех членов общества трудом при сосредоточении права на средства производства в руках одного хозяина приводят к тому, что этот труд принимает форму не наемного, а рабского труда. По мере того, как производитель в сельском хозяйстве все более отделялся от средств производства, общество все более четко разделялось на рабов и рабовладельцев.

После того, как в масштабе страны было создано колхозное производство сельскохозяйственной продукции, рынок практически перестал существовать. Проблемы, над решением которых большевики бились десять лет после революции, а именно – твердый курс червонца, попытки наладить нормальный товарообмен между городом и деревней, государственные закупки зерна и т.п. – все эти проблемы одним махом были ликвидированы вместе с ликвидацией кулачества как класса, с ликвидацией класса независимых производителей. Эти проблемы перестали существовать, ибо исчез рынок, через который закон стоимости диктовал свои условия правящей партии, нарушившей нормальный ход исторического процесса. Теперь не нужно было беспокоиться, купит ли крестьянин серп и отдаст ли за него нужное рабочему количество продуктов. Колхозы были ОБЯЗАНЫ поставлять государству определенное количество сельхозпродуктов, а

государство ПО МЕРЕ ВОЗМОЖНОСТИ поставляло колхозам средства производства централизованно, через специальные государственные организации, на различных этапах называвшиеся по разному и выполнявшие различные функции.

На ранних этапах, когда техники было мало, существовали МТС - машинно-тракторные станции, обслуживавшие несколько колхозов; при этом сама техника собственностью колхозов не являлась. В дальнейшем, когда выпуск сельскохозяйственной продукции возрос, появились технические кадры в колхозах и одновременно выяснилась низкая заинтересованность МТС в количестве и качестве выпускаемой колхозами продукции, то для более эффективного использования техники было признано целесообразным "продавать" ее колхозам. Но в любом случае колхозы должны были "покупать" либо технику, либо услуги по ее использованию по тем ценам, которые диктовало государство. А оно диктовало именно те цены, которые обеспечивали рентабельность производства и эксплуатации сельскохозяйственных машин, начиная от серпов и кончая комбайнами, каких бы затрат это производство ни стоило. Грабеж крестьянства принял более изощренную форму, но от этого он не перестал быть грабежом. Не случайно поэтому, начиная с 1930-31 гг вышеупомянутые вопросы о курсе рубля, о смычке, торговле с селом и т.п. уже не обсуждаются в резолюциях ЦК – они стали бессмысленными в условиях отсутствия рынка, они исчезли вместе с рынком. Цены теперь диктуются централизованно, и задачей государственной машины становится извлечение максимальной прибыли из труда рабов.

Вознаграждение за труд, получаемое трудящимися в ЭРС, это, конечно, не заработная плата в том классическом смысле, который вкладывали в это понятие прежние экономисты. Заработная плата – это переменный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы на рынке труда; поэтому величина этого капитала зависит от цены рабочей силы, отражающей величину стоимости рабочей силы, сумму затрат на ее воспроизводство. Только в этом случае переменный капитал (и только он) принимает форму заработной платы.

Но в системе ЭРС нет рынка рабочей силы, рабочая сила не является товаром, как и любой другой продукт общественного производства. С момента производства любого продукта он принадлежит собственнику средств производства. В ЭРС он принадлежит Политбюро ЦК. С того момента, как рабочая сила произведена, то есть ребенок достиг совершеннолетия и получил образование, с этого момента его рабочая сила также принадлежит тому, кто затратил средства на ее производство, она принадлежит Политбюро. Она не поступает на рынок труда. Поэтому стоимость рабочей силы определить невозможно.

Как и любой другой продукт, рабочая сила производится самими трудящимися, только на дому и за свой счет. Участие архирабовладельца в этом процессе проявляется в виде бесплатного обучения и бесплатного медицинского обслуживания, а также частичного содержания детских садов и ясель. Общая сумма этих расходов составляет до 30% затрат на содержание рабочей силы в среднем по стране (именно эту цифру имеют в виду, когда говорят, что советский человек получает до 30% доходов из общественных фондов потребления). Таким образом, 70% расходов на воспитание и подготовку к производственной деятельности новых рабов берут на себя сами трудящиеся.

Для воспроизводства рабочей силы в ЭРС, как и в любой другой формации, необходимо израсходовать определенное количество общественного продукта. Но в ЭРС эти продукты не принимают форму товаров, а распределяются сетью государственных магазинов (тоже принадлежащих архирабовладельцам) в соответствии с теми или иными на данный момент установленными нормами (по карточкам; в порядке очереди; больше полкило сыра в одни руки не отпускается; больше двух пачек соды не давайте! и т.д.). Эти нормы устанавливаются либо организованно, либо стихийно, исходя не из действительных потребностей каждого человека, а из наличия или дефицита тех или иных продуктов. Поэтому правильнее говорить не о стоимости рабочей силы в ЭРС, а о цене ее производства или цене содержания.

Какова же цена содержания рабочей силы в ЭРС, иными словами, как оплачивается труд при социализме?

Кажется, что, по справедливости, оплата труда должна соответствовать его количеству и качеству. В тех случаях, когда оплата труда принимает форму заработной платы, так оно приблизительно и есть. Там, где рабочая сила является товаром, ее цена определяется спросом и предложением, ее величину регулирует закон стоимости через рынок труда. Заработная плата соответствует количеству и качеству труда тогда, когда этот труд может быть измерен, когда существует рынок. Нет рынка, нет и измерительного инструмента. И вместо заработной платы в ЭРС появляется "оклад жалованья" или "ставка". Но ни у одного классика политэкономии вы не найдете утверждения, что оклад должен соответствовать труду. Оклад всегда соответствует только должности, а это совсем не одно и то же. (По определению Ульянова – в соответствии с ролью в общественном производстве!)

При рыночной системе, например, увеличение количества инженеров сверх потребностей неизбежно приводит к снижению заработной платы, так как предложение этой рабочей силы будет превышать спрос.

В ЭРС перепроизводство инженеров не приводит к уменьшению их оклада по сравнению с другими профессиями; этот оклад уже некуда уменьшать. При одновременном сильнейшем дефиците рабочих рук инженер не имеет права занять рабочую должность, какие бы убытки от нехватки рабочих ни терпело данное производство, и сколько бы при этом бездельников на инженерных должностях ни курило в коридорах. Директор, "хозяин производства", не может это сделать своей властью. Архирабовладельцы затратили определенные средства на подготовку инженера, и не желают, чтобы эти средства пропали зря, если инженер будет работать рабочим. Вопрос об использовании таких инженеров в такой ситуации может быть решен только на уровне ЦК, на уровне архирабовладельцев. Но ни один из нижестоящих высокопоставленных рабов никогда не доведет по собственной воле эту ситуацию с рабочей силой в виде безработных инженеров до архирабовладельца. Они предпочитают закрывать глаза на факты растраниживания рабочей силы, рабочего времени инженерами, прикрываясь различного рода отчетами "о мерах по повышению производительности труда инженерно-технического состава".

"Талант, добросовестность, сложность работы, риск, связанный с ней и ее общественная значимость и полезность – все это никакого отношения не имеет к зарплате..." (Лит.Газета, 1.7.81).

Так, труд испытателей автомобилей, связанный со смертельным ежедневным риском и колоссальными физическими нагрузками, оплачивается почти вдвое хуже, чем труд водителя грузовика. На примере ювелирного дела, где действует "уровнировка" в оплате труда, "Литгазета" показывает, как высокое мастерство становится помехой высокому заработку, ибо неважно, что именно человек делает, простое или сложное. Поэтому молодежь не заинтересована в обучении: чем меньше разряд, тем меньше план, тем легче его перевыполнить и получить побольше премию.

"Проще работа - больше заработок. Халтура оплачивается выше произведения искусства" (Литгазета,#27,1981).

Массовые профессии – врачи, учителя. И здесь - то же явление: они получают надбавки к зарплате в зависимости от стажа, но не от качества работы, и не от того, что работа стала сложнее.

"Все знают, кто и как работает. И начальники наши видят, и понимают, кто чего стоит. Но они не могут управлять с помощью зарплаты. Регламентировано штатное расписание, а в пределах этого расписания – и зарплата. И мы, рядовые работники, это знаем; замечательно мы будем делать свое дело или средне, а цена нам будет одна, разница в лучшем случае – в десятке-двадцатке".

"От каждого - по способностям, каждому - по труду!" - как прекрасно, как верно это сказано! Но КАК от каждого взять то, на что он способен, и КАК отдать ему то, чего он стоит в глазах общества? Вот ведь вопрос, от ответа на который напрямую зависит прогресс общества, темпы этого прогресса". ("ЛГ",#27,1981)

Внимательный читатель уже сам, вероятно, видит ответ на этот сакраментальный вопрос, уже многократно обсужденный ранее.

Труд в ЭРС имеет форму рабского труда. Трудящийся в ЭРС ничем не отличается от раба Древнего Рима, работавшего за похлебку, только похлебка эта погуще (да и то не всегда), а суть дела та же самая – всем поровну независимо от количества и качества труда, от его квалификации. Здоровый физически раб обязательно больше наворочает, чем больной или слабый, но едят они примерно одинаково, в лучшем случае здоровый съест на десятку больше. И потребности у них примерно одинаковые – раз в неделю кино, раз в день – бутылка водки. Хозяину безразлично, какая профессия у раба – каменотес он или врач. И тот, и другой едят и пьют одинаково, каменотес даже больше, так как он тратит больше физических сил. То обстоятельство, что на воспитание и выучку врача или любого другого специалиста нужно затратить значительные средства, рассматривается нашим рабовладельцем лишь как досадное обстоятельство, но уж никак не основание для того, чтобы платить ему побольше; скорее он сдерет с него повышенную прибавочную стоимость, чтобы как-то скомпенсировать свои расходы, да еще будет мотивировать это

"низким коэффициентом полезного действия" молодых специалистов в течение нескольких лет их работы после окончания ВУЗа.

В этом свете становится ясно, насколько не разбирается в политэкономии социализма некий инженер, приславший в "Литгазету" (#7,1982) следующее письмо:

"Просто насмешкой выглядят объявления в автобусах, приглашающие учиться на водителя и обещающие уже через три месяца зарплату 250 рублей и даже выше. Во всяком случае, насмешкой для инженеров. Такую же зарплату получают лишь некоторые высококлассные специалисты!"

Это тот же случай, что и с каменотесом и врачом. Один из известных инженеров сказал однажды в компании таких же специалистов: "Я не думаю, что хотя бы один из здесь присутствующих смог бы работать водителем автобуса, особенно двойного; слишком велика физическая и психическая нагрузка!" И водителям двойных автобусов платят 400 рублей. Ибо не находится желающих работать там за 150 и даже за 300 р.

Что касается меня, то я, в свою очередь, не думаю, что хотя бы один водитель двойного и даже обычного автобуса смог бы работать на инженерной должности. Однако желающие работать инженером за 150 и 170 рублей просто из интереса к профессии находятся и, по-видимому, еще долго будут находиться.

"Изменения в зарплате отдельных профессий никогда не были связаны с существом выполняемой работы, а направлены были главным образом на то, чтобы привлечь работников в ту или иную сферу, либо удержать их там, где они работают: так было с врачами и учителями, когда им повысили зарплату, так было с водителями автотранспорта и вообще городского транспорта, так было с многими. Теперь обостряется ситуация с конструкторами и технологами... И не последнюю роль тут играет зарплата" ("ЛГ", #27, 1981).

Вот и ответ на вопрос обиженного насмешкой инженера. Конечно, товарищ инженер, над вами издеваются, но издеваются не злые дяди, а сама экономическая система социализма.

Труд имеет рабскую форму, поэтому его оплата не может принять форму заработной платы, это название – постоянно изживаемый ходячий предрассудок; он может оплачиваться в форме "оклада жалованья", "денежного содержания" (как в армии), но никак не в форме зарплаты. Поэтому ясен и ответ на вопрос: как от каждого взять по способностям, и как каждому отдать по труду. Сделать это можно только при наличии инструмента, измеряющего не просто даже количество и качество труда с абсолютной точностью, а труда общественно-необходимого, затраченного в общественно-полезной форме (а именно он и должен быть по справедливости оплачен), заключенного в произведенном продукте. Этот инструмент – рынок, другого инструмента человечество за многие тысячелетия не придумало. Но именно этот путь и является табу – запретной темой, жупелом для наших "экономистов"; им с детских лет внушили, что рынок и анархия производства – синонимы. Как ясно из предыдущего, одно к другому имеет весьма слабое отношение.

Те, которые не понимают, "почему на одной и той же должности один не может заработать 150 р., а другой аж 400!" (А.Козлович, "ЛГ", 21 окт. 1981) действительно ничего не понимают в политэкономии. Но они в ней и не специалисты, они подходят к открывающимся им фактам только со своим "здравым смыслом" журналиста, без экономического анализа и знания дела. А вот что говорят знающие люди, А.Павлов и Е.Гавриленко, преподаватели политэкономии (!) из Томска ("ЛГ", 17.3.82):

"Отсутствие возможности эффективного контроля за зарплатой со стороны работника и коллектива(!) (а как же с бригадным подрядом, а?) вынуждает государство осуществлять этот контроль посредством введения жесткой системы оплаты, что порождает уравнильность, так как "сверху" все различия конечного продукта учесть невозможно. Но такая уравнильность, пожалуй, все же предпочтительнее, чем неоправданный (?) рост денежных доходов посредством их дифференциации, способный вызвать социальную напряженность (вот оно - опасность создания низкооплачиваемых и безработных слоев населения, что ли?). Поэтому уравниловка представляется нам хотя и более распространенным, но меньшим злом".

А вот что говорит компетентный человек, управляющий трестом:

"Мы, откровенно говоря, платим сегодня не за реальный вклад работника в общее дело, а за что-то совсем иное. Из наших разговоров исчезает вопрос: "Сколько заработал?", его заменяет другой: "Сколько закрыли?", то есть на какую сумму оформлен рабочий наряд. Существует минимум, для каждой профессии – свой, ниже которого наряды не закрывают, как бы плохо человек не работал (это как раз и есть цена содержания рабочей силы – прим. авт.). За что же мы платим? Прежде всего, за самый факт выхода на работу, за восьмерку в табеле, то есть за 8-часовой рабочий день. Подсчитано, что при нынешнем минимуме зарплаты "восьмерка" – это около 100 рублей в месяц.

За что еще платим? За разряд, за стаж, т.е. за предполагаемую способность работать на определенном уровне. Хотя на деле эта способность может не реализоваться. Что же остается собственно за работу?" ("ЛГ". "Ювелиры и каменщики").

Казалось бы, все ясно, и этой цитатой, полностью подтверждающей наши выводы, можно было бы и закончить раздел о рабском вознаграждении за рабский труд. Но в головах у многих бытует представление, что существующая система оплаты кем-то и когда-то создана, и достаточно ее изменить (перейти на хозрасчет, бригадную форму подряда или еще что-нибудь), чтобы все стало на свое место. Нужно только всем хорошенько подумать, собрать рациональные предложения и выработать новую систему оплаты труда.

Дело обстоит совсем наоборот – система оплаты труда автоматически пришла в соответствие с общими законами экономики. В условиях отсутствия рынка невозможно определить ни стоимость создаваемого рабочей силой продукта, ни стоимость самой этой рабочей силы. А это значит, что оплатить труд по создаваемой этим трудом стоимости невозможно.

Да и не нужно - труд-то ведь рабский!

Блестяще зарекомендовал себя хозрасчет, а затем и "щекинский метод". Где он? Через 15 лет после первого опыта по щекинскому методу работают всего 6% предприятий отрасли. Теперь калужский турбинный завод предлагает новую систему – "бригадный подряд". Ответственность за зарплату с плеч мастера перекладывается на плечи коллектива, а по существу на плечи бригадира. Но разве кто-нибудь из этих троих способен определить стоимость произведенной продукции, или, тем более, стоимость рабочей силы? И еще будут десятки способов и лозунгов, методов и починов – кроме одного, единственного, обеспечивающего оплату по труду, оплату рабочей силы по стоимости, кроме рыночной системы хозяйства.

Находится, однако, достаточно большое число людей, считающих, что относительно низкие оклады испытателей автомобилей, например, оправданы... интересом к своей профессии. В одном из номеров журнала "Журналист" появилась однажды статья, в которой диплом кандидата наук приравнялся по значимости к водительским правам, так как якобы оба эти документа не что иное, как свидетельства того, что их обладатель способен выполнять ту или иную более или менее сложную работу. Но это отнюдь не основание, считает автор статьи, чтобы кандидату наук выплачивать надбавку к окладу.

Все эти люди правы только в одном, что получив такой документ, человек не обязательно выполняет или будет выполнять сложную и квалифицированную работу, за которую ему только и следует платить зарплату. Но они принимают следствие за причину. Исходя из того, что испытателям платят мало, они пытаются оправдать это с моральных позиций. А все дело в том, что в силу небольшой потребности в испытателях и привлекательности этой и ей подобных профессий находится достаточное число энтузиастов, поэтому и есть возможность не поднимать им ставки. Водителей же автобусов и грузовиков в массе своей систематически не хватает, эта профессия – массовая, поэтому оклад им увеличивается и будет увеличиваться и впредь.

До тех пор, пока высококвалифицированных специалистов нехватает, никому и в голову не приходят объяснения типа приведенных из "Журналиста". Профессия считается "престижной". В 40-х годах оклад инженера вдвое превышал оклад рабочего и это не вызывало никакой "социальной напряженности". Однако вышеупомянутые процессы, связанные с постоянным снижением темпа роста производительности труда, и однозначно связанный с этим снижением непрерывно увеличивающийся дефицит сравнительно малоквалифицированной рабочей силы, привели к существующему обратному положению. Теперь уже рабочий получает вдвое больше инженера. Процесс ухудшения качества подготовки инженеров начался не вчера, а продолжается уже несколько десятилетий.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что так называемые "старые инженеры" - это были действительно инженеры, а теперь – что такое инженер, что он знает и умеет? На уровне прежних техников, в лучшем случае. Профессия инженера потеряла престиж не из-за того, что его зарплата не выросла; здесь опять многие принимают следствие за причину. Причина все та же – невозможность определить стоимость произведенного продукта, а потому и стоимость, созданную трудом, в частности – трудом инженера. В течение многих десятков

лет от инженеров (в массе своей; мы не берем отдельных талантливых людей, они были и будут) требовалось не столько каждодневное решение технических задач (а только при этом формируется инженерное мышление и квалификация), сколько овладение определенным объемом знаний, способов, приемов, данных и т.п., а это далеко не одно и то же. Сегодняшний инженер знает достаточно, чтобы сдать любой экзамен на "знание" квалифицированной комиссии. Но он не инженер в классическом понимании этого слова, он, по существу, техник, ибо он не может решать задачи.

Вследствие отсутствия рынка, с одной стороны появляется возможность проектировать машины первого попавшегося технического решения. Ведь конкуренции нет, возьмут любую машину, так как нет других. Объективного стимула к поиску наилучшего со всех точек зрения решения, в том числе и с экономической точки зрения, не существует. Хорошо ли спроектирована машина или плохо, этого никто никогда не узнает. Принцип "А вы встаньте на мое место!" работает не только у продавцов в магазинах, а на любом месте в производстве. Да инженер и не может проектировать машину с учетом ее экономических характеристик – их тоже невозможно определить при отсутствии рынка. Поэтому машины проектируются далеко не оптимально и не с оптимальными характеристиками. Производительность таких вновь спроектированных машин с учетом всех факторов их эксплуатации (вспомним пример с экскаваторами) ниже, чем та, которая могла бы быть при данном уровне технического развития общества, если бы они были спроектированы наилучшим образом, как это было бы на самом деле при наличии конкуренции. Это и означает на языке политэкономии, что общественно-необходимые затраты труда на их производство, проектирование и эксплуатацию меньше, чем реальные. Это означает далее, что при их эксплуатации на производстве эти машины, будучи менее производительны, чем могли бы быть, потребуют затрат труда и материалов на производство продукции больших, чем общественно-необходимые. Это все равно, как если бы мы работали на менее производительном оборудовании, чем на других предприятиях. Но в ЭРС нет рынка, и нельзя определить, выпущена ли данная продукция с минимально возможными или большими, чем это необходимо, затратами труда и материалов. Поэтому до определенного момента этот процесс снижения производительности труда остается скрытым от глаз производителей.

Но, раз производительность машинного парка ниже требуемой по плану, это, в свою очередь, требует большего числа рабочих, чем предусмотрено планом. Во-первых, требуется больше этих машин. Поэтому увеличивается число рабочих, их производящих. Во-вторых, увеличивается число людей, работающих на этом парке машин. В-третьих, так как квалификация инженеров все время снижается, самих инженеров требуется все больше и больше. В-четвертых, возникает определенное количество достаточно сложных машин, сконструированных столь неоптимально, что для работы на них или для их обслуживания требуются специалисты более высокой квалификации, чем простые рабочие, а именно – техники и даже инженеры.

Поэтому в ЭРС до последнего времени наблюдался непрерывный рост числа специалистов – инженеров и техников. По-видимому, рабочих нехватало все же в большей степени, чем техников, а техников – в большей степени, чем инженеров. Поэтому оклады рабочим увеличивались, а оклады инженеров оставались на прежнем уровне. Наконец, наступил

момент, когда относительный уровень окладов инженеров упал настолько, что профессия потеряла свою "престижность". Объективно это правильно, ибо огромная масса инженеров выполняет чисто техническую работу или занята не своим делом, и потому по справедливости получает оклады ниже квалифицированного рабочего. Дело не в том, что администрация не может организовать труд инженеров (хотя часто и это бывает), придав им достаточное количество техников, а в том, что эти инженеры в массе своей и не могут выполнять работу инженера.

Политика "регулирования" притока кадров в те или иные отрасли с помощью повышения окладов жалования при наличии дефицита кадров не может привести к желаемому результату, ибо приток кадров в одну профессию сопровождается отсосом кадров из других профессий или сфер производства. Через некоторое время после повышения окладов водителям оказывается, что нехватает рабочих рук другой профессии, скажем, токарей. Разве снижается зарплата водителей? Нет, повышаются ставки токарям. И так далее. "Искусство" маневрирования фондом заработной платы в стране состоит в том, чтобы "затыкать дыры" в нужном месте, чтобы прирост материального благосостояния, прирост части национального дохода, предназначенной для потребления, направлять в те профессии, дефицит которых наиболее острый.

Как уже отмечалось, и как теперь становится яснее, этот процесс очень похож на предкризисную ситуацию в рыночной системе; в обоих случаях за счет повышения зарплаты увеличивается стоимость продукции. Но только в рыночной системе этот процесс очень быстро развивается, перерастая в кризис (из-за падения конкурентоспособности товаров, выпущенных предприятиями, на которых зарплата повышена), а в системе ЭРС этот процесс приводит к непрерывному росту оптовых, а за ними и розничных цен на продукты, но не к разорению предприятий, выпускающих эти продукты.

Поскольку запланированное ранее количество продукции выпускается теперь с большими материальными и трудовыми затратами из-за снижения производительности труда инженеров, техников и рабочих, а зарплата в среднем растет, то возникает необходимость увеличения цен практически на все продукты или пропорциональное снижение их качества. Это и есть инфляция при социализме.

Из всего изложенного становится ясной бессмысленность воплей о сравнительно низкой оплате труда высококвалифицированных специалистов-инженеров и научных работников. Эти вопли – лишь отражение старых, классических стоимостных представлений, почерпнутых из некритического чтения "Капитала" Маркса (якобы сложный труд есть умноженный простой труд), и перенесенных безо всяких на то оснований на почву действительности ЭРС, в систему, где закон стоимости не может проявить себя через рынок, которого нет.

Да, действительно, высококвалифицированный труд – наиболее интересный и привлекательный. Но именно этот интерес, эта привлекательность, жажда знаний, крепко сидящая в природе человека, и приводит к тому, что независимо от общественной потребности в высококвалифицированных специалистах очень большое количество людей стремится к этим профессиям, что и создавало до последнего времени возможность

правлящему классу не повышать им оклады жалованья, тем самым эксплуатируя лучшие человеческие стремления.

Рабы! Вы сами создаете условия, при которых ваша лучшая по интеллекту часть оплачивается хуже всего, эксплуатируется больше всего, и даже не понимаете, почему Система издевается над вами!

Такое положение вещей возможно лишь при достаточно длительном, постоянном дефиците рабочей силы. Встречающиеся в печати утверждения, что, мол, дефицит рабочей силы возник только в последнее время, мягко говоря, не соответствует действительности.

Дефицит рабочей силы возникает в ту секунду, как последний безработный получил работу. Это произошло в СССР в начале 30-х годов в результате начавшегося опережающего роста тяжелой индустрии и средств производства ("группа А"). С этого момента и начинается эпоха дефицита различных продуктов, но постоянно и в первую очередь – дефицита рабочей силы.

Нужно отметить, что это произошло как раз в период начала коллективизации, т.е. в тот момент, до наступления которого производительность труда в промышленности не выросла еще до такой степени, что мог быть налажен эквивалентный товарообмен, а после которого производительность труда могла только снижаться.

За счет чего же получены такие впечатляющие достижения советской власти? Ответ простой - за счет увеличения числа работающих и интенсификации их труда, а также, до 1953 года, за счет использования практически дарового труда более чем 10 миллионов политзаключенных.

Верно только то, что до последнего времени этот дефицит не ощущался столь остро, ибо происходил "отсос" женщин из семьи на производство, работающих женщин становилось все больше, хотя, объективно говоря, использование женского труда в целом ряде отраслей науки, техники и народного хозяйства не очень эффективно, а повышение их процента как научно-инженерных кадров в массе ведет к снижению уровня разработок и эффективности исследований. Этот процесс мог происходить только за счет создания большого числа детских учреждений: садов, ясель, групп продленного дня в школах. Теперь хотят разрешить работу женщин на дому на полставки и, по-видимому, в конце концов разрешат. Но стоимость такого "высасывания" рабочей силы из населения должна быть, по-видимому, достаточно высокой, а коэффициент ее полезного действия с учетом специфики женской рабочей силы должен быть достаточно низким.

Казалось бы, нет разницы в этом отношении между системой ЭРС и рыночной экономикой. В обоих случаях при возникновении потребности в какой-либо профессии зарплата может быть повышена, и находятся рабочие руки. Но, во-первых, при рыночной системе зарплата повышается далеко не всегда – ведь существует армия безработных; в целом ряде случаев достаточно создать новые места, чтобы нашлись рабочие руки. Во-вторых, существуют границы повышения зарплат, ибо это прямо сказывается на стоимости продукции. Наконец, в-третьих, даже если такое повышение зарплат и состоялось, оно не приводит

по необходимости к повышению зарплаты в других отраслях, так как оттуда рабочая сила не отсосалась.

О снижении уровня инженерных разработок свидетельствует необузданный рост числа рацпредложений. Правильно, технически грамотно спроектированная машина может быть усовершенствована рабочим лишь в исключительно редких случаях и только в мелочах. Крупные же улучшения (а рацпредложения часто дают очень большую экономию) возможны лишь в том случае, если инженер-проектировщик сравнительно недалеко ушел по уровню и сообразительности от квалифицированного рабочего. Так оно, видно, и есть на самом деле.

Личная зависимость трудящихся от руководителей - основной принцип общественных отношений в ЭРС

В результате полного отделения непосредственных производителей от средств производства и перехода этих средств в собственность единого хозяина, в результате ликвидации рынка, в том числе и рынка рабочей силы и замены наемного труда трудом обязательным, принудительным для всех членов общества, в том числе и подавляющего большинства женщин, труд в ЭРС принял форму РАБСКОГО труда, каким бы диким ни казался с первого взгляда такой вывод.

Как следствие, отношения между людьми должны были принять по необходимости характер личной зависимости, хотя формы такой зависимости могут быть самыми разными.

Наиболее резко эта личная зависимость проявляется в тех случаях, когда отдельный человек пытается покинуть страну, и тем самым выйти из сферы влияния "Хозяина" (Политбюро ЦК), выйти из-под гнета его эксплуатации. Разрешение на выезд из страны дается только в тех случаях, когда Политбюро видит прямую политическую или экономическую выгоду от этого. Так было при Брежневеве до Афганистана, когда улучшение политических и торговых отношений с Америкой было связано с возможностью выезда из СССР. Так было в Румынии, пока ей нужен был статус наибольшего благоприятствования в торговле с США; так стало в той же Румынии, когда после потери этого статуса она потребовала от выезжающих из страны компенсации расходов государства на образование, причем в твердой валюте. По-существу дела это представляет собой работоторговлю на мировом рынке.

Отношения личной зависимости в большей или меньшей степени господствуют на всех уровнях общественных отношений.

До недавнего времени сельскохозяйственное население ближе всего находилось по своему положению к рабам, так как не имело вообще никакой свободы передвижения по стране даже по формальным причинам – крестьянам не выдавали паспортов на руки, а без этого у нас сами знаете... Человек, не имеющий свободы передвижения, ближе всего стоит к рабу, прикованному цепью к жерновам, которые он вращает. Не имея возможности убежать не только от своего хозяина, но даже от надсмотрщика, он становится рабом последнего независимо от места и времени происхождения, и независимо от того, какое знамя висит на

бараке, где он ночует. Порвав свои цепи, фактические или формальные, и убежав от надсмотрщика, он не становится от этого свободным человеком, а становится лишь беглым рабом, рабом вне закона. Никто не имеет права дать ему работу и жилье, не навлекая на себя преследования Хозяина.

Изменение системы паспортного учета (ныне колхозники имеют паспорта на руках) ничего не изменило в их статусе рабов, ибо для того, чтобы покинуть колхоз и перебраться в другое место, необходимо предоставить надсмотрщику достаточно убедительные для того обоснования. Само собой понятно, что при отсутствии свободы передвижения провозглашение всех остальных свобод и прав – чистейшая демагогия, ибо нет никаких реальных возможностей для их осуществления, и все упирается в произвол местных властей.

Нужно сказать, что до войны и в городах-то переход с работы на работу был крайне затруднен. В дальнейшем ослабление закрепления людей на рабочих местах в городах было вызвано отнюдь не "демократизацией" общества, а настоятельной необходимостью "перекачки" кадров на вновь создаваемые в большом количестве предприятия новых отраслей промышленности.

Поскольку СТОИМОСТЬ произведенного продукта практически не может быть измерена, и поскольку, как следствие, никто и не занимается этим пустым делом, то деловые качества трудящегося, будь он рабочий или ученый, отходят на второй план. На первый же план выдвигаются его способности как ФУНКЦИОНЕРА (обычно называемые "организаторскими" способностями), т.е. как человека, готового подчиниться и способного требовать такого же подчинения от нижестоящих; человека, готового выполнять любые распоряжения "сверху" по принципу: "Им там наверху виднее". Примеры этого может привести любой человек, достаточно долго проработавший в народном хозяйстве. Наиболее четко это выразил Л.Брежнев в книге "Целина", когда сказал: "Пора нам уже начать подбирать руководителей по деловым качествам, а не по принципу личной преданности!"

"Подчиняйся беспрекословно и станешь начальником!" Этот парадоксальный принцип, безотказно работающий в обществе рабов, легко усваивается людьми вполне определенного склада ума и характера. Его усвоению способствует мощная пропагандистская машина, призванная убедить членов общества в единственно рациональном, правильном, справедливом его устройстве и, тем самым, оправдать систему беспрекословного подчинения – ведь все же кругом нас делается во имя и на благо человека!

Отсюда с необходимостью вытекает принцип "Начальник всегда прав", отсюда же исходит желание, ставши любимым, маленьким или большим начальником, окружать себя не умными, а "верными" людьми, способными только подчиняться, на фоне которых сам начальник выглядел бы наиболее достойным; отсюда же проистекают и все остальные признаки и свойства ПСИХОЛОГИИ РАБА.

Конечно, у такой системы и связанной с ней психологией есть и недостатки, кстати – хорошо известные самим носителям этой психологии.

Во-первых, если благосостояние перестает зависеть от результатов труда, пышным цветом расцветает коррупция, взяточничество в самых изощренных формах, а также система "блата". Эти явления всегда имели место в любом обществе в тех случаях, когда решение того или иного вопроса зависит в большей степени от личности и желания данного чиновника, чем от объективных условий и, в меньшей степени, от существа и важности дела. Однако, только в архирабовладельческом обществе создаются особые, наиболее благоприятные условия для коррупции, подкупа, взяточничества, ибо непосредственно действие закона стоимости исключено, а его действие путем снижения темпа роста производительности труда в среднем по обществу отсрочено на многие годы и обезличено. Поскольку производство и распределение регулируются не общественными законами, а указаниями конкретных людей, то имеется возможность путем изощренного подкупа этих людей направить их действия в нужную для дающего взятку сторону. Так возникает система "блата", название которой уходит корнями в уголовный, "блатной" жаргон. "Блатной", то есть "свой" человек, всегда готов оказать вам услугу, если видит возможность получить услугу от вас. В условиях избытка денежных знаков при дефиците продуктов проблема повышения благосостояния отдельного человека заключается не в том, что не на что купить, а в том, что трудно "достать". Под словом "достать" как раз и скрывается понятие "получить услугу "по блату", т.е. минуя всякую очередность, символизирующую всеобщее равенство в ЭРС. "По блату" в ЭРС делается теперь практически все, начиная от покупки модных туфель и операции аппендицита и кончая поставками леса эшелонами в безлесные районы страны (Литгазета,10.3.82,"Мотыльки"). Это не исключает необходимости платить наличными, но услуга дороже денег, ибо без нее деньги вообще не могут функционировать как средство платежа, не могут вступить в оборот.

Поскольку на руководящие должности назначаются только члены партии, то практически все, получившие огласку подобные случаи злоупотребления служебным положением, случаи крупных взяток и хищений, совершаются коммунистами; в этом состоит ирония истории – партия, которая провозглашает себя "честью и совестью эпохи", как насосом всасывает в себя воров и взяточников. Конечно, честные коммунисты тоже имеются, но в настоящее время слово "коммунист" не обязательно синоним понятия "честный человек", поэтому люди предпочитают употреблять менее обязывающее слово "член партии".

Во-вторых, всегда существует опасность, что кое-кто из твоих же подчиненных (такой же подонок и раб, как и ты сам), "съест тебя с потрохами", то-есть путем интриг и искусственным образом созданных производственных или политических ситуаций, займет твое место. Поэтому архирабовладельцы позаботились о том, чтобы борьба за существование не захлестывала верхних ступенек иерархической лестницы (но так не всегда получается). Специально созданное понятие "номенклатурный работник" (должность, назначение на которую утверждается райкомом партии), защищает этого работника (вернее сказать, бездельника) от падения вниз. В случае его неудовлетворительной работы на данном посту, он переводится на другую работу, попрежнему оставаясь "номенклатурным", потому что и на эту новую работу его переводит

тот же райком (Г.Троепольский."Записки агронома", "Прохор семнадцатый, король жестянщиков").

В третьих, действие закона стоимости в условиях отсутствия рынка приводит к снижению темпа роста производительности труда, что в свою очередь приводит к хроническому дефициту продуктов потребления и является истинной причиной дефицита в стране всего и вся. Архирабовладельцы позаботились и об обеспечении руководящей верхушки партийной и государственной машины (хотя и высокопоставленных, но все же – рабов), создав "закрытые распределители" продуктов потребления (от индийского чая до ондатровых шапок). Общее же снижение производительности труда никого конкретно не волнует - об этом должны думать Хозяева, Политбюро.

Распространение рабской психологии на все общество

**"Бытие определяет сознание"
Фридрих Энгельс**

Рабская психология, вырабатываемая у человека процессе воспитания, образования и производства в ЭРС, не может остаться, так сказать, втуне, "внутри завода", на его территории. Человек покидает фабрику в конце рабочего дня, пропитанный атмосферой подчинения, бесхозяйственности и личной зависимости от вышестоящих "руководителей" (слово-то какое точное! Действительно: водить руками!) Он выносит эту атмосферу за ворота предприятия, и она пропитывает его в течение всей его жизни – в магазине, где он стоит в очереди даже за хлебом, в сфере "обслуживания", в транспорте, где его могут обхамить такие же рабы, как и он сам, и так далее до бесконечности.

Усвоив основной принцип рабской психологии – безоговорочное подчинение по иерархии сверху вниз – люди неизбежно и незаметно для самих себя теряют чувство собственного достоинства, превращаясь в хамелеонов. Они меняют свое поведение на диаметрально противоположное в зависимости от того, выступают ли они в данный момент в роли начальника или в роли подчиненного. Не имея сами чувства собственного достоинства, они не признают даже возможности существования этого чувства у других людей, искренне удивляясь его проявлениям в ком-либо, и для самоуспокоения объявляют таких людей ненормальными, в худшем случае заставляя их принудительно лечиться у психиатра.

Усвоив основной принцип раба, они распространяют его на все случаи жизни, и таким образом рабская философия пропитывает все общество. В выигрыше оказывается тот из рабов, кто в большей мере потерял чувство человеческого достоинства, и в еще большей мере научился не замечать его в людях. Взамен этого совершенно бесполезного и даже вредного в обществе рабов свойства, он приобрел так называемое "умение жить", базирующееся на полном отсутствии таких понятий как совесть, стыд, и тому подобных понятий, тесно связанных с человеческим достоинством. В самом лучшем случае остается понятие "неудобно", как нельзя лучше отражающее внутреннее ощущение человека, хотя и забывшего, что такое "стыдно", но еще как-то думающего о последствиях своих поступков.

Игнорирование начальниками чувства человеческого достоинства в своих подчиненных приводит к тому, что раб, становясь в свою очередь начальником над себе подобными, в большинстве случаев в полной мере проявляет все именно рабские черты своей психологии. Наиболее ярко это проявляется в ситуациях, когда по каким-либо причинам нужно бы взять подчиненного под защиту, часто даже практически ничем не рискуя. Начальник с рабской психологией никогда не будет поступать вопреки желанию своего руководителя, не станет "горой стоять" за своего подчиненного, ибо больше всего боится за самого себя.

Таким образом, в результате установления в обществе рабовладельческих производственных отношений, у членов этого общества формируется единственно соответствующая этим отношениям (адекватная) психология, выплескивающая в критические моменты наружу все самые темные, низменные качества человека, за которые в Древнем Риме даже плебеи (находившиеся на нижних ступенях иерархии, но все же СВОБОДНЫЕ люди) презирали рабов по рождению.

В особо тяжелых условиях в архирабовладельческом обществе находятся женщины. Их тяжелое положение связано главным образом со снижением темпа роста производительности труда. Задолго до того, как в обществе начнет ощущаться нехватка всех без исключения продуктов потребления, необходимость увеличения объема производства в условиях снижения темпа роста производительности труда диктует правящему классу требование вовлечения в производственный процесс неработающих масс населения, коими являются главным образом женщины. Среднего оклада трудящегося (около 160 рублей) безусловно недостаточно для содержания жены и, тем более ребенка, не говоря уже о двух. Волей-неволей, женщина должна работать. До тех пор, пока удавалось извлекать женщин из семьи и бросать их в производственный процесс (причем НА РАВНЫХ ПРАВАХ с мужчинами – в горячие и вредные цеха, укладка железнодорожных путей и тому подобные всем хорошо известные сферы применения женского труда в ЭРС), до тех пор наблюдался общий подъем экстенсивно расширяемого производства. В настоящее время этот источник рабочей силы по данным нашей печати практически исчерпан.

Положение женщины осложняется еще и тем, что исторически в большинстве случаев она вынуждена вести домашнее хозяйство, обслуживая семью. Прибавьте к этому необходимость найти каждый день в магазине нужные продукты питания, выстоять в очередях после рабочего дня и потратить единственный субботний день на поиски какой-нибудь тряпки для одежды, не говоря уже о домашней уборке, и станет ясно, что в настоящее время нагрузка, которая ложится на плечи замужней женщины в ЭРС, практически невыносима.

Прямым результатом этого являются:

- 1. Отказ молодых людей от семейной жизни и переход их на свободные отношения (то же было характерно для рабов древнего Рима);**
- 2. Развал более чем половины новых семей, особенно после рождения первого ребенка;**
- 3. Высокий процент отказа от детей в родильных домах;**
- 4. Падение рождаемости в РСФСР до нуля;**

- 5. Рост детской смертности как результат ослабления здоровья детей в детских садах и яслях, куда матери вынуждены отдавать детей, чтобы пойти работать;**
- 6. Недостаточное умственное развитие детей как следствие их воспитания в замкнутых коллективах детских садов, обострение их психических недостатков, жесткое отношение к себе подобным; все мы прекрасно знаем о недостатках воспитания детей в детских домах, и спокойно отдаем их в детсад, отличающийся от детдома только двумя часами в день пребывания детей вечером в сверхзанятой семье.**

Таким образом, вырывая женщину из семьи, "эмансипируя" ее от семьи и детей, общество ЭРС начинает изготовление рабов с ясельного возраста.

В тяжелых условиях находятся и подростки. Благодаря остроте восприятия и непредвзятости мнения, они не могут понять, почему "светлые идеалы", внушаемые им политической пропагандой, находятся, мягко говоря, в слабом соответствии с реальной жизнью. Достояние народное, но все воруют друг у друга и у государства; имущество народное, но обращаются с ним бесхозяйственно; благосостояние общества растет, а жить становится все труднее; труд должен оплачиваться в зависимости от его количества и качества, а наиболее обеспечены бездельники и бессовестные люди, и т.п. Результатом является то, что часть молодежи, принимая рабскую психологию, начисто отвергает вместе с пропагандистской шелухой и то положительное, что эта пропаганда берет из человеческой практики, ибо даже это положительное пропаганда использует для превращения человека в раба.

Если на ранних этапах развития советского государства еще существовало достаточное количество людей, имевших чувство человеческого достоинства и оказавшихся рабами волею судьбы, то по мере укрепления и развития архирабовладельческой системы рабская психология пропитывает все общество, и люди уже с самого рождения попадают в атмосферу рабского подчинения. Раб, лишенный возможности чувствовать себя свободным человеком в обществе, продолжает оставаться рабом и в семье. Здесь он часто становится "микрона начальником" и вымещает на своих близких все унижения, полученные им за день, ибо не может допустить, что у них больше человеческого достоинства, чем у него (независимо от того, кстати, мужчина это или женщина). Сталкиваясь с проявлениями этого чувства в других людях, он удивляется так, как будто ему сказали, что этот человек видит не только свет, но и рентгеновские лучи.

Дети, воспитываемые в такой обстановке, сталкиваются с проявлениями рабской психологии родителей с самого раннего возраста. Со своей стороны, родители попадают в крайне затруднительное положение, если они, наперекор всему, хотят воспитать ребенка порядочным, честным, справедливым человеком, ибо ежедневный жизненный опыт сталкивает сознание детей в русло рабской психологии.

Все язвы современного общества ЭРС, начиная от воровства в масштабах республики и кончая убийством собаки – отнюдь не "пережитки капитализма", как это пытается представить официальная пресса. Любому здравомыслящему человеку ясно, что через 70 лет после победы Октября, после смены четырех поколений всяким пережиткам место на кладбище истории. Напротив, эти язвы суть явления, органически свойственные

архирабовладельческому строю, с неизбежностью вытекающие из его политэкономического содержания.

Часто удивляются: почему люди воруют, если у них есть больше, чем у остальных, почему берут взятки, если и так много получают (заметьте, получают, а не зарабатывают!), почему не уступают место женщине, почему теряют человеческий облик, борясь даже не за кусок хлеба, а за место в очереди за бананами или (о чудо!) за икрой, и т.д. – читатель сам может вспомнить сколько угодно таких "почему"... Говорят, недостаток воспитания... Напротив, отвечаем мы, избыток воспитания, но воспитания рабской, человекобезразличной психологии, психологии презрения человека в самом себе; психологии, не признающей за другими, себе подобными рабами, чувства человеческого достоинства, качества, свойственного только человеческой личности. И в большинстве случаев справедливо не признающей, ибо нет этого качества у рабов, нет даже понятия об этом качестве. Тем, кто знает о нем из книг, ежедневная практика показывает его отсутствие у ближних в 90% случаев. И потому рабы поступают вполне адекватно окружающей их среде; в этой общественной среде их поведение обеспечивает им не только выживание, но и получение максимально возможной выгоды. Они не удивляются, если их предают, продают, обворовывают; с этим может быть и можно бороться, вернее драться, когда это касается тебя лично, но удивляться этому не нужно.

Обладатель рабской психологии обычно очень хорошо помнит принцип "Своя рубашка ближе к телу". Прекрасно понимая, что его денежное содержание в весьма малой степени зависит от качества и количества его труда, он автоматически сводит эти "параметры" к минимуму, при котором его еще не очень сильно наказывают. Распространяясь на все общество, как чума, этот принцип уменьшает производительность труда до минимально возможного в данных условиях уровня. Отсюда, кстати, и знаменитые "перекуры". Именно поэтому непрерывно возрастает роль начальников как надсмотрщиков за работой рабов, именно поэтому их становится все больше, так как приходится следить за работой чуть ли не каждого раба. Таким образом, снижение темпа роста производительности труда на главных направлениях производства вызывает по необходимости рост аппарата принуждения, рост бюрократического аппарата. Это находится в полном соответствии с представлением о роли государства при коммунизме как об органе, осуществляющем экономические функции.

По мере пропитывания всего общества рабской психологией, процесс формирования из человека раба заканчивается во все более раннем возрасте, а это означает, что люди (в среднем) перестают заниматься активным творческим общественно-полезным трудом все раньше и раньше, считая (и не без оснований) невозможным таким путем улучшить или даже просто обеспечить свое благосостояние. Теперь многие ученые прекращают всякую творческую деятельность после защиты кандидатских диссертаций, превращаясь в администраторов от науки, потому что на руководящей должности больше платят. Общество теряет ученых, не приобретая администраторов, так как этих людей никогда не учили управлять, и они часто не имеют необходимых для этого данных. Многие бросают производственную деятельность и начинают заниматься чем угодно, вплоть до пчеловодства, если это занятие приносит значительный доход ("ЛГ" 23.11.83, "Горький мед"). Этот процесс, непрерывно развиваясь, приводит по вполне объективным причинам к

тому же единственному и главному следствию – снижению среднего по обществу темпа роста производительности труда. Круг замыкается.

Особая роль в ЭРС принадлежит так называемому "бюрократизму", который в этих условиях есть не что иное, как главное средство защиты ответственных за что-либо работников от обвинений в неправильных действиях или злоупотреблениях. Поскольку стоимостной критерий их деятельности практически отсутствует, остается единственный выход – действовать в соответствии с существующими инструкциями. Из-за естественной и неизбежной многофакторности производства число инструкций непрерывно увеличивается, так как из-за слабой профессиональной подготовки работников этой сферы, на любой ступени бюрократической лестницы существует желание нормировать любой процесс, загнать его в жесткие рамки, не допускающие заметных отклонений. Поэтому периодически возникают конфликтные ситуации, связанные, с одной стороны, именно с невозможностью нормировать эти процессы, и в силу этого, с необходимостью отклоняться от действующих инструкций до того, как их успеют изменить "сверху"; а с другой стороны – с невозможностью какой-либо объективной оценки последствий такого отклонения от инструкций, ибо при отсутствии стоимостного критерия дело можно повернуть и так, и эдак, представить (в зависимости от желания руководящих и действующих лиц) того, кто принял решение, либо героем, либо государственным преступником. Даже в тех случаях, когда речь идет о спасении человеческой жизни, возможны различные взгляды на действия того, кто принял решение, не соответствующее существующим инструкциям.

Описанная ситуация является краеугольным камнем почти всех советских "производственных" романов и кинофильмов; причем в них, как правило, не дается решения этой проблемы, ибо тогда пришлось бы назвать вещи своими именами.

Известно, что Древний Рим очень страдал от бюрократизма на государственном уровне. Но в ЭРС, когда фактических рабовладельцев можно пересчитать по пальцам, а объем общественного производства в тысячи и десятки тысяч раз превышает объем древнеримского производства, размеры и степень бюрократизма возрастают в неизмеримое число раз, ибо бюрократизм пропитывает не только чиновничий аппарат, а и весь государственный аппарат управления ПРОИЗВОДСТВОМ и ПОТРЕБЛЕНИЕМ.

Общечеловеческие последствия победы коммунизма в СССР

Уродливые стороны капитализма, проявляющиеся особенно резко в тех случаях, когда действующий независимо от воли людей ЗАКОН СТОИМОСТИ пробивает себе дорогу силой через кризисные ситуации, очень ярко описаны у Маркса, а также в отечественной и зарубежной художественной литературе. В настоящее время, особенно в нашей стране, трудно выступать в защиту тех или иных преимуществ капиталистической, рыночной системы. "Преимущества" и "завоевания" социализма считаются у нас существенно более значимыми, чем имеющиеся недостатки, которые считаются временными и преодолимыми, стоит только всем за них взяться. Тем не менее, существует один общечеловеческий аспект, одна точка зрения, с которой сравнение капиталистической рыночной и некапиталистической, нерыночной, архирабовладельческой экономики оказывается не в пользу последней.

Как было показано выше, в условиях, когда капитал принимает форму общегосударственной собственности (а по-существу, сосредотачивается в одних руках, у одного хозяина – совокупного монополиста средств производства) ЗАКОН СТОИМОСТИ проявляет себя в форме постепенного и неуклонного снижения темпа роста производительности труда. Снижается темп роста общественного производства, хотя по абсолютной величине оно может продолжать расти.

Поэтому рано или поздно при своем развитии (или даже в законсервированном состоянии, если темп роста равен нулю), общественное производство (в разных странах в разное время и в разных условиях) наталкивается обычно на тот или иной объективный барьер: сырьевой (обычно в первую очередь), энергетический, экологический, демографический, информационный и – позволю себе даже допустить – моральный. Для того, чтобы преодолеть любой из этих барьеров, нужен своего рода "запас хода", запас производительных сил, которые может затратить общество, не допустив серьезного изменения своей политико-экономической структуры. Чем больше "запас хода", чем выше темп роста производительных сил (именно производительных сил, а не общего уровня производства, это часто путают), тем выше темп роста производительности труда, тем легче может быть преодолен очередной барьер. В свою очередь, производительные силы, как мы видели, развиваются тем более быстрыми темпами, чем быстрее работает закон стоимости как регулятор общественного производства, чем быстрее он изменяет условия производства, чем быстрее он приводит эти условия в соответствие с ростом производительных сил. И наоборот, производительность труда растет тем медленнее, чем больше создано объективных и субъективных препятствий для действия закона стоимости как регулятора общественного производства.

Попытка объяснения всех окружающих нас явлений с той точки зрения, что эпоха развитого социализма представляет собой не что иное, как современную форму рабовладения, может вызвать у читателя вопрос: "Так что же, автор выступает за реставрацию капиталистических отношений?"

На это можно ответить так.

Общество, сформировавшееся за 60 лет советской власти, само является реставрацией гораздо более ранних отношений, чем капиталистические, а именно – рабовладельческих экономических, а, следовательно, и политических отношений, только в их гораздо более резкой, крайней форме, в форме архирабовладельческих отношений. Мирный переход от рабовладельческих отношений к капиталистическим никогда в истории человечества не наблюдался. Может ли такой переход произойти в условиях капиталистического окружения, это может показать только будущее, хотя это и вероятно при определенной политической ситуации. Существенным вкладом Октября в исторический опыт человечества можно считать лишь то, что он доказал, что рабовладельческий строй – отнюдь не далекое прошлое человечества, и что даже рабы способны летать в космос. Переход Юга США от рабовладельческих отношений к капиталистическим стал возможен только через войну Севера с Югом и при условии наличия на Юге капиталистических отношений в некоторых отраслях производства.

Поэтому переход к капиталистическим отношениям из эпохи развитого социализма был бы, безусловно, колоссальным шагом вперед, явился бы скачком через целую эпоху – эпоху феодализма. Последнее не следует воспринимать как нечто уж совершенно невозможное в Советском Союзе. Если возможно АРХИРАБОВЛАДЕНИЕ, то почему невозможен и АРХИФЕОДАЛИЗМ? Нормальный, мирный ход эволюции общества от рабовладельческой системы по пути прогресса именно такой - через феодализм к капитализму (по Энгельсу, конечно, ибо есть и исключения). В тот момент, когда темп роста производительности труда в системе ЭРС станет равным нулю и начнется уменьшение производительности труда по абсолютной величине, в тот момент начнется закат эпохи ЭРС – эпохи современного рабовладения. Есть данные, что этот момент находится уже в прошлом, так как за 1983 год темп роста производительности труда в стране составил всего 0.2%.

(Прим. сост. Этот прогноз оправдался впоследствии, после 1985 года, и современный читатель это мог наблюдать сам.)

В какой-то определенный момент в будущем может оказаться, что хозяйство будет выгоднее всего вести по феодальному принципу, давая возможность производителю частично работать на себя, а частично – на архифеодала, например, по барщинной системе, или еще какнибудь (некоторые проявления таких производственных отношений уже есть – вспомните хотя бы арендный подряд на селе). И это тоже будет прогрессивно, по сравнению с рабским-то трудом. И на это пойдут, если производительность труда к тому времени упадет до такого минимума, когда Хозяин уже не сможет кормить своих собственных рабов.

*

С момента возникновения Советской власти страны коммунистического и капиталистического лагерей находились в состоянии конфронтации, справедливо считая другую сторону идеологическим врагом и потенциальным противником. Западный мир естественно опасается коммунизма, ибо коммунизм начертал на своем знамени лозунг борьбы за мировое господство своей идеологии, а, следовательно, и политико-экономической системы, что само по себе вряд ли приемлемо для критически мыслящего человека, признающего на деле, а не на бумаге, свободу идеологии, свободу мышления. Еще ни одна идеология, ни одна религия (а коммунизм – именно религия, ибо базируется на постулатах, справедливость и истинность которых никем не была доказана на деле) не захватывала никогда всего человечества.

Для коммунистической же системы существование и успешное развитие экономических систем, базирующихся на действии закона стоимости через рынок – как бельмо на глазу, ибо демонстрирует всему миру (и чем дальше, тем больше) ложность основных политических и экономических доктрин коммунизма.

В конце концов, каждый народ заслуживает то правительство и ту систему, которые имеет. Однако в условиях, когда система ЭРС и рыночная система в лице их представителей СССР и США – имеют в руках оружие, способное уничтожить весь мир, вопрос о темпах роста производства приобретает международное значение. До тех пор, пока архирабовладельцы

в ЭРС с помощью силы и пропаганды могут сдерживать недовольство народных масс низким уровнем жизни (что представляется вполне возможным в течение еще очень долгого времени, так как они имеют дело с рабами по рождению уже в четвертом поколении), до тех пор возможно мирное сосуществование двух экономических систем. Как только архирабовладельцы придут к заключению, что нужно дать массам какое-то другое, более убедительное объяснение непрерывно возникающих трудностей, они легко могут создать конфликтную ситуацию, "малую войну", которая легко может, как известно, перерасти в войну большую.

(Прим. сост. Современники, в руках которых сейчас находится эта книга, могут видеть эту ситуацию "невооруженным глазом".)

Стратегия руководителей западного мира состоит в том, что, наблюдая за трудностями, с которыми сталкивается система ЭРС, они не дают ей дойти до критической точки, "подкармливают" ее, стараясь одновременно выиграть время для создания оружия, безусловно обеспечивающего безопасность от первого удара со стороны ЭРС. Не случайно и не удивительно поэтому, что в 1982-1983 гг, когда политические отношения между СССР и США стали (по газетам) якобы крайне напряженными, объем продажи зерна из США в СССР увеличился вдвое по сравнению с самым высоким уровнем в прошлом, до 16 млн. тонн (в 1975 г, в период максимальной "разрядки" в отношениях эта цифра составляла около 8 млн.т.). До того момента, когда абсолютное военное превосходство будет достигнуто, страны Запада будут вынуждены "кормить" весь коммунистический лагерь. Именно этим объясняются столь высокие кредиты и долги соцлагеря капитальным странам, и непрерывные отсрочки платежей по этим государственным кредитам, несмотря на раздающиеся на Западе голоса, указывающие на то, что получаемые кредиты позволяют СССР тратить больше на военные нужды. Ничего не поделаешь. Так поступать необходимо, ибо иначе война может начаться раньше, чем ее ожидают.

В тот момент, когда будет создано, наконец, абсолютное военное превосходство Запада, наступит конец его экономической помощи. Тогда и только тогда можно ожидать нового подъема рабочего движения в России.

(Прим. сост. На настоящий момент – 2018 г. – такое состояние, видимо, достигнуто. США выходят из договоров по нераспространению оружия массового уничтожения, а военная техника США сегодня вне конкуренции, что бы там ни писали журналоги в российской прессе).

И если правда то, что вся история человечества есть история борьбы трудящихся за свои права, то не меньшая правда и то, что возникает эта борьба в конечном счете потому, что каждый отдельный человек, каждый атом этой массы трудящихся категорически против того, чтобы кормить своим трудом бездельников, в каком бы обличьи они ни выступали на арене классовой борьбы. Можно с уверенностью предсказать, что рано или поздно находящиеся у власти в России бездельники, единственной заботой которых является поддержание существующего порядка, при котором они могут получать огромные блага, ни в коей мере не соответствующие их собственной значимости для общества, доведут страну и народ до такого плачевного состояния, при котором они уже не смогут справиться

с возникающими на каждом шагу новыми трудностями. Они, может быть сами того не желая, поставят страну на грань экономической, а все человечество – на грань военной катастрофы. И тогда народ, если он не хочет погибнуть, должен будет смести этих негодяев со своего пути.

Классики марксизма о действии закона стоимости при коммунизме (История теории)

**"Вас обманывают!"
(Лагин. Старик Хоттабыч)**

В различных местах сочинений Маркса и Энгельса разбросаны их высказывания об общих принципах устройства будущего общества. Главным образом, этим занимался Энгельс, но теоретические основы заложены Марксом. О будущем обществе Энгельс высказывался еще в 1847 году, задолго до выхода в свет "Капитала".

Как же представляли себе Классики это будущее общество? Что, по их мнению, должно было произойти, в частности, с Законом Стоимости и почему?

Вернемся на некоторое время к нашему прежнему принципу работы с источниками, и на ряде цитат из Маркса, Энгельса и Ульянова проследим формирование их точки зрения на предмет.

1. "Вообще вопрос не в том, захватит ли пролетариат, достигнув власти, орудия производства, сырые материалы и жизненные средства путем простого насилия, заплатит ли он тотчас вознаграждение за это, или выкупит постепенно эту собственность небольшими частичными платежами. Попробуйте ответить на этот вопрос заранее и относительно всех возможных случаев - значило бы фабриковать утопии, а это я предоставляю делать другим."

Ф.Энгельс. "К жилищному вопросу", 1873

2. "Мудрствовать о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, ведет прямо в область утопии. Самое большое, что мы можем утверждать, исходя из изучения основных условий всех предыдущих способов производства, это то, что с падением капиталистического производства известные формы присвоения, характерные для старого общества, станут невозможными."

Там же.

3. "Маркс остается все тем же революционером, каким он был всегда, и он менее, чем кто-либо, стал бы скрывать в научном сочинении свои взгляды. Но о том, что будет после социального переворота, он говорит лишь в самых общих чертах."

Ф.Энгельс. Рецензия на 1 том "Капитала", 1867 г.

Из первых цитат следует как будто, что Классики не берут на себя смелость предсказывать будущие организационные формы, не говоря уже о каких-то Законах. Но нет. Вдохновленные разработанной ими гипотезой, они пытаются повысить ее ранг – довести до уровня Теории. Как известно, для этого требуется предсказать неизвестные доселе факты или связи. И классик делает следующий шаг.

4. "Всякий знает, что "Капитал" – это главное и основное сочинение, излагающее научный социализм (об остальных, заметим, нет и речи - прим.авт.) - ограничивается самыми общими намеками насчет будущего, прослеживая только те, теперь уже имеющиеся налицо, элементы, из которых вырастает будущий строй. Всякий знает, что по части перспектив будущего неизмеримо больше давали прежние социалисты, которые со всеми подробностями разрисовывали будущее общество, желая увлечь человечество картиной таких порядков, когда люди обходятся без борьбы, когда их общественные отношения основываются не на эксплуатации, а на истинных началах прогресса, соответствующих условиям человеческой природы. Однако, несмотря на целую фалангу талантливейших людей, излагавших эти идеи и убежденнейших социалистов, их теории оставались в стороне от жизни, их программы - в стороне от народных политических движений, пока крупная машинная индустрия не вовлекла в водоворот политической жизни массы рабочего пролетариата, и пока не был найден истинный лозунг его борьбы."

Ленин. "Что такое "друзья народа" ..."

5. "В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности..."

Итак, лозунг выброшен!

6. "Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности..."

Ф.Энгельс. "Принципы коммунизма", 1847

7. "...Владение средствами производства возможно только в двух формах: либо как индивидуальное владение, которое в качестве общей формы для всех производителей не существовало никогда и нигде, и которое с каждым днем все больше исключается промышленным прогрессом, либо как общее владение, то есть в форме, материальные и интеллектуальные предпосылки которой созданы уже самим развитием капиталистического общества... следовательно, необходимо всеми средствами, которые имеются в распоряжении пролетариата, вести борьбу за переход средств производства в общее владение."

Ф.Энгельс. "Крестьянский вопрос во Франции и Германии", 1894

Тут желаемое явно выдается за действительное...

8."В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и прибавочный труд. Это - результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт обратного превращения капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разьединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества – переходный пункт к превращению всех функций в процессе производства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции."

Маркс. "Капитал" т.3. 1865 г. (?)

Кажется правдоподобным, да? Но ведь это все верно только при наличии рынка!

9."Итак, я определил намерения коммунистов следующим образом:

- 1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа;*
- 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества;*
- 3) не признавать другого средства осуществления этих целей кроме насильственной революции."*

Энгельс - Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету. 1846 г.

Ну, чем не Че Гевара?! Следует только обратить внимание на дату - 1846 - тогда еще основные положения "Капитала" только разрабатывались Марксом, а Энгельс уже сделал "оргвыводы"!

10."Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией."

Энгельс. "Анти-Дюринг", 1877

Вот тут и начинается теория. До сей поры были благие пожелания и общие места.

11."Представим себе... союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу... Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития

производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством (пока еще, заметим, в качестве примера, ничего не утверждая определенно - прим.авт.) мы предположим, что доля каждого производителя определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между трудовыми функциями и потребностями (т.е., говоря попросту, является общественно-необходимым уже с самого начала - прим.авт.) С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а, следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к труду и к продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении."

К.Маркс. "Капитал", т.1. 1865

Это пока еще только пример.

*12."В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как **СТОИМОСТЬ** этих продуктов... потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда..."*

Маркс. "Критика Готской программы", 1875

А вот это уже серьезно. Десять лет спустя пример уже превратился в уверенность. Действительно, если труд является с самого начала общественно-необходимым, и его можно измерить рабочим временем, то зачем нужен какой-то обмен? Возможно прямое распределение всех произведенных товаров! Но пока еще открытым текстом об отсутствии или невозможности обмена нам не говорится.

13."Для социализма, который хочет освободить человеческую рабочую силу от ее положения товара, очень важно понять, что труд не имеет стоимости и не может иметь ее. При таком понимании теряют почву все попытки регулировать будущее распределение средств существования как своего рода высшую форму заработной платы... Отсюда, как дальнейший вывод, вытекает, что распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности..."

Энгельс. "Анти-Дюринг", 1877

Очень интересный момент. Распределение регулируется интересами производства. Значит, если по каким-то причинам производить данный продукт считается невозможным или

нецелесообразным (Кем считается? Представителями общественности, конечно), то он и не будет производиться в нужном количестве или не будет производиться вообще. Роль отдельного потребителя или группы потребителей сводится практически к нулю, и вся ответственность за правильный курс возлагается на верховное главнокомандование. Трудно ожидать, что в таких условиях КАЖДЫЙ трудящийся будет сознавать себя хозяином средств производства, хотя бы даже и именуемых "общественными". Способ же распределения, который "позволяет", и так далее, остается пока "за кадром", о нем мы узнаем немного позже, но вряд ли мы согласимся с тем, что он действительно "позволяет".

14. "Каковы же будут последствия окончательного устранения частной собственности?..."

Тем, что общество изымет из рук частных капиталистов пользование всеми производительными силами и средствами общения, а также обмен и распределение продуктов, тем, что оно будет управлять всем этим сообразно плану, вытекающему из наличных ресурсов и потребностей общества в целом – будут прежде всего устранены пагубные последствия, связанные с нынешней системой ведения крупной промышленности. Кризисы прекратятся, расширенное производство, которое при существующем общественном строе вызывает перепроизводство и является столь могущественной причиной нищеты, тогда окажется далеко не достаточным, и должно будет принять гораздо более широкие размеры. Избыток производства, превышающий ближайшие потребности общества, вместо того, чтобы порождать нищету, будет обеспечивать удовлетворение всех членов общества, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения... (и так далее и так далее - авт.) Таким образом, общество будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов."

Энгельс. "Принципы коммунизма", 1847

Это уже ближе. Никакого обмена, он не нужен. Распределение продуктов, которых, по мнению свободно избранных руководителей общества, должно хватить всем. На данном этапе, конечно. При данной, достигнутой к данному моменту, производительности труда и данном объеме производства. И если там, наверху, решат, что "внизу" должны быть чечевичную похлебку вместо мяса, так и будет, потому что низы настолько плохо работают, что ничего, кроме похлебки, им и не положено. Но продолжаем.

15. "...Тем самым, станет излишним деление общества на различные, враждебные друг другу классы... Оно даже будет несовместимым с новым общественным строем. Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в его теперешнем виде совершенно исчезнет, так как ...развитие производства будет нуждаться в совершенно других людях... всесторонне развитых."

Хочется прервать Энгельса. Утверждать, что существование классов есть результат разделения труда есть то же самое, что считать прямым следствием разделения труда проституцию. И вообще, все наши несчастья есть расплата за первородный грех. Значит,

дело не в частной собственности, которая уж точно возникла из разделения труда, и не в собственности вообще. Этот пункт очень важен для дальнейшего, если это не описка Энгельса, а как мы увидим далее, это вовсе не описка.

16. "Уничтожить классы – это значит поставить всех граждан в одинаковое отношение к средствам производства всего общества..."

Ленин. "Либеральный профессор о равенстве", 1914

Это уже совсем точно. И ни одного слова ни здесь, ни далее о ликвидации разделения труда. А как насчет понятия СТОИМОСТЬ?

17. "...Экономическая стоимость – категория, свойственная товарному производству, и исчезнет вместе с ним... точно так же, как она не существовала до него. Отношение труда к продукту не выражается в форме СТОИМОСТИ ни до товарного производства, ни после него"

Энгельс - Каутскому, 1884

18. "При обобществленном труде отношения людей в их общественном производстве не представлены как "СТОИМОСТИ ВЕЩЕЙ"."

Маркс. "Капитал", т.4, 1862

19. "...по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства, определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия(во!) становятся важнее, чем когда бы то ни было."

Маркс. "Капитал", т.3, 1865

Значит, время все-таки подсчитывать нужно для правильного распределения?!

20. "Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно-общественной форме, труд каждого отдельного лица, как бы ни был различен его специфический характер, становится с самого начала и непосредственно-общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающегося в продукте, нет необходимости прибегать к окольному пути; повседневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем. Общество может просто подсчитать, сколько часов труда заключено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна определенного качества. И так как количества труда, заключающиеся в продуктах, в данном случае известны людям прямо и абсолютно, то обществу не может прийти в голову также и впредь выражать их посредством всего лишь относительной, шаткой и недостаточной

меры, хотя и бывшей ранее неизбежной за неимением лучшего средства, – т.е. выразить их в третьем продукте, а не в их естественной, адекватной, абсолютной мере, какой является ВРЕМЯ... Следовательно, при указанных выше условиях, общество также не станет приписывать продуктам какие-либо стоимости. Тот простой факт, что сто квадратных метров сукна потребовали для своего производства, скажем, тысячу часов труда, оно не будет выражать нелепым и бессмысленным образом, говоря, что это сукно обладает стоимостью в тысячу рабочих часов. Разумеется, и в этом случае общество должно будет знать, сколько труда требуется для производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной "стоимости"..."

Энгельс. "Анти-Дюринг", 1877

Значит, Стоимость подсчитать было нельзя, потому что нельзя было подсчитать время каждого независимого производителя, и поэтому рынок был мерой вынужденной. А в условиях сосредоточения собственности в одних руках, в условиях наличия зависимых производителей, временные затраты подсчитать можно, и это даже "очень просто", достаточно нанять необходимый штат бухгалтеров. "Разумеется, они должны будут знать, сколько труда требуется для производства каждого предмета потребления", да еще должны будут учитывать их сравнительную полезность для населения, о чем нам из первого тома "Капитала" хорошо известно – к величине стоимости полезность никакого отношения не имеет, теория полезности была опровергнута самим Марксом. А в будущих условиях, когда СТОИМОСТЬ исчезнет, то полезность уже можно будет учитывать?

Итак, затраты труда перестают принимать форму стоимости, они принимают форму РЕАЛЬНЫХ ЗАТРАТ, планируемых затрат рабочего времени. Ни о каком рынке не может быть и речи, даже на первом этапе, социализме, когда все средства производства обобществлены.

Но одного обобществления все же недостаточно. Проклятый капитализм оставил родимые пятна – сознание того, что каждый должен получать "по труду". Кроме того, в 1890 году угар "Анти-Дюринга" начал проходить, и возникло подозрение, что при переходе к социализму производимых в данное время товаров может на всех не хватить. Сравним это:

21. "Все это в настоящее время уже не фантазия и не благочестивое пожелание. При современном развитии производительных сил достаточно уже того увеличения производства, которое будет вызвано уже самим фактом обобществления производительных сил, достаточно одного устранения протекающих из капиталистического способа производства затруднений и помех, расточения продуктов и средств производства, чтобы, при всеобщем участии в труде, рабочее

время каждого было доведено до незначительных, по нынешним представлениям, размеров." Энгельс. "Анти-Дюринг", 1877

И ВОТ ЭТО:

22."Но, как ни странно, никому не пришло в голову, что ведь способ распределения существенным образом зависит от того, КАКОЕ КОЛИЧЕСТВО продуктов подлежит распределению, и что это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества, а, следовательно, должен меняться и способ распределения..." Энгельс - Шмидту, 1890.

Действительно, как говорил Маркс, "право никогда не может быть выше, чем экономический строй". И тот же Маркс говорил еще в 1875-м:

23."Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества, и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества... Соответственно этому, каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества КВИТАНЦИЮ (выделено мною, на это место нужно обратить внимание - прим.авт.) в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что... никто не может дать ничего, кроме своего труда, и... в собственность отдельных лиц не может перейти ничего, кроме продуктов потребления..."

Действительно, содержание изменилось. Самое главное, что исключен прямой обмен между производителями, исключен обмен произведенными продуктами иначе, кроме как через централизованное распределение. Исключен обмен вообще, его место заняло РАСПРЕДЕЛЕНИЕ. В этом – ключ к пониманию будущей структуры марксистского общества. Изменилось и содержание средств обмена – из ДЕНЕГ они превращаются в КВИТАНЦИИ; в этом сущность денег при социализме и нужно прекратить все споры на эту тему.

"Но что касается распределения предметов потребления между производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой".

"Поэтому РАВНОЕ ПРАВО здесь по принципу все еще является правом буржуазным, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при обмене товарами обмен эквивалентами существует лишь в среднем, а не в каждом отдельном случае."

Ну, последнее – это уже детали. Важно здесь главное – тот, кто отстаивает принцип оплаты по труду, не является настоящим коммунистом – право это "по принципу своему" есть право буржуазное! Почему? А вот почему:

"Равенство состоит в том, что измерение производится равной мерой - трудом".

Ну и что же здесь плохого, скажет современный советский человек, не очень внимательно изучавший марксизм на политзанятиях. Ну, как же?! Ведь известно же, что:

"...один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того, чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно и неравную работоспособность естественными привилегиями.

Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право... Неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой... лишь с одной определенной стороны, как в данном случае, где их рассматривают только как рабочих и ничего больше в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительском фонде один получит на самом деле больше, чем другой, и т.п. Чтобы избежать всего этого, право... должно быть неравным."

Маркс. "Критика Готской программы", 1875

Повидимому, Маркс имеет здесь в виду необходимость создания системы социального обеспечения, учитывающую все эти индивидуальные различия. Такая система в той или иной форме создана и существует во всех развитых странах, в том числе и капиталистических.

И пока продуктов на всех не хватает, до тех пор нужно учитывать труд, учитывать "приход и расход", ну, понятное дело, теперь уже не в форме мерзкой СТОИМОСТИ, а в часах и минутах непосредственно-общественного, а потому и вроде бы общественно-необходимого рабочего времени (ведь оно запланировано!), определенного ОБЩЕСТВОМ, а на самом деле, конечно, не обществом, а знающими свое дело специалистами-бухгалтерами.

Теперь самое время сравнить "Критику Готской программы" Маркса с критикой Энгельсом теории "конституированной стоимости" Родбертуса. Для большей ясности приведем здесь целиком (несмотря на значительный объем) цитату из статьи Г.Лисичкина "Куда приплыл Колумб" из его сборника "Тернистый путь к изобилию".

24. "Прудон и его единомышленники пытались наладить правильный и постоянный ОБМЕН ТОВАРОВ ПО ИХ СТОИМОСТИ (выделено везде мною - авт.), оставаясь все же на экономической почве. У другого последователя "конституированной стоимости" – Родбертуса – дело решается еще проще. Как добрый пруссак, замечает Энгельс, он апеллирует к государству и требует от правительства декретировать стоимость. Установив стоимость, государство, по Родбертусу, должно выпустить свои бумажные деньги. Ими оно ссужает предприятия, которые выдают их в уплату рабочим, а они уже покупают на эти деньги продукты, возвращая их таким образом к исходному пункту. Так как под каждую расписку ("деньги" - авт.) получается соответствующий по стоимости предмет, то сумма расписок должна, считает Родбертус, постоянно покрываться суммой стоимостей продуктов.

Энгельс с большим сарказмом издевался над этой выдумкой: "Если же мы теперь спросим, какие у нас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под грудами свекловичного сахара и утоная в картофельной водке, или что мы не будем испытывать недостатка в брюках, чтобы прикрыть свою наготу, среди миллионов пуговиц для брюк, то Родбертус с торжеством укажет нам на свой знаменитый расчет, согласно которому за каждый излишний фунт сахара, за каждую непроданную бочку водки... выдана правильная расписка, расчет, в котором все в точности совпадает, и по которому все претензии будут удовлетворены и ликвидация этих претензий совершится правильно. А кто этому не верит, пусть обратится к счетоводу Икс главной кассы государственного казначейства в Померании, который проверял счет, нашел его правильным и, как человек, еще ни разу не уличенный в недочете по кассе, заслуживает полного доверия".

Ф.Энгельс и Г.Лисичкин

Казалось бы, предложения Готской программы и идеи Родбертуса весьма близки, если не совпадают. Но тогда почему же Энгельс издевался?

Да потому, что Родбертус оставался на позициях СТОИМОСТИ и товарообмена, а расчеты затраченного труда и использование этих расчетов для распределения продуктов производства среди потребителей возможны только после ликвидации товарообмена, при ликвидации независимых товаропроизводителей. Тогда ГАРАНТИЕЙ должно быть, по

мнению Энгельса, точное планирование материалов и труда государственным планирующим органом. Ну, а если и при этом вдруг случится наводнение из картофельной водки, что же сделаешь, нужно улучшать систему планирования. Как известно, именно этот вопрос и стоит все время на повестке дня любого совещания по поводу повышения эффективности социалистического хозяйства. Практика доказала, что подсчитать действительно необходимые затраты труда и материалов в масштабе нашего общества, в масштабе "всесоюзного завода" – вещь неосуществимая. И что весьма важно, если не самое главное – нельзя подсчитать затраты сложного труда, труда высококвалифицированного и труда умственного. Подозревая это и чувствуя пробел в своей теории будущего общества, Классики оставили для себя лазейку, связав построение этого общества с условием ликвидации разделения труда как с условием необходимым. Понятно, что если бы разделения труда не существовало, да и сам труд стал настолько простым, что каждый развитой человек мог бы с ним справиться, то подсчет его доли участия тоже мог бы быть достаточно простым - по числу часов проведенных им на производстве. Не говоря уже о том, что само это условие могло быть выполнено только при чрезвычайно высоком уровне развития технологии, когда о самом участии в производстве можно было бы говорить весьма условно и, может быть, говорить с помощью несуществующей в настоящее время терминологии.

25. "Точно также уничтожение старого разделения труда отнюдь не является таким требованием, которое может быть осуществлено лишь в ущерб производительности труда. Напротив, благодаря крупной промышленности, оно стало условием самого производства" (?) Энгельс "Анти-Дюринг"

26. "...и в особенности должно исчезнуть старое разделение труда. На его место должна вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования, и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того, чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому развивать во всех направлениях и действительно проявлять свои способности...и где ...производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение...

Действительно свободный труд, например, труд композитора, вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение нужно, чтобы он был самоосуществлением индивида..."

Но как же этого добиться, спросите вы?

"В материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что:

1)дан его общественный характер и

2)что этот труд...представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого

субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей силами природы" Маркс. "Критика политической экономии" 1858 г.

Как видим, пример словесной джигитовки дает сам учитель, чего же ждать от учеников?

Итак, все рецепты даны, главные направления указаны.

Вперед, к победе коммунизма!

Что же касается того, как именно должен производиться учет затрат труда в будущем обществе, и не захлебнется ли оно в картофельной водке, когда нечем будет закусить, то это – детали, об этом общество какнибудь само позаботится, и не дело Классиков заниматься такими мелочами – оставим это утопистам!

Спустя сто лет после Маркса и Энгельса еще не видно путей к ликвидации разделения труда кроме как путем создания полностью автоматического производства продуктов потребления и средств производства этих продуктов. Однако, автоматическое производство продуктов потребления, решая вопрос в одной сфере, переносит его в другую – в область разработки и обслуживания этих средств производства со своим, может быть даже гораздо большим разделением труда, чем грубоватое марксово разделение на тачечников и архитекторов. Специальности разделяются все больше, "системщики" и "программисты" отличаются сегодня между собой больше, чем архитекторы и каменщики. При этом нельзя сказать, что труд программиста сегодня при полной нагрузке был бы менее утомительным, чем труд каменщика, и уж во всяком случае он менее здоровый, чем труд последнего. Более того, принцип разделения труда с развитием технологии все более укрепляется, а не исчезает; общеизвестно, что делать свое дело хорошо и эффективно может в наше время только человек, в совершенстве овладевший своей узкой специальностью, грубо говоря – "тачечник", ибо овладение современной специальностью требует от человека напряжения всех его сил – слишком большой объем данных нужно усвоить в основной и смежных областях, чтобы стать узким, но весьма квалифицированным специалистом. Да и разговоры о порабощении человека профессией весьма условны – радиоинженер или, скажем, доктор наук в какой-нибудь узкой специальности совершенно не чувствует этого порабощения, более того, он бывает крайне недоволен принудительным "освобождением" его от оков профессии, когда его с целью "раскрепощения" посылают на овощную базу перебирать гнилую картошку, или направляют на несколько недель в колхоз для уборки урожая. Он справедливо считает эту меру может быть и вынужденной, но представляющей собою дальнейшую растрату человеческого труда.

УСЛОВИЕ УСТРАНЕНИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА ПОСТАВЛЕНО КЛАССИКАМИ МАРКСИЗМА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СНЯТЬ ВОПРОСЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ПОДСЧЕТА ТРУДА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ, ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРЕОДОЛЕТЬ ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ НЕОБХОДИМОСТЬЮ ОПРЕДЕЛЯТЬ СТОИМОСТЬ КАК КОЛИЧЕСТВО ТРУДА, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В ПРОДУКТЕ, В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИЗМА И НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ ОПРЕДЕЛИТЬ ЭТУ СТОИМОСТЬ ПУТЕМ РАСЧЕТА ПРИ ОТСУТСТВИИ РЫНКА.

Но если снять этот неприятный вопрос, то все отлично! Мы находимся на прямом пути к светлому будущему! *"Стоимость в марксовом ее понимании из экономической жизни нашего общества исчезла. Вместо нее начинает функционировать категория СРЕДНИХ ЗАТРАТ (реальные затраты), возникающая в плановом порядке из суммы индивидуальных затрат на отдельных предприятиях. Закон стоимости как регулятор экономических процессов теряет свою силу"* Г.Лисичкин. Там же.

И вдруг, на-тебе:

"...НИКАКАЯ ФОРМА ОБЩЕСТВА не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества тем или иным путем регулировало производство" Маркс - Энгельсу.1868

Кажется, ясно и недвусмысленно.

ЗАКОН СТОИМОСТИ потому и **ЗАКОН**, что его действие проявляется тем или иным способом **ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЖЕЛАНИЯ ЛЮДЕЙ** (имманентно, как любил говорить Маркс), **ЕСЛИ И ПОСКОЛЬКУ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВАНО НА РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА** .

Называйте его как хотите, "законом экономии рабочего времени", "Законом экономии затрат", "Законом разделения труда" – это один и тот же закон человеческого бытия при данном способе производства, под которым понимается способ, когда одни продукты производят одни люди, а другие продукты – другие люди. Для краткости мы будем попрежнему называть его **ЗАКОНОМ СТОИМОСТИ**, имея в виду, что пока существует разделение труда, должен существовать и более или менее справедливый обмен одних продуктов на другие, обмен равного труда на равный, равной созданной стоимости на равную. Неравенство отдельных людей как производителей должно компенсироваться при этом более или менее справедливой и развитой системой социального обеспечения и производственного страхования.

Нарушение этого закона не будет иметь для производства катастрофических последствий только в том случае, если труд человека ВО ВСЕХ ОБЛАСТЯХ ПРОИЗВОДСТВА станет либо неэффективным, либо не определяющим темпов развития общества.

Почему же сегодня, когда пройден такой большой путь к "коммунизму", через 100 лет после наведения ясности в этом вопросе, снова возникают споры между сторонниками "товарного" и "нетоварного" социализма? (см.Г.Лисичкин."Тернистый путь к изобилию"). Почему такой спор вообще возможен?

Именно потому, что, как мы только что видели, в трудах, высказываниях, письмах Классиков содержится как бы противоречие. С одной стороны, указан путь, по которому прошли Советы, и на котором были приняты меры, рекомендованные Классиками – ликвидировано товарное производство, рынок и само понятие стоимости, ликвидирована мерзкая частная собственность; а с другой стороны – наглая демонстрация высочайших

преимущественных, опережающих темпов развития капиталистических стран и "успешные" по мнению "товарников" экономические эксперименты внутри страны, более успешные, чем результаты жесткого планирования всех и вся.

НО НЕТ НИКАКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ У КЛАССИКОВ.

Действительно, СТОИМОСТЬ нельзя рассчитывать и, тем более, с помощью якобы рассчитанной стоимости регулировать спрос и предложение. Но Классики никогда этого и не предлагали. Понятие СТОИМОСТИ предполагает наличие ОБМЕНА, наличие РЫНКА, на котором этот обмен осуществляется. А в марксо-энгельсовских моделях будущего никакого обмена нет! Есть плановое производство и плановое же РАСПРЕДЕЛЕНИЕ. Определенное количество труда, отданное обществу, не обменивается на равное по стоимости или по затратам труда количество продуктов; произведенные продукты ПЛАНОВО РАСПРЕДЕЛЯЮТСЯ! Кажущаяся форма обмена труда на "деньги" и "денег" на продукты есть лишь форма и не более того. И "денег" этих вам было выдано ровно столько, чтобы скомпенсировать предложение в масштабе общества, реализовать, распределить продукт. А то, что спрос выше, чем предложение, так он при любом уровне производства может оказаться выше, спрос нужно разумно регулировать, то есть снижать свои потребности до уровня возможностей, если вы сознательные члены коммунистического общества.

Одно только упускается из виду людьми, принимающими участие в этих спорах. Как следует из 26-и приведенных нами цитат, это будущее общество вообще может функционировать описанным Классиками способом ТОЛЬКО В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА! Только в этих условиях не потребуются приравнивать друг другу различные виды труда и продукты смогут перестать быть товарами. Это обстоятельство тщательно затушевывается в "марксистской" литературе ЭРС и понятно, почему. Ведь на сегодняшний день отсутствие разделения труда просто невыносимо, если не иметь в виду полное устранение человека из сферы производства. А отсюда следует, как уже было показано выше, что пресловутый "светлый путь к коммунизму" не более чем крупнейший блеф XX века, крупнейшая трагедия великого народа.

В обществе, в котором разделение труда не только сохраняется, но с течением времени все более расширяется и углубляется, и в котором, с другой стороны, ликвидирован рынок и продукты производства, не принимая формы товаров, планово распределяются между производителями, ЗАКОН СТОИМОСТИ ДОЛЖЕН ДЕЙСТВОВАТЬ, обязательно действует, не может не действовать. Но каким образом? Этого ни Маркс, ни Энгельс, ни, тем более последующие марксисты (кроме, быть может, Плеханова) не исследовали, да и не имели такой возможности. Это вынуждены делать мы с вами.

Подведем итоги

1. Монополизация средств производства всей страны, сосредоточение их в одних руках, влечет за собой ликвидацию рынка, который может существовать только при наличии большого числа независимых производителей.

2. Ликвидация рынка делает невозможным действие ЗАКОНА СТОИМОСТИ прямым путем, как регулятора общественного производства.

3. Результатом этого является исчезновение понятия СТОИМОСТЬ, которую становится невозможным определить. Вместо стоимости возникает ПЛАНОВАЯ ЦЕНА, не имеющая со стоимостью ничего общего.

4. Монополизация средств производства в масштабах страны с неизбежностью влечет за собой исчезновение рынка рабочей силы.

5. В тот момент, когда средства производства сосредоточиваются в одних руках и исчезает рынок продукции, в тот же момент исчезают и условия конкуренции, порождающие стремление к непрерывному снижению себестоимости продукции и к повышению ее качества. В тот же момент теряет смысл своего существования и рынок рабочей силы, ибо в этих условиях, в условиях отсутствия необходимости повышать качество при снижении себестоимости, становится ненужным отбор самой высококвалифицированной, самой высокопроизводительной рабочей силы, и получить максимальную прибыль можно лишь заставляя всех без исключения работать с максимальной, ничем не ограниченной и никем не контролируемой степенью эксплуатации рабочей силы.

Архирабовладелец не может допустить, чтобы в его стране-фабрике существовали люди, которые не работают, но которых нужно кормить. Пусть они не приносят почти никакой пользы на производстве, зато будут под присмотром, да и на безработицу жаловаться не станут. Не имеет значения, что часть этой рабочей силы ниже среднего качества, а часть – вообще ниже всякой критики: ведь архирабовладелец не покупает ее, а берет практически даром, так что на величину СТОИМОСТИ ее применение практически не влияет, тем более, что и самого то понятия СТОИМОСТЬ вроде бы и нет.

6. Поэтому вознаграждение за труд теперь (при отсутствии рынка рабочей силы) выступает не в форме заработной платы, а в форме "цены содержания рабочей силы" или "оклада жалованья".

7. В свою очередь, вознаграждение за труд в форме "цены рабочей силы" в сочетании с трудовой повинностью определяют РАБСКУЮ ФОРМУ ТРУДА. Трудовая повинность и всеобщая занятость вовсе не одно и то же. Возможность всегда найти работу (всеобщая занятость) не обязательно должна быть связана с принуждением к труду, с преследованием за то, что человек, хотя бы временно, нигде не работает.

8. Полное отделение трудящихся от средств производства при сосредоточении этих средств производства в руках немногочисленной политической олигархии – Политбюро ЦК – по необходимости и резко делит общество на два класса: правящую микроэлиту – совокупного рабовладельца, и огромный трехсотмиллионный класс РАБОВ, часть которых, оставаясь попрежнему рабами, образует слой надсмотрщиков в виде бюрократического аппарата принуждения.

9. Денежное обращение в стране при этом может продолжать существовать, а может быть и отменено, как в Кампучии во времена Пол Пота; но принимает теперь оно форму чекового обращения, обращения "квитанций". Так как нет свободного рынка, то и золото как эквивалент на рынок не попадает, а продается и покупается архирабовладельцами через свои государственные учреждения, магазины, по принудительному курсу, причем продается населению по более высоким ценам, чем покупается у него.

10. Начиная с момента полного исчезновения безработицы (это произошло в СССР примерно около 1926 года) ЗАКОН СТОИМОСТИ начинает действовать в новых условиях – в условиях отсутствия рынка, рынка продуктов, средств производства и рабочей силы. Продукты и средства производства, а также рабочая сила на рынок не выносятся, а следовательно, перестают быть товаром. В этих условиях **ЗАКОН СТОИМОСТИ проявляет себя в форме монотонного снижения темпа роста производительности труда.**

Происходит это по следующей причине.

При рыночной системе задача, например, рытья котлована может быть решена как с помощью покупки, например, экскаватора, приобретенного на рынке средств производства, так и с помощью найма отряда землекопов на рынке рабочей силы. Свободный предприниматель может сделать то или другое. СТОИМОСТЬ экскаватора и его эксплуатации известна, СТОИМОСТЬ рабочей силы землекопов - тоже. Простой расчет приводит к правильному решению, какая бы ситуация на рынке ни сложилась к этому моменту. Кстати, не всегда использование экскаватора выгоднее; в некоторых случаях более правильным является найм землекопов. Во всяком случае принятое решение может быть обосновано экономическим расчетом, и для его реализации нет никаких препятствий.

В случае отсутствия рынка при решении данной простой задачи возникают трудности. Во-первых, неизвестна действительная СТОИМОСТЬ экскаватора, известна лишь его "плановая цена". Во-вторых, экскаватор из-за отсутствия рынка может быть по целому ряду причин в нужный момент не поставлен заводом-изготовителем, то-есть может быть "фондируемым", дефицитным изделием, также распределяемым в плановом порядке. В третьих, если даже расчеты и показывают неэффективность использования экскаватора по сравнению с землекопами, последних может не оказаться в наличии из-за "всеобщей занятости" и придется все-таки воспользоваться экскаватором, если он имеется под рукой.

Именно по этим причинам и возникает в социалистическом производстве масса ситуаций, когда "микроскопом забивают гвозди" потому что микроскоп тяжелый, а молотка под рукой нет.

11. Таким образом любое принятое производственное решение не может быть обосновано экономически, и это заранее предопределяет снижение эффективности производства, снижение производительности труда.

Из приведенного в п.10 примера следует, между прочим, что применение экскаватора вместо землекопов в случае, когда выгоднее использовать именно землекопов, снижает

среднюю по обществу производительность труда именно землекопов, производительность чисто ручного труда, снижать которую, кажется, уже некуда.

12. Поскольку эти два фактора – отсутствие рынка средств производства и рынка рабочей силы – действуют во всех областях производства и общественной жизни, постольку принятие неэффективных, экономически необоснованных решений становится правилом, а не исключением, и даже в определенных случаях переходит в привычку.

13. Необоснованные экономические решения снижают темп роста производительности труда по сравнению с планируемой ее величиной. Планирует эту величину Госплан на пятилетку, а необоснованные экономические решения принимаются каждый день в течение всей этой пятилетки на всех уровнях производства в силу двух (а на самом деле - одной) вышеуказанных причин.

"Дойти до каждого винта" Госплан вместе со всеми своими сверхмощными американскими вычислительными машинами не может, не в состоянии. Эти необоснованные технические решения принимаются вынужденно, и от желания или требования архирабовладельца или его управляющих здесь ничего не зависит; никакими другими кроме как экономически необоснованными эти решения быть не могут. Поэтому снижение темпа роста производительности труда является для эпохи развитого социализма ЭКОНОМИЧЕСКИМ ЗАКОНОМ.

14. ПОСКОЛЬКУ ЛИКВИДАЦИЯ РЫНКА И КОНКУРЕНЦИИ СНИЖАЕТ ТРЕБОВАНИЯ К КАЧЕСТВУ РАБОЧЕЙ СИЛЫ, постольку на первое место для организаторов производства выдвигается требование безусловного подчинения приказам сверху, ибо без централизованного планирования и руководства подобная архирабовладельческая, сверхмонополизированная система существовать не может. Это создает условия для повсеместного укомплектования руководящего аппарата людьми с относительно низкой производственной квалификацией ("Незаменимых людей у нас нет" И.Сталин). В отличие от высококвалифицированных специалистов они более готовы принять любые навязываемые "сверху" решения; в силу своей некомпетентности им это легче делать психологически (не ведают, что творят), и главное, они понимают, что в создавшихся условиях их благосостояние и положение на общественной лестнице зависит в первую очередь от отчетности, а не от существа дела.

Высококвалифицированные же специалисты, как правило, не могут принимать экономически или технически необоснованных решений, они "болеют за дело". Это в конце концов приводит их к конфликту и, как следствие, к торможению их роста, карьеры. В настоящее время квалифицированный специалист постоянно сталкивается с ситуацией, когда желание создать наилучшее изделие при наименьших затратах приходит в непреодолимое противоречие с требованиями руководства или производственно-экономической ситуацией.

15. В результате такого расслоения, отделения слоя малокомпетентных "руководителей" от нижележащего слоя высококвалифицированных специалистов, создаются наилучшие условия для принятия необоснованных технико-экономических решений, условия для

"волюнтаризма", дающие толчок к началу снижения темпа роста производительности труда.

16. Основным средством повышения производительности труда является технический прогресс, развитие науки и техники, и в первую очередь – машиностроения. Это процесс создания машин, не просто заменяющих труд человека или облегчающих его, а именно повышающих производительность этого труда, причем даже не производительность труда конкретного человека, работающего на этой машине, а производительность труда в среднем по обществу, с учетом всех затрат на производство и эксплуатацию машины в течение определенного времени.

17. Вовсе не каждая машина, включенная в процесс производства, может повысить среднюю по обществу производительность труда. Для этого технико-экономические показатели машины должны быть тщательно рассчитаны и оптимизированы. А в условиях наличия дефицита материалов, средств производства и необходимой рабочей силы, да еще при низкой квалификации надсмотрщиков-"руководителей" принятие наиболее целесообразных решений становится просто невозможным. Поэтому невозможно проектировать и создавать машины, в наибольшей степени соответствующие существующему уровню мирового общественного производства, а значит, и работа их в сфере производства будет неизбежно приводить к увеличению необходимого рабочего времени на производство продукта по сравнению с общественно-необходимым.

18. Иногда даже гордятся тем, что современная машина требует якобы более высокой квалификации от рабочего, и что придет время, когда у станков будут стоять люди с высшим образованием. Гордиться здесь нечем и утверждать это можно только среди людей, не разбирающихся в политэкономии. Если для эксплуатации машины нужен инженер, это, как правило, плохая машина. Хороший пример тому – личный автомобиль советского человека. Если он спроектирован и изготовлен на низком уровне, то владельцу нужно хорошо знать всю эту технику, чтобы самостоятельно ее обслуживать и ремонтировать, и кроме того, требуется иметь большое количество ремонтных мастерских по всей стране. В ЭРС тяжелое положение с автосервисом не потому, что "народу и запчастей нехватает", а потому, что машины изготавливаются низкокачественные, а дороги – вне всякой критики. Все это в комплексе порождает дефицит еще в одной сфере, а вместе с ним – воровство и взяточничество, и создает массу забот владельцу автомобиля. Не случайно последние называются у нас автолюбителями; ведь никому не приходит в голову называть радиолюбителями владельцев телевизоров и радиоприемников.

19. Попадая на производство, машина, если это средство производства, переходит в руки других рабов – так называемых "непосредственных производителей", людей с той же рабской психологией, но с меньшим образовательным и культурным уровнем. Здесь происходит дальнейшее снижение производительности общественного труда путем неправильного использования или эксплуатации машины, что имеет следствием сокращение ее срока службы против расчетного. Мы даже оставляем в стороне нарушения технологии процессов производства из-за использования изношенных станков и оборудования, которое вынуждено работать до тех пор, пока просто не развалится. Все это

приводит к ухудшению качества выпускаемой продукции и к омертвлению еще одной части общественного труда.

20. Использование высокопроизводительных орудий производства в условиях рабского труда невыгодно экономически, так как приводит к преждевременному износу и некупаемости этих орудий – на это обращал внимание еще Маркс в 1 томе "Капитала".

21. Таким образом в результате того, что снижение производительности и качества труда рабов – инженеров, техников и рабочих – привело к увеличению действительных затрат труда и материалов на производство машин (и вообще средств производства), стоимость этих средств получилась бóльшей, а качество более низким, чем это было бы возможно при данном уровне развития техники. Машины получились не такие эффективные, как могли бы быть и должны были бы быть при том уровне средств производства, которые были использованы при их изготовлении и эксплуатации. Поэтому их применение в производстве с точки зрения использования их СТОИМОСТИ неоправданно. Такие машины требуют повышенного расхода ресурсов при их эксплуатации, в том числе малоквалифицированной рабочей силы, что имеет следствием вовлечение в трудовой процесс все новых и новых трудовых ресурсов, в последнее время (на последней, по-видимому, стадии) главным образом женщин.

22. Постепенное вовлечение все большей части незанятого населения в производительный труд в условиях сверхмонополистического, архирабовладельческого строя, в условиях отсутствия понятия СТОИМОСТЬ, замаскировывает до определенного момента процесс снижения темпа роста производительности труда. Некоторое время может даже происходить абсолютный рост производства. Ведь те, кто вчера только потреблял, например женщины, сегодня, хоть и не слишком эффективно, но все же кое-что, кажется, производят. Но это только кажется. Отрыв женщин от их естественных сфер деятельности, от воспитания детей, сферы культуры приводит в конце концов к катастрофическим последствиям для общества, которые в большинстве своем страна ЭРС начинает ощущать уже сегодня.

23. Однако, увеличение числа рабочих мало связано с увеличением производительности труда, скорее наоборот. Аналогичное явление наблюдалось в Древнем Риме. До тех пор, пока приток рабов был достаточен для роста и процветания хозяйства, никто не заботился о повышении производительности труда. Даже насосы, откачивающие воду из шахт, было проще и выгоднее приводить в движение мускульной силой рабов, а не лошадей; поэтому, в частности, и лошадиная упряжь не совершенствовалась. Но как только приток рабов стал уменьшаться, обнаружилось, что уровень производительности труда крайне низок, и оставшиеся рабы не в состоянии прокормить не только своего хозяина, но и самих себя.

24. Даже если темп роста производительности труда упадет до нуля, некоторое время может происходить рост производства. Скажем, при некоторой производительности труда Робинзона, он мог строить в год один козий загон и поголовье его коз могло расти. Но спустя 10 лет, построив 10 загон, он будет вынужден часть своего времени выделять на нужды, связанные с поддержанием этого козьего хозяйства на некотором постоянном уровне (ремонт загон, дойка коз и пр.) Объем производства, определяемый данной и

неизменной производительностью труда Робинзона, возрос до своего максимума и больше не увеличивается.

Если до этого Робинзон только и делал, что строил и строил, т.е. экстенсивно расширял свое производство, то теперь все вновь созданное требует эксплуатационных расходов труда (времени), оно камнем висит у него на шее, не давая возможности, не оставляя времени и сил для того, чтобы совершенствовать процессы производства, вводя новшества, увеличивающие производительность труда.

25. И, как только трудовые ресурсы исчерпаны, ЗАКОН СТОИМОСТИ показывает свои волчьи зубы. Производство неизбежно начинает тормозиться – это и есть результат действия экономического ЗАКОНА.

26. С этого момента снижение темпа роста производительности труда ничем уже не маскируется. Непрерывно возрастающая (из-за снижения качества проектирования, изготовления и эксплуатации машин) потребность в малоквалифицированной рабочей силе (вы только посмотрите один раз на объявления о найме на работу на воротах проходных крупных предприятий: требуются кто угодно, только не инженеры высокой квалификации) неизбежно вызывает относительное повышение уровня оплаты этой малоквалифицированной рабочей силы.

"В целом по промышленности среднемесячная оплата труда инженерно-технических работников сейчас всего на 20 рублей выше, чем у рабочих; а еще в 1970 году эта разница составляла 47 рублей". (Сов.Россия, 29 марта 1985 г. "Непрестижный инженер").

Надо сказать, что и рубль тогда был немного дороже. Если взять в целом не по промышленности, а по стране, то наверное окажется, что сейчас рабочий получает даже больше инженера.

27. Таким образом, существующий сегодня "перекос" в оплате труда в сторону повышения уровня оплаты относительно малоквалифицированной рабочей силы есть логическое и неизбежное следствие сверхмонополизации производства. Это, в свою очередь, порождает дальнейшее снижение производительности труда высококвалифицированных инженеров, которые перестают быть заинтересованы в наивысшем напряжении своих сил (скорее наоборот), по крайней мере с точки зрения повышения оплаты их труда.

Для устранения этого перекоса у архитебовладельцев средств нет, да и нет гарантии, что это решило бы проблему: ведь ранее такого перекоса не было, не в нем именно дело; он возник как следствие проявления экономического закона, ЗАКОНА СТОИМОСТИ, и причина тому – сверхмонополизация средств производства.

28. Интересно отметить, что при этом создается иллюзия перепроизводства инженеров и ученых: спрос существует только на низкоквалифицированную рабочую силу. Это в свою очередь также имеет отрицательные социальные последствия.

(Перепроизводство инженеров и ученых сходно до определенной степени с перепроизводством средств производства во время капиталистических кризисов – но только до определенной степени)

29. Поскольку снижение темпа роста производительности труда происходит независимо от желания и расчетов Госплана, возникает разрыв между количеством запланированной к выпуску продукции и количеством действительно произведенной продукции; возникает пресловутый ДЕФИЦИТ КОЛИЧЕСТВА продукции. Хотя план и является законом, и его невыполнение должно иметь следствием уголовную ответственность, министерства смотрят на невыполнение плана "сквозь пальцы", в худшем случае предприятие лишается премии, а директор получает выговор. Но от этого выпуск продукции не увеличивается, и эти акции имеют лишь косвенное значение.

Со своей стороны директора предприятий пытаются не исправить положение, а "выйти из него". Некоторые из них пускаются в сомнительные с точки зрения закона "хозяйственные операции". Например, чтобы выполнить план по сдаче картофеля (если его нормальным путем выполнить невозможно) председатель колхоза якобы (по бумагам) сдает недостающую часть плановых поставок на пункт переработки, откуда он его якобы (по бумагам) получает после якобы переработки в картофельную муку, после чего якобы (опять же по бумагам) скармливает своим коровам. Здесь важно, чтобы последняя операция оставалась за самим председателем, чтобы его никто не мог проконтролировать до конца. Председатель план выполнил, пункт переработки может быть даже и перевыполнил, не работая ни минуты, и даже получил премию за экономию электроэнергии – ведь она же не была затрачена в этом якобы "производственном" процессе. Все довольны, кроме коров, которым вместо картофельной дали хвойную муку, чтобы они не сдохли с голоду. Но коровы не изучали политэкономии социализма, они крайне несознательные, и удои неизбежно падают. Теперь оказывается невыполненным план по молоку (но это уже в следующем отчетном году, о результатах прошлого года все уже позабыли). Теперь начинается новая история, уже с молочным приемным пунктом, но в том же духе. В результате председатель колхоза в худшем случае будет наказан за "приписки", а в лучшем случае – с колхоза будет "списан" очередной долг государству. Но удои от этого не повысятся и картошки больше не станет. Дефицит в одном месте хозяйства порождает дефицит сразу в нескольких местах, он распространяется как заразная болезнь.

Другие директора, более осторожные, пытаются выполнить план за счет "внутренних резервов". Это означает, что в условиях дефицита, в условиях нехватки поставляемого с других предприятий сырья, директор, по соглашению с отделом технического контроля предприятия (а иногда даже и с военной приемкой, если тем не терпится получить еще одну звезду на погоны, или они боятся эти погоны потерять вообще) идет на заведомое снижение качества выпускаемой продукции, "более чем экономно" расходуя имеющийся запас дефицитных материалов. Именно таким образом возникает самый опасный дефицит – ДЕФИЦИТ КАЧЕСТВА выпускаемой продукции.

32. Дефицит качества есть главное оружие директора-раба в борьбе с давлением со стороны архирабовладельца, требующего от директора безусловного выполнения безусловно невыполнимого, навязанного архирабовладельцем, плана. Его невозможно выполнить в

условиях отсутствия рынка средств производства и рабочей силы и вытекающих из этого правовых требований – так называемой "финансовой дисциплины" и жесткого "штатного расписания".

33. ДЕФИЦИТ КАЧЕСТВА дает очередной толчок ДЕФИЦИТУ КОЛИЧЕСТВА продукции. Если машина или какое-нибудь другое изделие служат меньше запланированного срока из-за невысокого качества, она не окупается и, главное, таких машин требуется больше, чем это было запланировано "наверху". Создается дефицит количества материалов и средств производства в масштабе всего общественного производства, который опять, по вышеизложенному механизму переходит в дефицит КАЧЕСТВА и так далее. Круг полностью замыкается.

34. В Политбюро, возможно, все это понимают. Только этим можно объяснить попытки все же изменить положение. Одна из последних пятилеток была даже объявлена "пятилеткой качества". Плановые задания были значительно уменьшены или не возросли в надежде на уменьшение величины дефицита.

Но положение не изменилось. Снижение темпа роста производительности труда продолжалось. И это неудивительно. Ведь условия, порождающие принятие вынужденно необоснованных технико-экономических решений, продолжают существовать – это условия отсутствия рынка средств производства и рынка рабочей силы. Они будут существовать и впредь. Изменить эти условия Политбюро не может – это означало бы его отказ от власти над средствами производства, ОТКАЗ ОТ ВЛАСТИ ВООБЩЕ...

*

В одной фантастической повести житель Земли, попавший на другую звезду, спрашивает у аборигена – зачем им нужно расширяться в космосе (обсуждается вопрос о высокой стоимости создания новых колоний и целесообразности наращивания их числа)? Не лучше ли остановиться на некоторое время, поднакопить силы и средства для нового броска? Инопланетянин отвечает ему: "Человечество должно непрерывно увеличивать свой рост, это – биологический закон, мы не можем уменьшить темпа роста, *торможение само по себе означает регресс*". В повести нет разъяснения, почему это так. Но на примере общества развитого социализма мы можем теперь это понять. Снижение темпа роста производительности труда и регресс - это синонимы.

В 1871 году, вскоре после того, как появилась книга Дарвина "Происхождение человека", в которой великий ученый доказывал родство человека с обезьянами, епископ Уорчестерский сказал: "Будем надеяться, что все это неверно, но если он прав, надо молиться, чтобы это осталось неизвестным широкой публике".